МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

О. А. Артёмова

ТИПОЛОГИЯ ДЕЙКСИСА В СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (на материале белорусского и английского языков)

Минск МГЛУ
2019

УДК [(811.161.3+811.111)’36]
ББК 81.411.3–212.4
81.432.1–212.4
А86

Р е к о м е н д о в а н а Редакционным советом Минского государственного линвистического университета. Протокол № 7 от 21.05.2019 г.

Р е ц е н з е н т ы : доктор филологических наук, профессор *О. А. Лецинская* (ГГУ им. Ф. Скорины); доктор филологических наук, профессор *А. П. Клименко* (МГЛУ)

Артёмова, О. А.

А86 Типология дейксиса в семантико-прагматическом аспекте (на материале белорусского и английского языков) / О. А. Артёмова. – Минск : МГЛУ, 2019. – 176 с.

ISBN 978-985-460-923-2

В монографии, посвященной сопоставительному исследованию дейксиса в белорусском и английском языках, представлена его семантико-прагматическая организация, определяются общее и специфическое в семантике, структуре и функционировании белорусских и английских дейктических единиц, выявляются типологические закономерности способов выражения дейксиса в сопоставляемых языках, устанавливается роль дейксиса в коммуникативно-прагматической организации дискурса, эксплицируются типы межъязыковой белорусско-английской дейктической эквивалентности и представляются принципы ее лексикографической параметризации.

Адресуется лингвистам, аспирантам, магистрантам и студентам филологических специальностей учреждений высшего образования.

УДК [(811.161.3+811.111)’36]
ББК ББК 81.411.3–212.4
81.432.1–212.4

ISBN 978-985-460-923-2

© Артёмова О. А., 2019
© УО «Минский государственный лингвистический университет», 2019

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АБС – Пашкевіч, В. Ангельска-беларускі слоўнік / В. Пашкевіч ; пад рэд. С. Шупы. – Мінск : Зміцер Колас, 2006. – 1028 с.

англ. – английский

АПНКРЯ – Английский подкорпус Национального корпуса русского языка.

БАРФС – Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – М. : Рус. яз., 2005. – 1224 с.

белорус. – белорусский

БЛРС – Большой латинско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http: //www.linguaeterna.com/vocab. – Дата доступа : 12.05.2017.

БНС – Кур'янка, М. Беларуска-нямецкі слоўнік / М. Кур'янка. – Мінск : Зміцер Колас, 2010. – 608 с.

БПНКРЯ – Белорусский подкорпус Национального корпуса русского языка.

БППФ – Янкоўскі, Ф. М. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / Ф. М. Янкоўскі. – Мінск : Беларус. навука, 2004. – 494 с.

БРАС – Дубровин, М. И. Большой русско-английский словарь [Электронный ресурс] / М. И. Дубровин. – 2011. – Режим доступа : http.://www.classes.ru/dictionary-russian-english-universal-term-55159.htm. – Дата доступа : 12.12.2016.

БРАФС – Лубенская, С. И. Большой русско-английский фразеологический словарь / С. И. Лубенская. – М. : АСТ-ПРЕСС, 2004. – 1056 с.

БРС – Беларуска-расейскі слоўнік [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : https://www.belarusian_russian.academic.ru. – Дата доступу : 12.04.2017.

букв. – буквально

БФ – Янкоўскі, Ф. М. Беларуская фразеалогія / Ф. М. Янкоўскі. – Мінск : Выш. шк., 1968. – 448 с.

БЭС – Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / гл. ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. ; СПб ; БСЭ, 2000. – Режим доступа : http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/278110. – Дата доступа : 12.10.2017.

БНК – Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : https://www.bnkorpus.info. – Дата доступу : 04.12.2016.

ДЕ – дейктическая единица

Д. п. – дательный падеж

ед. ч. – единственное число

ЗНФ – Лепешаў, І. Я. З народнай фразеалогіі / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Выш. шк., 1991. – 109 с.

и др. – и другие

ИСРЯ – Баранов, О. С. Идеографический словарь русского языка / О. С. Баранов. – М. : Прометей, 1990. – 252 с.

и т.д. – и так далее

и т.п. – и тому подобное

ИЭС – Индоевропейский этимологический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.proto-indoeuropean.ru/pie-s/index.html. – Дата доступа : 03.09.2017.

л. – лицо

ЛЕ – лексическая единица

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М. : Бол. рос. энцикл., 2002. – 709 с.

МЛД – микрополе личного дейксиса

мн.ч. – множественное число

МО – микрополе одновременности

МП – микрополе предшествования

МПД – микрополе пространственного дейксиса

МРБСППФ – Санько, З. Малы расейска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем / З. Санько. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 224 с.

МС – микрополе следования

МСБМ – Бардовіч, А. М. Марфемны слоўнік беларускай мовы / А. М. Бардовіч. – Мінск : Выш. шк., 1989. – 718 с.

МТД – микрополе темпорального дейксиса

НАРС – Новый англо-русский словарь / В. К. Мюллер [и др.]. – М. : Рус. яз., 1995. – 880 с.

«Настаўн. газ.» – «Настаўніцкая газета»

НБАРС – Новый большой англо-русский словарь = New English-Russian dictionary : в 3 т. [Электронный ресурс] / ред. Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова. – М. : Рус. яз., 1993–1994. – Режим доступа : http://www.classes.ru/dictionary-english-russian-Apresyan-term-10511.html. – Дата доступа : 10.09.2011.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – М., 2003–2012. – Режим доступа : http://www.ruskorpora.ru/search-para-en.html. – Дата доступа : 20.04.2011.

НСВ – несовершенный вид

под. – подобное

РАС – Смирницкий, А. И. Русско-английский словарь / А. И. Смирницкий. – М. : Рус. яз., 1995. – 768 с.

РАФС – Квеселевич, Д. И. Русско-английский фразеологический словарь / Д. И. Квеселевич. – М. : Рус. яз., 1998. – 704 с.

РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Азбуковник, 1998. – 6 т.

рус. – русский

СВ – совершенный вид

СЛТ – Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс] / Т. В. Жеребило. – Режим доступа : http://www.linguistics_dictionary.academic.ru. – Дата доступа : 10.04.2015.

СПД – семантическое поле дейксиса

с. р. – средний род

ССАИ – Соломоник, Т. Г. Словарь современных английских идиом / Т. Г. Соломоник. – СПб. : Золотой век, 2003. – 416 с.

СТСРИ – Баранов, А. Н. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики : 8 000 идиом совр. рус. яз. / А. П. Баранов. – М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. – 1135 с .

СФ 1 – Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2008. – Т. 1 : А–Л. – 672 с.

СФ 2 – Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2008. – Т. 2 : М–Я.– 704 с.

ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : https://www.skarnik.by/tsbm/13068. – Дата доступу : 04.12.2016.

ФЕ – фразеологическая единица

ФС – Янкоўскі, Ф. М. Фразеалагічны слоўнік / Ф. М. Янкоўскі. – Мінск : Нар. асвета, 1973. – 352 с.

ФСМТЯК – Аксамітаў, А. С. Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Я. Коласа / А. С. Аксамітаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 655 с.

ФСП – функционально-семантическое поле

ФСПД – функционально-семантическое поле дейксиса

ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы : у 14 т. [Электронны рэсурс] / рэдкал.: В. У. Мартынаў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1978–2018. – Рэжым доступу : http: //www. knihi.com/.../ Etymalahicny_ slounik_bielaruskaj_movy_zip. – Дата доступу : 23.05.2017.

ЭСРЯ – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка = Russisches etymologisches Wörterbuch / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. 1–4.

ЭСФ – Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2004. – 443 с.

AH – Ammer, C. The American Heritage [Electronic resource] / C. Ammer // Dictionary of Idioms. – 2000. – Mode of access : http://idioms.thefree-dictionary.com. – Date of access : 14.10.2015.

AID – Spears, R. American Idiom Dictionary [Electronic resource] / R. Spears. – Mode of access : http://www.http.lib.ru. – Date of access : 14.09.2011.

BNC – The British National Corpus [Electronic resource]. – Oxford, 2010–2012. – Mode of access : http://www.natcorp.ox.ac.uk. – Date of access : 14.05.2015.

CALD – Cambridge Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access : http://www.cambridge.org/dictionary/british. – Date of access : 05.05.2016.

CCDI – Sinclair, J. Collins Cobuild Dictionary of Idioms / J. Sinclair – London : Collins Publ., 1995. – 493 p.

CCEDAL – Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.dictionary.reverso.net. – Date of access : 02.11.2010.

CD – Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.en.oxforddictionaries.com/definition/cambridge. – Date of access : 14.05.2017.

CDAI – *Heacock, P.* Cambridge Dictionary of American Idioms [Electronic resource] / P. Heacock. – Mode of access : http://www.idioms.thefreedictionary.com. – Date of access : 03.04.2016.

CDEI – *Freeman, W. A.* Concise Dictionary of English Idioms / W. Freeman. – London : Hodder a. Stoughton, 1982. – 215 p.

CDI – *Sinclair, J.* Cobuild Dictionary of Idioms / J. Sinclair. – London : Collins Publ., 1995. – 493 p.

CED – Collins English Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/go. – Date of access : 05.05.2016.

CI – *Kirkpatrick, E. M.* Chambers Idioms / E. M. Kirkpatrick, C. M. Schwarz. – Singapore : Federal Publ., 1983. – 432 p.

CID – Cambridge Idioms Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.idioms.thefreedictionary.com. – Date of access : 12.04.2017.

DAIPV – *Spears, R.* McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs [Electronic resource] / R. Spears. – 2011. – Mode of access : http://www.idioms.thefreedictionary.com. – Date of access : 03.03.2016.

DASCE – *Spears, R.* Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions [Electronic resource] / ed. R. Spears. – 2012. – Mode of access : http://www.dictionary.reference.com. – Date of access : 03.03.2010.

EIU – *McCarthy, M.* English Idioms in Use / M. McCarthy, F. O'Dell. – Cambridge Univ. Press, 2010. – 188 p.

ERDGL – English-Russian Dictionary of General Lexicon [Electronic resource] / R. Spears. – 2011. – Mode of access : http://www.idioms.thefreedictionary.com. – Date of access : 03.03.2016.

etc. – et cetera

FDI – Farlex Dictionary of Idioms [Electronic resource] / ed. R. Spears. – 2011. – Mode of access : http://www.idioms.thefreedictionary.com. – Date of access : 03.03.2016.

LD – Longman Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.ldoceonline.com/dictionary/open-mouthed. – Date of access : 13.03.2015.

LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. – London : Longman, 1995. – 1668 p.

LDEI – *Long, Th. H.* Longman Dictionary of English Idioms / Th. H. Long. – London : Longman, 1987. – 387 p.

MD – Macmillan Dictionary [Electronic resource]. – 2009–2012. – Mode of access : http://www.mcmillandictionary.com. – Date of access : 10.03.2016.

MWLD – Miriam-Webster Learner's Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.learnersdictionary.com. – Date of access : 20.03.2016.

OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. – Electronic text data and program (10 Mb). – Oxford : Oxford univ. press, 2000. – 1 electron. opt. disk (CD-ROM).

ODCIE 2 – Cowie, A. P. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English / A. P. Cowie, R. Mackin, I. R. McCaig. – Oxford : Oxford univ. press, 2000. – 685 p.

OED – Oxford English Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.oed.com. – Date of access : 20.03.2016.

OETD – Online Etimological Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.etymonline.com. – Date of access : 20.03.2016.

PDEI – Daphne, M. G. The Penguin Dictionary of English Idioms / M. G. Daphne, D. Hinds-Howell. – London : Penguin Books, 2001. – 378 p.

RHUD – The Random House Unabridged Dictionary [Electronic resource]. – Electronic text data and program (10 Mb). – N. Y. : Random House ; Auckland : WordPerfect, 1993. – 1 electron. opt. disc (CD-ROM).

SBPPB – Jasińska, T. Słownik białorusko-polski, polsko-białoruski / T. Jasińska, A. Bartoszewicz. – Warszawa, 1996. – 621 s.

WNWCD – Webster's New World College Dictionary [Electronic resource]. – 1996–2012. – Mode of access : http://www.idioms.yourdictionary.com. – Date of access : 24.05.2017.

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития языкознания характеризуется обращением к изучению коммуникативно-прагматических аспектов языковых явлений. Успешное взаимодействие участников общения обеспечивает дейксис (от древнегреч. *deiktikos* ‘указание’) – универсальная категория языковой системы, осуществляющая указание на компоненты ситуации речи. Под категорией в данном исследовании понимается «признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака» [ЛЭС, с. 215].

Сегодня дейксис исследуется в *системно-структурном*, *психолингвистическом*, *сопоставительно-типологическом* и *лингвопрагматическом* направлениях. В центре внимания системно-структурного подхода находится анализ типов дейктических знаков лексической системы языка [Березко 1988; Бондаренко 1998; Бурлакова 1988; Волков 1984; Ерзинкян 1979, 1988, 2012; Мамедова 1992, Стернин 1973; Уфимцева 1974; Чалабян 1991]. Психолингвистическая школа большое внимание уделяет изучению процессов восприятия дейктических элементов языка, активно исследует закономерности их усвоения и разрабатывает методики обучения использованию этих элементов в речи [Доброва 2005; Королев 2011; Brewer & Harris 1974; Tanz 1980].

Представители сравнительно-типологического направления фокусируют внимание на сопоставительном изучении дейктических систем близкородственных (русский и чешский [Hauenschild 1982], английский и немецкий [Rauh 1983], филиппинские языки [McFarland 2012]) и неблизкородственных языков (аварский и английский [Абашилова 2002; Азиева 2007; Амирова 2006], английский и польский [Kryk 1987], русский и эрзянский [Натуральнова 2012], английский и узбекский [Рахимов 1990], английский и армянский [Чалабян 1991], испанский и английский [Flaherty & Richardson 2003], английский и хауса [Hill 1982]). Составление корпусов дейктических средств разноструктурных языков и их последующее сравнение способствуют постепенному формированию типологии дейктических систем [Крылов 1984; Wiesemann 1986] и комплексному изучению в связи с культурами разных типов. В результате выдвигаются гипотезы о влиянии природной среды обитания, уровня развития письменности и культуры определенного этноса на структуру дейктической системы языка [Perkins 1992]. Согласно этой теории бесписьменные языки малочисленных народностей имеют более сложные дейктические системы [Denny 1982]) по сравнению с этносами с устоявшимися традициями письма и высокоразвитой культурой [Keenan 1976, p. 92].

Сегодня в лингвистических исследованиях, характеризующихся интеграцией других научных дисциплин – культурологии, социологии, нейрофизиологии, происходит смещение фокуса лингвистического анализа этой

категории в область прагматики для ответа на вопрос *зачем, с какой целью* [Апресян 1986, 1987; Арутюнова 1981, 1985; Булыгина 1981; Дейк 1978, 1988, 1989, 2013; Падучева 1990, 1992, 1996; Степанов 1981; Brown 1972, 1987; Leech 1983; Levinson 1983], поскольку прагматический фактор не только определяет всю речевую деятельность от узкопрактических целей повседневной жизни до крупномасштабных социальных акций [Колшанский 1990, с. 100], но и формирует в сознании носителей языка определенную концептуальную систему как совокупность представлений.

Лингвистическая прагматика активно развивается и в Республике Беларусь в работах Е. Г. Задворной [Задворная 2011, 2012], Т. П. Карпилович [Карпилович 2018], М. И. Конюшкевич [Конюшкевич 2000], Б. Ю. Нормана [Норман 1999, 2009], Н. Ю. Павловской [Павловская 2016], В. Д. Старичёнка [Старичёнок, 2018], О. В. Горицкой [Горицкая, 2009] и др. Вместе с тем в отечественном языкознании практически отсутствуют работы, посвященные комплексному описанию категории дейксиса в белорусском языке в сопоставлении с другими языками, исследования ведутся в основном со стороны приватных аспектов проблемы или накопления фактического материала [Ніканенка 2007; Переход 1989; Пивоварчик 2003; Сянкевіч 1996].

Необходимость интенсификации дейктических исследований с привлечением материала разноструктурных языков и уточнения теоретического статуса дейксиса, унификации его понятийного аппарата в рамках комплексного изучения этой категории как семантико-прагматической универсалии, оптимизации вербального взаимодействия представителей белорусской и английской лингвокультур в условиях международной интеграции и глобализации обусловливают **актуальность** данного исследования.

Г л а в а 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕЙКСИСА

1.1. ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ДЕЙКСИСА

Дейксис – фундаментальная категория языковой коммуникации. Она обозначает «указание как значение или функцию языковой единицы для актуализации компонентов ситуации речи и денотативного содержания высказывания» [ЛЭС]. Историческим фундаментом теории дейксиса является сочетание пяти концепций, выработанных в процессе эволюции научного познания: *остенсивной, вокальной, индексальной, референциальной* и *редукционистской*.

О с т е н с и в н а я или ж е с т о в а я концепция дейксиса получила свое первичное осмысление в работах античных грамматистов-стоиков Дионисия Фракийского и Аполлона Дискола, где этот термин (от древнегреч. *deiktikos* ‘указание’) использовался для обозначения указательных местоимений – демонстративов. Их роль заключалась в остенсивном, или жестовом указании на предмет, а жесты рассматривались как первичные формы коммуникации, предшествовавшие звуковой речи [Вундт 2002, с. 45].

Согласно к о н ц е п ц и и в о к а л ь н ы х ж е с т о в Э. Кассирера, дейктические единицы являются следствием прямых вокальных жестов для усиления указания. Так, некоторые гласные могут выражать пространственную отдаленность, согласные и их группы – центростремительное или центробежное движение. На основе анализа фонетических, морфологических особенностей и синтаксических конфигураций автор приходит к выводу о дейктической маркированности всей системы языка [Кассирер 2002, с. 135–137].

В и н д е к с а л ь н о й теории Ч. Пирса дейксис представляет собой особый тип знаков – индексы. По мнению автора, индексы находятся в непосредственной связи со своим объектом, который обязательно присутствует в ситуации [Пирс 2000]. Однако такая трактовка дейксиса применима только к случаям непосредственного указания на конкретные, вещественные объекты, когда оба собеседника видят друг друга и находятся в одной пространственно-временной точке.

Предложенная Ч. Пирсом концепция индексов как особого типа знаков получила дальнейшее осмысление в р е ф е р е н ц и а л ь н о й теории, согласно которой индексы – это «определенные виды выражений, регулярно используемые для референции к конкретному лицу, или отдельному событию, или месту, или процессу в ходе обычного высказывания о данном лице, месте, событии или процессе» [Стросон 1982, с. 55]. Индексы как релевантные параметры контекста – *говорящий* (s – speaker), *слушающий* (a – addressee), *время* (t – time) и *место* (p – place) речевого события – наряду с *возможным миром* (w – world) определяют истинность (T – true) или ложность (F – false) высказывания.

Референциальный подход смыкается с редукционистской концепцией дейксиса Б. Рассела. Автор делает предположение о возможности сведения всех дейктических выражений к одному и перевода конечного прагматического остатка на контекстно-независимый искусственный язык [Рассел 2001, с. 57]. Подобная редукция индексальных слов может быть осуществлена с помощью демонстратива *this* ‘этот’ со значением отсылки к субъективному опыту. Например, местоимение *I* ‘я’ трансформируется в высказывание *the person who is experiencing this* ‘индивидуум, который испытывает это’ [Рассел 2001, с. 385–389].

Каждый из вышеупомянутых подходов выработал свой концептуальный и процедурный инструментарий и сформировал предпосылки для развития современных направлений исследования дейксиса в лингвистике.

1.2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС ДЕЙКСИСА

Вопросы, касающиеся понятийного содержания дейксиса, объема корпуса языковых средств и точки отсчета, являются спорными, поскольку указательность выступает универсальным свойством языковой системы [Васильев 2006, с. 167; Кравченко 1992, с. 192; Пирс 2000, с. 24] и любые языковые единицы в той или иной степени могут выполнять дейктическую функцию. Представляется целесообразным выделить пять магистральных направлений в исследовании этой категории: *семантико-полевый*, *синтактико-дискурсивный*, *лингвопрагматический*, *психологический* и *лингвокультурологический.*

Семантико-полевый подход берет свое начало в исследованиях К. Бругмана. Автор разделяет языковое указание на три типа: 1) Der-Deixis – «нейтральный тип» (этот, такой); 2) Ich-Deixis – «указание на сферу говорящего, на его местоположение»; 3) Du-Deixis – «указание на сферу, местоположение собеседника»; 4) Jener-Deixis – «указание на удаленность от говорящего или на объект, который находится по другую сторону границы между указывающим и указываемым» (тот, некий) [Brugman 1904]. Однако выделенные автором типы дейксиса охватывают только класс местоименных слов и опираются на наглядный образ ситуации [Brugman 1904].

Дейктическая концепция К. Бюлера строится на существовании двух противоположных друг другу полей – «символического поля» (Symbolfeld) и «указательного поля» (Zeigfeld) [Бюлер 2001]. В основе этого разграничения лежит дихотомия языка как системы и языка как речевой деятельности. В связи с этим автор распределяет языковые единицы на две группы: *номинативные* и *дейктические*. Номинативные знаки называют классы предметов и явлений и обретают значение в символическом поле. Дейктические знаки указывают на предметы и явления окружающей действительности и существуют в указательном поле языка [Бюлер 2001].

В основу классификации дейксиса автор кладет чувственную воспринимаемость объектов указания и выделяет *контекстуальный, имагинативный*

и *видимый* типы дейксиса. Дейксис контекстуальный – указание на ранее использованное слово. Дейксис имагинативный – указание на объект или ситуацию, не упомянутые в контексте и отсутствующие в поле зрения собеседников, но известные им из личных воспоминаний или воображения. Дейксис видимый – это указание на объект в поле зрения говорящего [Бюлер 2001, с. 75, 121–122].

Признание говорящего центром системы координат является следствием развития в лингвистике концепции эгоцентризма как взятия субъектом всего языка «для личного пользования» [Бенвенист 1998; Степанов 1981]. В славянском языкознании одним из первых эту концепцию развил А. М. Пешковский на материале личных местоимений как класса слов, который выражает «различные отношения самого говорящего и мыслящего к тому, о чем он говорит и мыслит» [Пешковский 2001, с. 154].

Наиболее полно данную проблему затронул Э. Бенвенист в своей статье «О субъективности в языке» [Бенвенист 1998, с. 292–299]. Основой концепции автора выступает понятие *автореферентности*, под которой понимается соотнесение языка со временем речевых действий, отношений и оценок говорящего [Бенвенист 1998, с. 294]. Автореферентностью объясняются некоторые семантические особенности высказывания от 1-го лица со сказуемым в настоящем времени: сказуемое, выраженное глаголом мысли («думаю», «полагаю», «гарантирую»), подчиняет себе придаточное («что…») и допускает возможность опущения глагола мысли без изменения истинности высказывания [Бенвенист 1998, с. 298]. Если в форме 1-го лица настоящего времени стоит глагол речи («клянусь», «обещаю» и т.п.), то высказывание становится тождественным самому акту речи [Бенвенист 1998, с. 299].

Эгоцентризм и субъективность как категориальные признаки дейксиса были положены в основу теории шифтеров и шифтерных категорий О. Есперсена [Jespersen 1951] и Р. Якобсона [Якобсон 1972]. По мнению О. Есперсена, шифтер – это языковая единица, восприятие и интерпретация которой обусловлены качествами говорящего и самой коммуникативной ситуацией [Jespersen 1951, p. 131]. Например, слово *there* ‘там’ подразумевает обязательное нахождение объекта указания вне сферы чувственного восприятия говорящего и вне заданных им координат. Слово *here* ‘здесь’, наоборот, предполагает обязательное включение местонахождения говорящего в область указания [Jespersen 1924, p. 258].

С точки зрения Р. Якобсона, шифтерные знаки – это понятия, сочетающие в себе символ (англ. *red* ‘красный’) и индекс (указательный жест пальцем) [Якобсон 1972, с. 97]. К шифтерам относятся не только отдельные слова, но и целые грамматические категории глагольного времени, таксиса, лица, интерпретация которых зависит от ситуационного контекста [Якобсон 1972, с. 102]. Например, для правильного толкования видо-временной формы глагола говорящему необходимо знать время продуцирования высказывания. Понимание таксисной конструкции зависит от правого или левого контекстов.

Однако понятия *дейктичность* и *шифтерность* не тождественны. Дейктичность – это наличие семы указания в структуре значения языковой единицы, а шифтерность – свойство этой единицы проявлять сему указания в зависимости от точки отсчета, поскольку ее адекватная интерпретация возможна только при осведомленности коммуникантов об условиях речевого события [Доброва 2005]. Дейктические слова шифтерны всегда в отличие от номинативных единиц.

В *лексикоцентрической* концепции дейксис – семантический компонент, взаимодействующий с назывным, в структуре значений слов различных лексико-грамматических классов [Ерзинкян 1979, 1988, 2012; Чалябян 1991; Collinson 1937] – с субъективной ориентацией (точка отсчета – говорящий) и объективной ориентацией (точка отсчета – любое лицо или объект) [Ерзинкян 1979, 1988].

Характер точки отсчета ложится в основу классификации дейктических слов А. А. Уфимцевой по трем типам [Уфимцева 1977, с. 49–50]:

1) система средств субъективного указания (личные, указательные и притяжательные местоимения, местоименные наречия времени, места: *я*, *ты*, *наш*, *его*, *здесь*, *там*, *сейчас*, *сегодня, завтра*, *этот*, *тот* и т.п.);

2) система средств объективного указания (наречия времени, места, пространственного нахождения, глаголы перемещения, движения, предлоги, послелоги, выражающие понятия соотношения: *внизу*, *вверху*, *справа*, *слева*, *впереди*, *позади*, *близко*, *далеко*, *выходить*, *входить*, *приходить*, *подходить* и т.п.).

Рассуждая о субъективной и объективной пространственной ориентации, Е. В. Яковлева на примере наречий *внутри, извне*, *вокруг* приходит к выводу о возможности употребления одной и той же лексемы дейктически относительно говорящего как точки отсчета (*Маша неподалеку*) и недейктически относительно другой точки отсчета (*Иван сел в первом ряду, и Маша расположилась неподалеку*) [Яковлева 1994, с. 22];

3) система средств относительного внутриструктурного указания (относительные, указательные местоимения в их анафорической или предваряющей функциях, вопросительные наречия, сочинительные и подчинительные союзы, различительные связки).

Важным для нас в данной авторской концепции представляется включение в трактовку дейксиса ориентационных характеристик языковых единиц с позиции не только эксплицитного (адресанта), но и имплицитного говорящего (наблюдателя) при их не всегда обязательном совпадении.

В синтактико-дискурсивном подходе дейксис рассматривается как:

1) дейктический сдвиг (deictic shift theory) [Donnellan 1978; Dushan 1995; Galbraith 1995];

2) система кодирования информационных структур лексическими, морфологическими и синтаксическими языковыми средствами в дискурсе [Grenoble 1998];

3) жанровая принадлежность текста [Ахапкин 2012].

В основе первого направления лежит деление дейксиса на *первичный* и *вторичный*. Первичный дейксис [Падучева 2008], истинный дейксис [Kryk 1987], реальный дейксис [Quine 1971], ситуативно обусловленный дейксис [Веселкова 2004], внешний дейксис [Ризен 1990] – это дейксис диалога, дейксис канонической ситуации общения с прагматическими переменными: Я (говорящий, «тот, кто делает высказывание И»), СЕЙЧАС (Т, «тот момент, когда Я делаю высказывание И»), ТЫ («тот, к кому говорящий Я делает свое высказывание И в Момент Т») [Падучева 1985, с. 39–40]. Вторичный дейксис, или нарративный дейксис [Сребрянская 2005], дейктическая проекция [Апресян 1986], внутренний дейксис [Волков 1984]) ориентирован не на говорящего, а на наблюдателя [A. Yuhang]. Он характерен для воссозданных речевых ситуаций в нарративе с несовпадением места говорящего и пространства ситуации. В этом случае происходит *дейктический сдвиг*: дейктические слова отображают чужое сознание и осуществляют указание на время действия относительно события в предыдущем (собственно анафора) или последующем (катафора) тексте.

Дейктический сдвиг, *дейктическая проекция* [Сребрянская 2005; Stockwell 2002, p. 43], *смещенный дейксис* [Quine 1971, p. 142–154] – это референция к чему-либо или кому-либо, не присутствующим физически в ситуации общения, а выводимым логически [Donnellan 1978]. Дейктический сдвиг перемещает центр говорящего как точку отсчета из мира реальности в мир художественного произведения и формирует когерентность художественного текста [Mitsurahu 1992]. Первый дейктический сдвиг возникает при знакомстве читателя с произведением. По мере развертывания сюжета происходит перемещение читателя из дейктического поля одного персонажа в дейктическое поле другого персонажа [Stockwell 2002, p. 47].

В концепции М. Я. Дымарского дейктический сдвиг модифицируется в *дейктический модус текста* – функционально-семантическую текстовую категорию, которая базируется на значениях референциальной определенности / неопределенности всех содержащихся в тексте элементов субъектной, временной и пространственной семантики [Дымарский 1999, с. 348]. Когнитивной основой дейктического модуса текста выступает *дейктический паритет* – синхронность восприятия между говорящим и адресатом. Этот паритет оказывается возможным благодаря тому, что и автор, и читатель воспринимают художественный мир глазами персонажа, что, по мнению Н. А. Сребрянской, позволяет объединить их в одну категорию – *наблюдатель* [Сребрянская 2005, с. 72].

В фокусе внимания второго направления находится *дискурсивный* [Fillmore 1985], *текстовый дейксис* [Rauh 1983, p. 26], *интратекстуальный дейксис* [Коровина 2002] – особый, производный тип указания [Levinson 1983, p. 13], репрезентрируемый лексическими, морфологическими и синтаксическими средствами для кодирования информационных структур и отслеживания информационного потока в дискурсе [Grenoble 1998, p. 86].

По мнению И. В. Коровиной, именно интратекстуальный дейксис обеспечивает вертикальные связи композиционных точек в системе информационных координат контекста с двумя векторами указания – анафорического и катафорического. При этом дейктические координаты могут расширяться до размеров целой главы или нескольких глав [Коровина 2002].

В фокусе внимания третьего направления находится *когнитивный дейксис* как совокупность перцептуального, пространственного, темпорального, реляционного, текстуального и композиционного типов указания, определяющих жанровый тип текста [Ахапкин 2012].

Для современной лингвистической парадигмы характерно смещение вектора исследований дейксиса с семантико-полевого и синтактико-дискурсивного на лингвопрагматический, где дейксис рассматривается в ключе:

1) теории речевых актов. Так Ж. В. Никонова выделяет особый тип указания – *иллокутивный дейксис* – «совокупность языковых средств, индексирующих константные и ситуативно обусловленные компоненты концептуального содержания иллокутивной силы речевого акта, выражаемой разноуровневыми средствами языка» [Никонова 2016]. На наш взгляд, иллокутивная сила высказывания не является дейктической категорией, поскольку не обладает основными признаками дейктических единиц. Однако дейктические элементы играют важную роль в ее формировании;

2) теории речевого взаимодействия. По мнению А. В. Алфёрова, понятие дейксиса включает не только маркеры классического диктального типа «я – здесь – сейчас», но и единицы, осуществляющие указание на способ представления содержания пропозиций по параметру «так» – *интеракциональный дейксис*. К дейктическим словам автор относит модусные наречия, междометия, модальные частицы, фразеологические единицы, речевые стереотипы, интонацию (*Простите? Неужели? Ну, конечно! Подумаешь! Как бы не так!*) на основе их недескриптивности: будучи знаками-индексами с ситуативно обусловленным значением, эти единицы не называют, а косвенно указывают на референт [Алфёров 2001, с. 2, 9–10]. Полагаем, что языковые единицы, относимые автором к разряду дейктических слов, являются актуализаторами субъективной модальности, а не дейксиса;

3) теории лингвистической вежливости с экстраполяцией указания не только на лицо, время, пространство, но и на социокультурные аспекты коммуникации – *социальный дейксис* [Дрига 2008; Lakoff 1974; Levinson 1983; Manning 2001]. Говоря о социальном дейксисе, исследователи подразумевают грамматикализованные системы вежливости [Harada 1976], формы обращения и даже термины родства [Доброва 2005]), употребление которых обусловлено социальной дистанцией. Эта дистанция коррелирует с отношениями солидарности, власти или подчинения и задается набором феноменологически интерпретируемых переменных [Brown 1972; Huszcza 2006]. В некоторых исследованиях вежливость получает статус грамматической категории языка на основании обязательности выражения социальной

дистанции в одних коммуникативных ситуациях и ее отсутствия в других [Huszcza 2006; Simon 2003]. Если в местоименной системе языка появляется новая ячейка (прономинальный маркер вежливости), вежливость становится грамматической категорией, «паразитирующей», по мнению Х. Саймона, на показателях лица и числа [Simon 2003, p. 110]. На наш взгляд, социальные параметры коммуникации не являются дейктической категорией по причине отсутствия непосредственной связи между социальным фактором и моментом речи. Вежливость – скорее прагма-коммуникативная категория, тесно связанная с дейктическими элементами языка.

Как показывает обзор лингвистической литературы, посвященной проблематике дейксиса в современном языкознании, объектом указания могут выступать не только пространственно-временные параметры коммуникативной ситуации, но и ее психологические (эмоционально-аксиологическая сфера индивидуума) и культурологические (ключевые понятия культуры определенного этноса) аспекты. *Эмоциональный дейксис* [Жура 2000], *эмотивный дейксис* [Исхакова 2012], *пресуппозициональный дейксис* [Соколова 2011], *эмпатический дейксис* [McIntyre 2003, p. 154–157] понимается «как исходная эмоциональная позиция говорящего, выступающая в качестве основания для осуществления эмоциональной речевой деятельности» [Шаховский и Жура 2002]. Представители данного подхода берут за точку отсчета эмоциональный мир конкретного индивидуума, систему его волевых качеств, способностей, социальных установок, знаний и ценностей [Жура 2000; Исхакова 2012; Соколова 2011; Шаховский 1987; Шаховский и Жура 2002]. К эмоциональному дейксису относятся упрек, оскорбление, насмешка, сочувствие, оправдание. Средствами его актуализации выступают стилистические, лексические и синтаксические средства языка. Количественно-оценочный дейксис маркирует шкалу нравственных норм и оценок индивидуума [Шейгал 1990]. Полагаем, что предложенные авторами понятия эмоционального, пресуппозиционнального и количественно-оценочного дейксиса связаны скорее с вторичными прагматическими функциями дейктических единиц, нежели с указанием как таковым, поскольку эмоциональное состояние говорящего может оказывать влияние на условия употребления дейктических слов, что приводит к исчезновению значения указания в их семантике – *дидейксикализации* и выдвижению на первый план оценочных сем модальности [Курлянд 1986].

В культурологической концепции под дейксисом понимается указание на нетрадиционные дейктические значения «Жизнь», «Любовь», «Смерть», обнаруживаемые в любом тексте [Устин 1995]. На наш взгляд, данные понятия не обладают категориальными признаками дейксиса. Вместе с тем «Персонаж», «Пространство», «Время» соотносятся с категориями лица, места и времени и являются дейктическими.

Современные направления в исследовании категории дейксиса представлены в табл. 1.

Таблица 1

Современные направления в исследовании категории дейксиса

Подходы	Представители	Определение	Типы дейксиса
1. Семантико-полевый			
1.1. Полевый	Э. Бенвенист, О. А. Бесшапошникова, А. В. Бондарко, О. Г. Бондаренко, К. Бругман, В. В. Бурлакова, К. Бюлер	Указание на время, место и участников в коммуникативно-ориентированном поле	Видимый, реальный, ситуативный
1.2. Лексико-центрический	Е. Л. Ерзинкян, Е. В. Падучева, В. Э. Коллинсон, И. А. Стернин, А. А. Уфимцева, С. А.Чалабян, Е. В. Яковлева	Семантический компонент в структуре значения слов различных лексико-грамматических классов	Личный (персональный), пространственный, временной (темпоральный)
2. Синтактико-дискурсивный			
2.1. Нарративный	Ю. Д. Апресян, Н. А. Сребрянская, М. Я. Дымарский, П. Стоквел	Пространственно-временная рамка произведения, оценка событий и персонажей с точки зрения наблюдателя, который имеет определенную позицию во времени и пространстве	Нарративный, вторичный, имагинативный
2.2. Дискурсивный	Л. А. Гренобль, У. О. Куйан, К. Элих, И. В. Коровина	Набор лексических, морфологических и синтаксических языковых средств для кодирования информационных структур в дискурсе	Дискурсивный синтаксический, синтагматический, контекстуальный, композиционный, когезийный, интратекстуальный, текстовый
2.3. Когнитивный	Д. Н. Ахапкин	Жанровый тип текста с включением перцептуального, пространственного, темпорального, реляционного, текстуального и композиционного видов дейксиса	Когнитивный

Окончание таблицы 1

3. Лингвопрагматический			
3.1. Иллокутивный	Ж. В. Никонова	Совокупность языковых средств, индексирующих константные и ситуативно обусловленные компоненты концептуального содержания иллокутивной силы речевого акта, выражаемой разноуровневыми средствами языка	Иллокутивный
3.2. Интеракциональный	В. А. Алфёров	Маркирование аспектов и параметров речевого взаимодействия	Интеракциональный индексал, дейктическая речевая единица
2. Социокультурный	Р. Гуща, С. С. Дрига, Дж. Лайонз, С. Левинсон, П. Мэнинг, Ж. Ренкема, Х. Саймон, Дж. Томас, Ч. Филлмор, С. Харада	Грамматикализованные системы вежливости	Социально-функциональный, социальный
4. Психологический			
4.1. Эмоциональный	В. В. Жура, З. З. Исхакова, Дж. Лакофф, Е. М. Соколова В. И. Шаховский	Указание на исходную эмоциональную позицию говорящего, выступающую основанием для осуществления эмоциональной речевой деятельности	Эмотивный, эмоциональный, эмпатический, аутодейксис, пресуппозициональный
4.2. Аксиологический	Е. И. Шейгал	Аксиологическая шкала нравственных норм и оценок коммуникантов	Количественно-оценочный
5. Лингвокультурологический	А. К. Устин	Нетрадиционные дейктические смыслы «Жизнь», «Любовь», «Смерть»	Культурогенный

1.3. СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ДЕЙКТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Следствием различного понимания природы дейксиса и приверженности ученых к разным исследовательским парадигмам является отсутствие строгого определения дейктической единицы, сущности специфики ее семантики и отличия от других языковых знаков. Об этом свидетельствует терминологическое разнообразие, где наряду с термином *дейктическая единица* [Щербаков 2005] используются *дейктик* [Николаева 2008], *указатель* [Азиева 2007], *шифтер* [Якобсон 1972; Jespersen 1951], *эгоцентрик*, *egocentric particles* ‘эгоцентрическая частица’ [Рассел 2001], *индекс* [Кравченко 1992, с. 118], *демонстратив* [Diessel 1999, p. 24], *индексальное слово* [Бурлакова 1992, с. 51], *дейктическое слово* [Стернин 1973, с. 34], *indexical expressions* ‘индексальное выражение’ [Bar-Hillel 1954; Pierce 1960], *token reflexive* ‘знаково-рефлексивное слово’ [Quine 1971], *дейктическое выражение* [Клюева 2016].

Из перечисленных выше терминов в рамках данного исследования считаем целесообразным использовать понятия *дейктическая единица* (ДЕ)*, дейктическое слово* и *дейктик*, поскольку в отличие от *шифтера, эгоцентрика, эгоцентрической частицы, эгоцентрического слова, демонстратива, знаково-рефлексивного слова* эти термины не ограничивают объект исследования до личных и указательных местоимений. Термины *указание*, *указательное слово*, *индексальное выражение*, *дейктическое выражение* в современной лингвистике значительно шире по своему объему и содержанию.

В результате критического осмысления работ по исследуемой категории мы пришли к выводу, что формирование определения дейктической единицы возможно на основе следующих семантико-прагматических параметров:

1. Высокая степень обобщенности значения [Стернин 1973; Кацнельсон 2004].

2. Коммуникативно-прагматическая обусловленность дейктической семантики, предназначенной для идентификации участников, места и времени речевого события [Бурлакова 1983; Ерзинкян 1979].

3. Эгоцентричность – «постоянная отнесенность семантики слова к субъекту речи» [Кацнельсон 2004, с. 6].

В современной лингвистической науке существует два подхода к эгоцентризму:

а) соотнесенность с человеком – антропоцентрический подход [Бугорская 2004; Серебренников 1988];

б) указание относительно говорящего-наблюдателя – собственно эгоцентрический подход (Э. Бенвенист [Бенвенист 1998], К. Бюлер [Бюлер 2001], Б. Рассел [Рассел 2001], Р. Якобсон [Якобсон 1972]).

Абсолютизация языкового эгоцентризма свойственна взглядам Ю. С. Степанова [Степанов 1981]. Рассматривая язык в трех семиотических измерениях – семантике, синтактике и прагматике – автор выделяет гово-

рящего субъекта Эго, творящего текст, как центральную категорию современной прагматики [Степанов 1981, с. 326] и настаивает на необходимости создания философии эгоцентрических слов.

Однако утверждение об исключительной эгоцентричности дейктических единиц подвергается критике по причине его недостаточной теоретической и эмпирической обоснованности [Джоунс 1997, с. 93]. Слабым звеном, по мнению П. Джоунза, является элиминация адресата из системы координат речевого события. По мнению автора, подобное явление есть результат экстраполяции философии индивидуализма на теорию языка: «говорящий может брать на себя роль эго», только если слушающий, в свою очередь, также «возьмет на себя эту роль» [Там же]. Автор предлагает альтернативный подход, основанный не на эгоцентрических *я-здесь-сейчас*, а на социоцентрических предпосылках. Согласно данной концепции, дейктические слова всегда социоцентричны в силу самой природы речевой коммуникации. По мнению автора, эгоцентричность дейктических понятий *я – здесь – сейчас* является упрощением более сложной модели речевого общения, которая состоит в отсутствии строгого дихотомического разделения говорящего и слушающего в общей коммуникативной ситуации. В таком случае природа дейксиса не субъективна, а *интерсубъективна*, поскольку дейксис возникает непосредственно в коммуникативном «поле» между участниками [Джоунс 1997, с. 91–96]. Данная точка зрения перекликается с ранее высказанным мнением Г. Опалки о дуоцентричности высказывания, задаваемой не только фигурой говорящего, но и фигурой слушающего [Opalka 1982, p. 66–67], выступающего точкой отсчета *антидейксиса* [Libert 2016]. Однако мы считаем критику эгоцентрической теории П. Джоунсом и Г. Опалкой необоснованной, поскольку речь идет не обо всех факторах, формирующих «координатные оси» высказывания, а о ключевом – говорящем, у которого «нет конкурентов» [Opalka 1982, p. 274–275].

По мнению А. В. Кравченко, основным недостатком теории эгоцентричности является невозможность сведения роли субъекта исключительно к фигуре говорящего [Кравченко 1992, с. 192]. Автор видит решение проблемы в терминологическом разделении двух типов субъектов – *субъекта восприятия* и *субъекта речи.* С у б ъ е к т в о с п р и я т и я первичен, поскольку выступает источником познания и чувственной воспринимаемости элементов речевой ситуации. С у б ъ е к т р е ч и как лицо, производящее высказывание, вторичен.

Идея о необходимости введения понятия субъекта восприятия для анализа функционирования дейктических элементов языка перекликается со взглядами Ю. Д. Апресяна на значимость наблюдателя. Автор вводит три новых понятия: 1) наблюдатель, мыслимый говорящим, 2) пространство, в котором говорящий в момент речи мыслит себя или наблюдателя, 3) время, в котором говорящий мыслит себя или наблюдателя. На основе соотношения этих понятий автор формулирует основное свойство дейксиса. Оно состоит в совпадении (для языкого дейксиса) либо несовпадении (для других разновидностей дейксиса) «пространственно-временных координат описываемого

факта с пространственно-временными параметрами говорящего или мыслимого им наблюдателя» [Апресян 1987]. Не противопоставляя понятий «дейксис» и «эгоцентричность», автор опирается на два типа ориентации – *относительную* и *абсолютную* [Апресян 1986]. Относительная ориентация трехчленна: наблюдатель и говорящий с их совпадением в одном лице и наблюдаемый объект. Абсолютная ориентация двухчленна – ориентируемый предмет и предмет-ориентир [Апресян 1986]. Тип ориентации кладется И. А. Стерниным в основу деления дейксиса на *субъективный* и *объективный* типы. У первого типа центром координации выступает говорящий, у второго типа центр координации не совпадает с говорящим, как, например, в военных командах: *Go forward! Step aside!* 'Идите вперед! Отойдите!' [Бюлер 2001, с. 120].

Однако не все исследователи согласны с актуальностью введенного Ю. Д. Апресяном понятия «наблюдатель». В. В. Бурлакова признает его непродуктивным, поскольку если говорящий выступает наблюдателем, то и отсчет ведется от говорящего [Бурлакова 1992]. Как отмечает Е. В. Падучева, понятия говорящего и наблюдателя не исключают друг друга, они имеют разную природу: говорящий – это конкретное лицо, наблюдатель – это роль, которая может выполняться повествователем или героем в нарративе [Падучева 2017]. В нашем исследовании мы берем за основу введенное А. В. Бондарко понятие *перцептивности* как языковой и речевой интерпретации мира с точки зрения *перцептора* – воспринимающего субъекта [Бондарко 2005, с. 97]. Такой поход позволяет учитывать различные типы восприятия, в том числе наблюдение с позиции «всевидящего автора» – «литературная перцептивность» [Бондарко 1999, с. 10].

4. Ситуативность, мгновенность и эфемерность значения [Кацнельсон 2004, с. 5–6]. Значение дейктической единицы зависит от ситуации, поскольку ее референт не может быть установлен вне контекста.

5. Относительность дейктического значения. В отличие от назывных слов, дейктические единицы передают признаки указываемого предмета, лица, явления, действия, существующие у них только по отношению к другому предмету [Джоунс 1997, с. 82–105]. Эта особенность предопределена цикличностью и стереотипностью речевой коммуникации, с меной ролей участников, постоянной ротацией референтов дейктических единиц и необходимостью осуществления постоянного контроля над этим процессом. Относительный характер значения дейктиков обусловливает сложность усвоения этой группы слов детьми и ее утрату ранее других языковых элементов при афазии [Иванов 1978, с. 137; Якобсон 1972, с. 95–113].

6. Отсутствие собственно лексического значения. Такая точка зрения представляется нам спорной, поскольку нельзя отрицать наличия у дейктических слов вполне определенных, самостоятельных и социально закрепленных лексических значений в системе языка, хотя они не воспроизводят качественной определенности объектов, их формы, величины, цвета в отличие от более конкретных по семантике назывных слов (*стол, круглый*) [Кацнельсон 1972, с. 145].

7. Многокомпонентность значения с тремя типами информации:

а) морфологической: частеречный статус единицы;

б) семантической: обозначение участников, места и времени речевого события;

в) прагматической: точка отсчета.

По мнению американского лингвиста В. Хэнкса, дейктические единицы всегда совмещают в себе указательную функцию с иконической и символической [Hanks 1978]. И хотя прагма-коммуникативный аспект значения ДЕ доминирует над функцией репрезентации элементов реального мира, каждый из этих слоев вносит свою «лепту» в совокупную семантику дейктического слова и определяет степень его дейктичности [Ерзинкян 2012, с. 17].

Выделенные категориальные признаки позволяют сформулировать определение категории д е й к с и с а как указания на лица, предметы, явления действительности и их пространственно-временную локализованность относительно перцептора и ключевых темпорально-пространственных координат канонической (конкретной) или неканонической (воспроизведенной) речевой ситуации. *Каноническая*, или полноценная коммуникативная ситуация характеризуется наличием говорящего и слушающего, единством времени и места речевого события, тождеством «мира коммуникантов и мира их референции» [Падучева 1995, с. 88]. В таком речевом режиме дейктические единицы употребляются актуально. *Неканоническая,* или неполноценная, коммуникативная ситуация возникает между повествователем, который выступает аналогом говорящего, заместителем автора в нарративе, и читателем. Данный тип предполагает отсутствие их непосредственного вовлечения в прагматическую ситуацию, возникающее в результате преобразования первичного временного дейксиса «я – теперь – здесь» [Бондарко 1990, с. 18] в «он, она, они – тогда – там». В связи с этим Дж. Лайонз [Lyons 1977, p. 579] предлагает универсальный принцип дейктической проекции, которая позволяет установить исполнителя роли говорящего в неканонических коммуникативных ситуациях и корректно интерпретировать дейктические слова, ориентированные на слушающего или другое лицо, например, в вопросе *Nobody **came out** yet, right?* ‘Никто еще не **появился**?’ [RiversoContext].

Чем больше вышеизложенных признаков дейктической семантики у языковой единицы, тем выше степень ее дейктичности. И, наоборот, чем меньше таких критериев можно у нее обнаружить, тем ближе она к номинативной единице языка. Рассмотрим три лексемы *ты, заўтра, вечар* на соответствие вышеуказанным критериям и определим степень их дейктичности. Лексическая единица (ЛЕ) *ты* характеризуется высокой степенью обобщенности значения, коммуникативно-прагматической обусловленностью (указание на адресата в конкретной ситуации), эгоцентричностью (*ты* собеседника существует относительно *я* говорящего), ситуативностью значения (невозможность установления референта *ты* вне ситуации при мене ролей в коммуникации), относительностью (*ты* передает признаки указы-

ваемого лица – собеседника, существующие у него только в отношении к *я* говорящего) и многокомпонентностью значения: *ты* – а) морфологический компонент: личное местоимение; б) семантический компонент: лицо собеседника, преимущественно близкого; в) прагматический компонент: точка отсчета – говорящий.

Лексема *заўтра* имеет конкретное лексическое значение ‘на следующий день после сегодняшнего’. Это значение зависит от коммуникативной ситуации (относительно сегодня как момента продуцирования высказывания), характеризуется эгоцентричностью (ориентация относительно говорящего, продуцирующего высказывание), относительностью (следующий день за сегодня как точкой отсчета), многокомпонентностью значения: а) морфологический компонент: наречие; б) семантический компонент: следующий день после сегодняшнего; в) прагматический компонент: точка отсчета – сейчас.

Указанные признаки позволяют отнести лексему *ты* к классу *полных дейктических слов*. ЛЕ *вечар* обладает конкретным лексическим значением ‘время суток от конца дня до наступления ночи’, не зависящим от прагма-коммуникативных условий ситуации его употребления, что позволяет отнести данное слово к классу номинативных языковых единиц. Лексема *заўтра* как полудейктическое слово занимает промежуточное положение между полным дейктиком *ты* и номинативной единицей *вечар*. В нашем исследовании мы рассматриваем белорусские и английские *полные дейктические* и *полудейктические* единицы. Критерии дейктичности представлены в табл. 2.

Таблица 2

Критерии дейктичности

Лексемы	Критерии дейктичности				
	Высокая степень обобщенности значения	Коммуникативно-прагматическая обусловленность	Эгоцентричность	Ситуативность	Относительность
ты	+	+	+	+	+
заўтра	–	+	+	+	+
вечар	–	—	–	–	–

Количество критериев дейктичности определяет отнесение языковой единицы к центру или ближней периферии семантического поля дейксиса (СПД). Полные дейктики – личные (*я*, *I*), притяжательные (*мой*, *my*) и возвратные местоимения (*сябе*, *oneself*), указательные местоимения (*гэта*, *this*), указательные наречия (*тут*, *here*), видо-временные формы глагола

в сопоставляемых языках и указательные частицы (*вунь*) в белорусском языке – обладают максимальным набором параметров дейктичности и относятся к центру СПД. Полудейктические слова – глаголы перемещения (*прыйсці*, *to come*), темпорально-пространственные предлоги (*раней*, *before*), наречия (*злева*, *left*, *даўно*, *ago*), прилагательные (*правы*, *right*, *заранні*, *previous*), фразеологизмы (*пры цары Гароху, in the day of yore, перад вачыма, before one's eyes*) и префиксы (*да-*, ***да***ваенны, *pre-*, ***pre***war) – относятся к ближней периферии СПД. Структура СПД представлена на рис. 1.

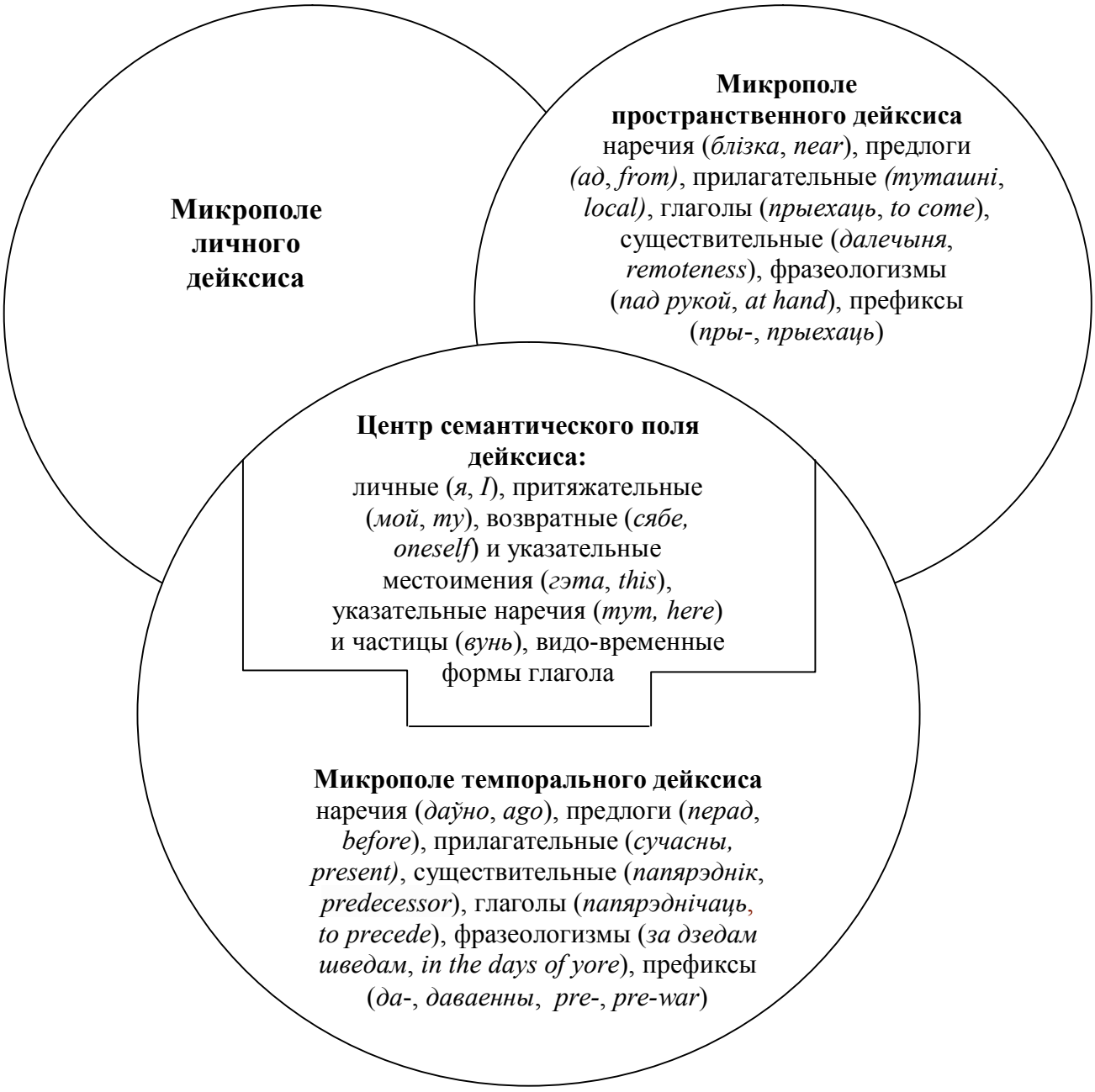

Рис. 1. Структура семантического поля дейксиса в белорусском и английском языках

Такой подход позволяет наиболее полно и строго описать и сопоставить системы разноуровневых дейктических единиц в белорусском и английском языках.

1.4. СТРУКТУРА ЗНАЧЕНИЯ ДЕЙКТИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ

В структуре значения дейктической единицы можно выделить два мегакомпонента: *лексический* (информация о внешней по отношению к единице действительности) и *структурно-языковой* (информация о собственно языковых характеристиках).

Лексический мегакомпонент значения единицы включает *денотативно-сигнификативный* и *коннотативный* макрокомпоненты. Коннотативный макрокомпонент состоит из *оценочного* и *эмоционального* микрокомпонентов [Стернин 2006, с. 62]. Денотативно-сигнификативный макрокомпонент включает три аспекта – *денотативный*, *сигнификативный* и *дейктический*. Денотативный аспект представляет объем понятия на основе выделения минимума обобщающих характеристик предмета или явления. Подобный набор обобщающих признаков часто используется для объяснения значения лексических единиц в словарях. Например, в дейктической единице *заўтра* и ее англоязычном эквиваленте *tomorrow* денотатом выступает период времени от восхода до захода солнца. Сигнификативный аспект значения выражает обобщенно-понятийное содержание дейктической единицы. Например, в белорусской дейктической единице *заўтра* и ее английском эквиваленте *tomorrow* сигнификатом выступает *день* как светлое время суток. *Дейктический* микрокомпонент содержит указание на участников, место или время относительно момента продуцирования высказывания в канонической речевой ситуации или иной точке отсчета: лексемы *заўтра* и *tomorrow* осуществляют указание на день как период времени от восхода до захода солнца, следующий за сегодня. Таким образом, денотативное (единичное) (период времени от восхода до захода солнца), сигнификативное (общее) (день) и дейктическое (указание на следование дня относительно сейчас) взаимодействуют, поскольку общее существует в единичном, единичное проявляется через общее, дейктический компонент соотносит общее и единичное с пространственно-временными параметрами высказывания. По этой причине они объединяются в один макрокомпонент значения: *заўтра* и *tomorrow* ‘день как период времени от восхода до захода солнца, следующий за сегодня’.

При рассмотрении значения дейктических фразеологизмов необходимо учитывать их фразеологический образ, входящий в денотативно-сигнификативный макрокомпонент значения. Фразеологический образ или образная составляющая – «целостное, непосредственное представление, наглядно раскрывающее отношение говорящего к отраженной действительности.

Единством фразеологического образа обусловлена целостность фразеологизмов» [Жеребило 2010]. Например, во фразеологизмах *перад вачыма* [СФ 1, с. 180] и *in front of one's eyes* [LDEI, p. 102] с семантикой очень близкого расположения объекта указания по отношению к перцептору фразеологическим образом выступает способность воспринимать этот объект зрением.

Другим макрокомпонентом лексического значения дейктической единицы выступает *коннотативный*. Коннотативный макрокомпонент значения состоит из *оценочного* (*одобрительный, неодобрительный, нейтральный*), *эмоционального* (высокомерный, уничижительный, ироничный, ласкательный, шуточный) и *экспрессивного* микрокомпонентов [Стернин 2006, с. 62]. Следует отметить, что в лингвистике принято узкое и широкое понимание оценки. Оценка в узком смысле – это противопоставление по признаку *хорошо / плохо* и некоторым параметрическим свойствам (*большой / маленький, узкий / широкий* и т.п.) [Вольф 1985, с. 28]. В широком понимании под оценкой подразумевается «общественно закрепленное отношение носителей языка (хороший – плохой, хорошо – плохо) к внеязыковому объекту и к фактам языка и речи» [Хидекель и Кошель 1983, с. 11]. Оценка как мнение о ценности объекта [Телия 1986; 1996, с. 110] бывает объективная и субъективная, эксплицитная и имплицитная, рациональная и эмоциональная, положительная и отрицательная, интеллектуальная и коннотативная. Так, дейктическому фразеологизму *у чорта ў зубах* [СФ 2, с. 654] и *at the back of beyond* [LDEI, p. 12] с семантикой удаленного нахождения объекта от перцептора свойственна отрицательная оценка подобной локализации

Эмоциональный микрокомпонент, или эмотивность, – «чувственная оценка объекта, выражение языковыми средствами чувств, настроений, переживаний человека» [Кунин 1996, с. 92]. Степень эмотивности получает свое количественное и качественное выражение в экспрессивности. Экспрессивность – это «обусловленные образностью, интенсивностью или эмотивностью выразительно-изобразительные качества слова или фразеологизма» [Кунин 1996, с. 110]. Оценка, эмотивность и экспрессивность – взаимосвязанные компоненты коннотативного макрокомпонента, которые могут одновременно присутствовать в значении одной и той же единицы. Белорусская ФЕ *у чорта ў зубах* [СФ 2, с. 654] и ее англоязычный эквивалент *at the back of beyond* [LDEI, p. 12] (букв. 'на краю ничего') с семантикой значительного расстояния от объекта указания имеют сложное переплетение образности, основанное на сравнении с локусом за пределами перцептивных возможностей человека, где обитает нечистая сила; интенсивности проявления этого признака (белорус. *вельмі*, англ. *very*) и эмотивности – отрицательной оценки удаленного местонахождения в определенных контекстах. Структура лексического мегакомпонента значения дейктической единицы представлена на рис. 2.

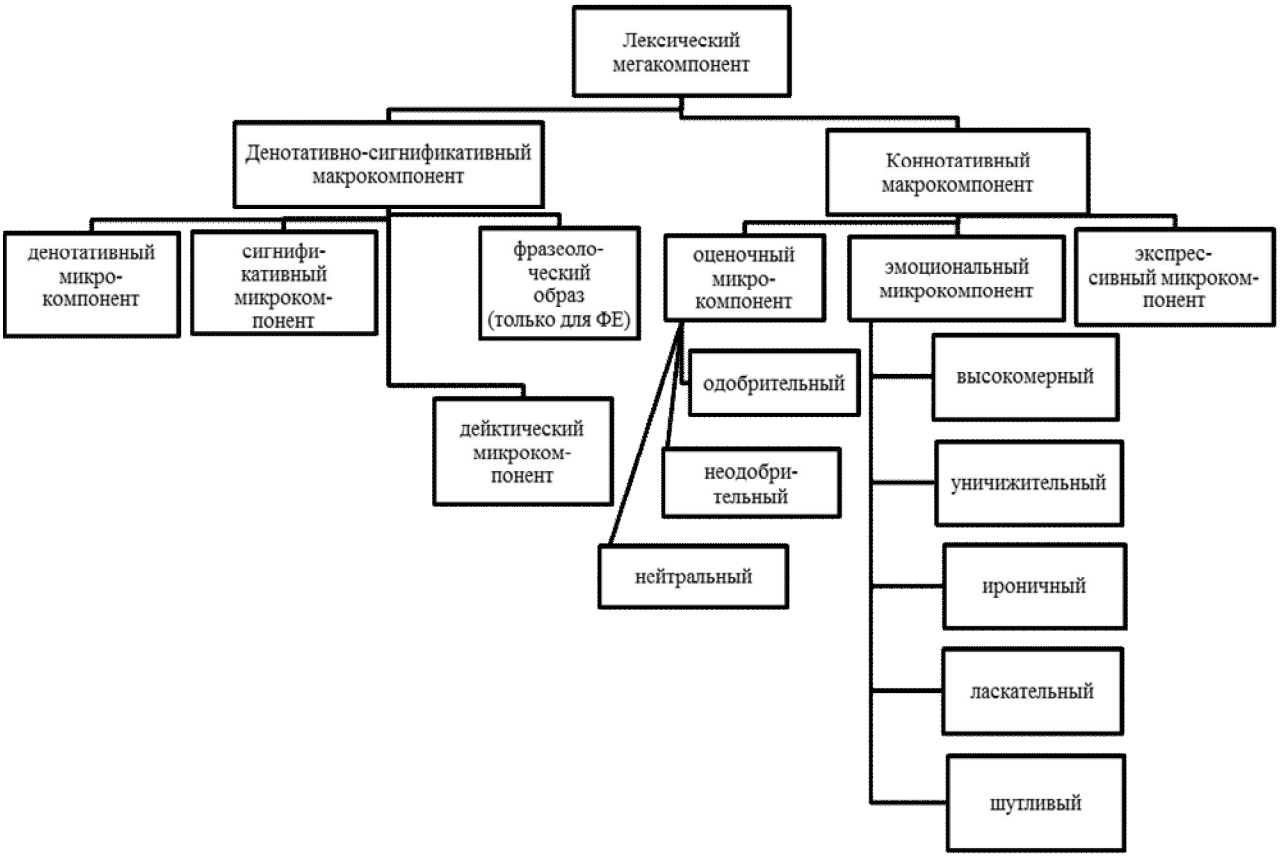

Рис. 2. Структура лексического мегакомпонента дейктической единицы

Структурно-языковой мегакомпонент значения включает *функциональный* и *грамматический* макрокомпоненты. Функциональный макрокомпонент содержит информацию об особенностях функционирования дейктической единицы в языке и состоит из следующих микрокомпонентов: *функционально-стилевого* (книжный, разговорный, просторечный, функционально не закрепленный), *функционально-территориального* (областной, диалектный), *функционально-социального* (научный, терминологический, жаргонный), *функционально-темпорального* (современный, исторический, архаичный), *функционально-частотного* (употребительный, малоупотребительный, редкий, неупотребительный) [Стернин 2006, с. 69–71].

Дейктическая единица имеет не только конкретное, но и обобщенное категориальное значение, которое находится в *грамматическом*, или *структурном*, *макрокомпоненте*. Этот макрокомпонент несет информацию о грамматических признаках дейктического слова и включает: категориальное значение (существительное, прилагательное, глагол и т.п.), морфологические показатели (род, число, падеж, время и т.п.), функцию в предложении (подлежащее, сказуемое, определение и т.п.) [Стернин 2006, с. 69]. Например, дейктические единицы *заўтра* и *tomorrow* имеют значение признака действия, обладают категориями наречия как неизменяемой части речи, выполняют функцию обстоятельства: «*Дык гэта, я* ***заўтра*** *напішу», – сказаў ён і ўсміхнуўся* (В. Быкаў. «Сцюжа») [БПНКРЯ]; *«The fun starts* ***tomorrow***

afternoon!» Count Olaf cried (L. Snicket. «The Carnivorous Carnival») '– Веселье начнется **завтра** днем! – возвестил Граф Олаф' [АПНКРЯ]. Состав структурно-языкового мегакомпонента дейктического значения представлен на рис. 3.

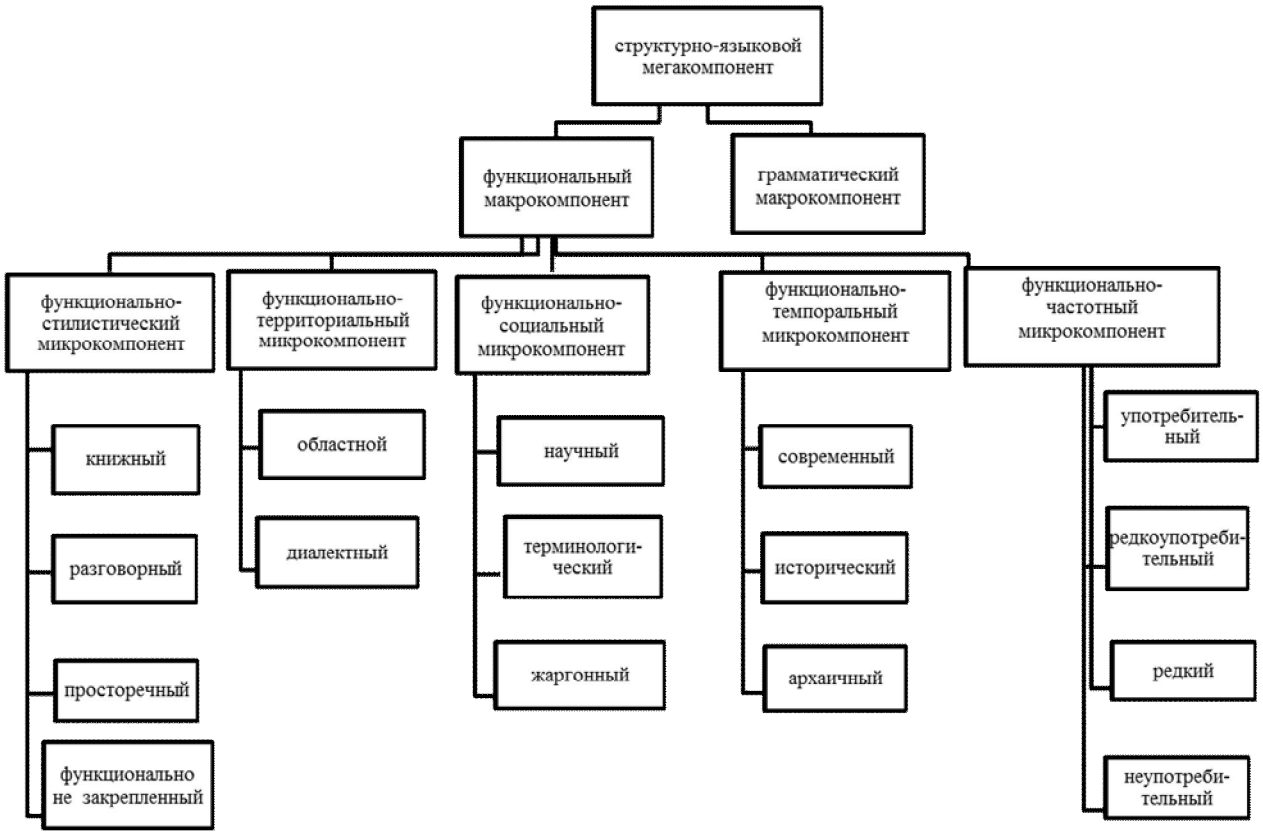

Рис. 3. Структурно-языковой мегакомпонент дейктического значения

Компонентный состав дейктического значения *заўтра* можно представить следующим набором сем в табл. 3.

Таблица 3

Компонентный состав значения *заўтра*

Мегакомпоненты значения	Макрокомпоненты значения	Микрокомпоненты значения	Значение микрокомпонента
Лексический	Денотативно-сигнификативный	Денотат	Период от восхода до заката солнца
		Сигнификат	День
	Дейктический	Дейктический	Следующий день после сегодня
	Фразеологический образ (только для ФЕ)	–	–
	Коннотативный	Оценочный	Нейтральный
		Эмоциональный	Нейтральный
		Экспрессивный	Неэкспрессивный

Окончание таблицы 3

Структурно-языковой	Функциональный	Функционально-стилистический	Разговорный
		Функционально-территориальный	Общеупотребительный
		Функционально-социальный	Общенародный
		Функционально-темпоральный	Современный
		Функционально-частотный	Употребительный
	Грамматический		Обстоятельство, наречие, существительное, подлежащее, дополнение

Все компоненты структуры дейктического значения существуют в системе и предопределяют друг друга.

Опыт выполненного нами исследования показывает, что рассмотрение значения белорусских и английских дейктических единиц как интегральной структуры с помощью метода семного компонентного анализа позволяет выявить универсальное и национально-специфическое в актуализации дейксиса в сопоставляемых языках.

1.5. ПОЛЕ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ДЕЙКТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Дейктическую единицу необходимо рассматривать в рамках той тематической зоны, или семантического поля, к которой она относится, поскольку это позволяет установить ее реальное значение. Попытки представить словарный состав как систему начались в XX в. с введения Ф. Соссюром понятия значимости (valeur) – соотношения знака с другими знаками в семантическом поле [Соссюр 1977, с. 148]. В современной лингвистике семантическое поле рассматривается в двух направлениях: *ономасиологическом* и *семасиологическом*. При ономасиологическом подходе языковое явление исследуется от содержания к форме [Вайсгербер 2009; Reuning 1941], при семасиологическом – от формы к содержанию [Porzig 1934].

На современном этапе разрабатываются различные типы семантических полей: функционально-семантические [Бондарко 1987, 1990, 1991, 2001, 2005; Резник 1988], грамматико-лексические [Гулыга и Шенделькс 1969], тематические [Апресян 1974; Морковкин 1970, 1977]. Тем не менее все исследователи берут за основу инвариант [Солнцев 1977, с. 214]. По мнению В. Н. Солнцева, инвариант – идеальный объект, который может быть использован для изучения общих признаков предметов и любого предмета, который входит в этот ряд признаков [Солнцев 1977, с. 214–215]. Семантический

инвариант – значение, не меняющееся с конкретной реализацией языковой единицы. Он обеспечивает прочность связей между элементами семантического поля как совокупности языковых единиц, объединенных общим семантическим признаком [Кобозева 2000].

Системный подход является определяющим в описании корпуса дейктических средств языка. Исследователи, рассматривающие дейксис как функционально-семантическое поле (ФСП), представляют его как «систему разноуровневых языковых средств (лексических, морфологических, а также комбинированных – лексико-синтаксических), объединенных на основе общности и взаимодействия функции указания различных типов относительно исходной точки отсчета» [Бондарко 1987, с. 11]. Такой подход позволяет рассматривать дейксис как гештальт – сложный ментальный образ, который упорядочивает разнообразие отдельных явлений в сознании человека с включением их статичных и динамичных аспектов [Ходоренко 2011]. Главным условием для формирования дейктического гештальта является его хронотипичность – способность человека осознавать себя «здесь и сейчас» [Ухтомский 2002]. Эта особенность обеспечивает соответствие гештальта текущим обстоятельствам и устанавливает взаимосвязь между фигурой и фоном, которая, актуализируясь, фиксируется в сознании человека и присутствует в межличностной коммуникации [Штелинг 1996]. Так, отдельные конституенты функционально-семантического поля дейксиса (ФСПД) английского языка рассматривались в работах М. Д. Березко [Березко 1988], О. А. Бесшапошниковой [Бесшапошникова 1987], Н. Н. Волкова [Волков 1984], Е. И. Кравцовой [Кравцова 2002], Р. В. Мамедовой [Мамедова 1992], Т. П. Сазыкиной [Сазыкина 1984], И. А. Федоровской [Федоровская 1985], Г. А. Шамовой [Шамова 1992] и др.

Мы, вслед за исследователями А. С. Андреевой [Андреева 2005], А. Г. Бондаренко [Бондаренко 1998], Е. Л. Ерзинкян [Ерзинкян 1979, 1988, 2012], Н. Г. Кирвалидзе [Кирвалидзе 1988, 1991], А. К. Магомедовой [Магомедова 2009], рассматриваем *дейксис* как семантическое поле (СП) – смысловую парадигму, объединяющую разноуровневые языковые единицы с общим семантическим признаком указания на компоненты ситуации речи: участников, место и время.

Трактовка дейктического слова как единицы языка с целостной семантикой позволяет использовать метод идентификации для распределения белорусских и английских дейктических единиц по семантическим группам и подгруппам на основании интегральных элементов семантики – сем. Сема – «компонент значения, отражающий отличительные признаки денотата, дифференцирует значения слов» и является базовым элементом для построения семантического поля [Стернин 2015, с. 9]. Введение термина *сема* чешским лингвистом В. Скаличкой для обозначения микроэлемента плана содержания [Скаличка 1967], обоснование структурной концепции значения в работах Л. Ельмслева [Ельмслев 1962], разработка компонентного анализа В. Гуденафом [Goodenough 1956] и Ф. Лаунсбери [Lounsbury 1956] позволили представить дейктическую единицу в виде интегральной структуры как совокупности сем.

В зависимости от роли в структуре значения слова семы бывают трех типов: *архисема*, *дифференциальная сема* и *потенциальная сема* [Гак 1977, с. 14–15]. А р х и с е м а – это родовая обобщающая сема, свойственная всем единицам данного класса. Она отражает их общие категориальные признаки. В нашем исследовании архисема ‘указание’ объединяет дейктические белорусские и английские единицы в поле. В каждой единице архисема ‘указание’ уточняется д и ф ф е р е н ц и а л ь н ы м и с е м а м и, которые подчеркивают ее индивидуальное значение. Белорусская единица *зараз* и английская *now* наряду с архисемой ‘указание на время’ имеют свое индивидуальное значение ‘в настоящее время, в это время, сейчас’, представленное дифференциальной семой.

П о т е н ц и а л ь н ы е с е м ы отражают возможные характеристики объекта указания. В более широком контексте любая из указанных сем может актуализироваться, выйти на первый план, в то время как другие семы, отражающие известные или несущественные для носителей языка аспекты явления, теряют коммуникативную значимость, отходят на другой план, могут совсем исчезнуть из семной структуры слова [Гак 1977, с. 15]. Например, английская единица *that* с семантикой указания на человека, объект, идею, отделенных от говорящего расстоянием или временем [CD], актуализируется потенциальная сема ‘дистанцирование адресата говорящим по причине негативного отношения к нему’ в следующем контексте *Miranda Priestly! Take* ***that*** *rag off this second* (L. Weisberger. «The Devil Wears Prada») ‘– Миранда Пристли! Немедленно снимите **это** барахло!’ [АПНКРЯ].

Архисема и дифференциальные семы в структуре значения относятся к *ядерным*, потенциальные или вероятностные семы – к *периферийным* [Стернин 2006].

В нашем исследовании для анализа средств и способов выражения указания в семантике дейктических единиц используется типология дейктического значения, разработанная Е. Л. Ерзинкян [Ерзинкян 1979, 1988, 2012] и апробированная в работах С. А. Чалабян [Чалабян 1991]. Отобранный материал подвергался анализу по следующим параметрам:

1) способу номинации: *дейктический* (вся семантика слова – *цяпер, now* ‘в настоящий момент, в это время, сейчас’) и *смешанный* (взаимодействие дейктического компонента с назывным в полудейктических единицах – *учора, yesterday* ‘день, предшествовавший сегодняшнему’);

2) типу ориентации: *субъективный* (ориентирование относительно говорящего, места и времени речи: *тут, here* ‘здесь, в месте, где находится говорящий’) и *объективный* (соотнесение с другой точкой отсчета: *позна, late* ‘после обычного, установленного времени’);

3) способу выражения: *эксплицитно-синтетический* (деривационные морфемы: ***су****часны,* ***con****temporary* ‘имеющий отношение к настоящему времени, к своей эпохе’, где префиксы *су-* и *со-* имеют значение ‘совпадение во времени, одновременность) и *эксплицитно-аналитический* (лексемы: *come* ***in*** ‘**в**ходить’).

На основе тематических классификаций английских дейктических единиц [Андреева 2005; Бондаренко 1998; Ерзинкян 1979, 1988, 2012; Кирвалидзе 1991; Магомедова 2009] нами была разработана собственная таксономия этой категории – семантического поля дейксиса (СПД) как системы разноуровневых средств выражения дейксиса в белорусском (799 единицы) и английском (624 единиц) языках. Основой построения данного поля выступает наличие общей дейктической семы указания в структуре значения языковых единиц. В то же время наряду с общим признаком каждый элемент обладает дифференциальным семантическим показателем: ‘указание на участников’, ‘указание на время’ или ‘указание на место’ речевого события. Таким образом, белорусское и английское семантические поля дейксиса включают три микрополя: *микрополе личного дейксиса* (МЛД), *микрополе пространственного дейксиса* (МПД) и *микрополе темпорального дейксиса* (МТД).

Структура семантического поля дейксиса в белорусском и английском языках представлена на рис. 4.

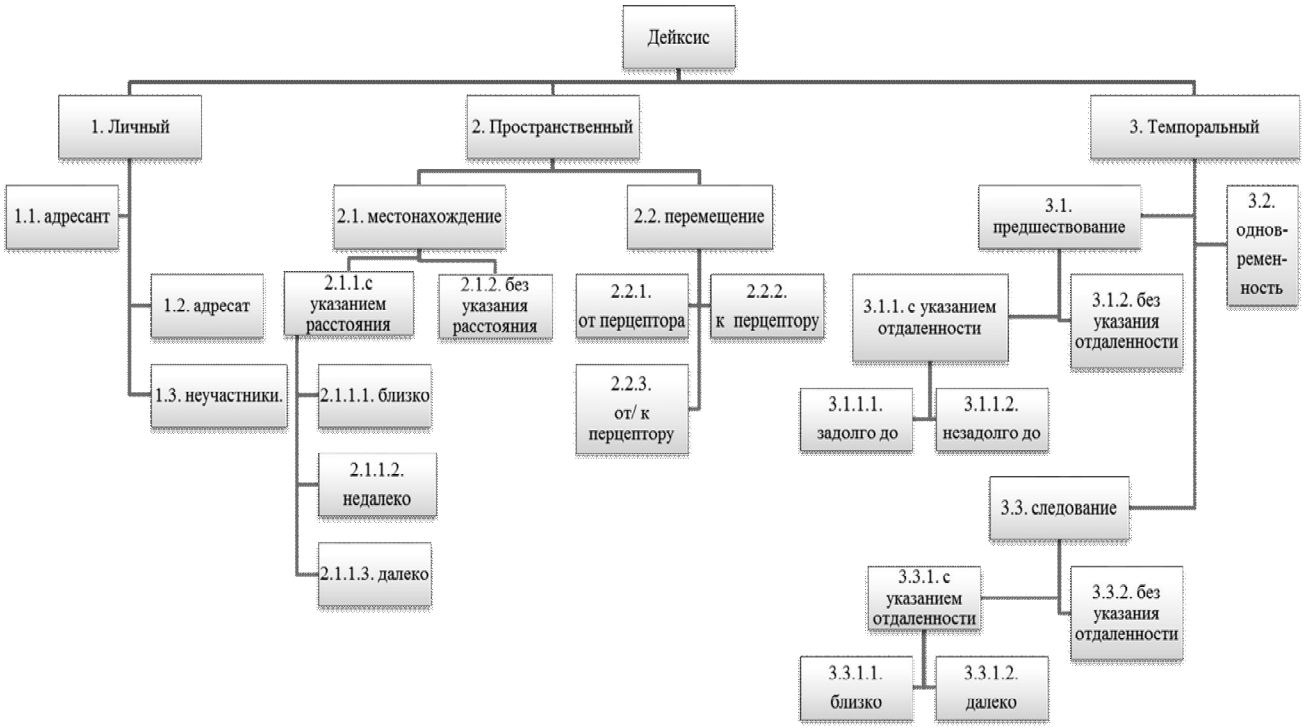

Рис. 4. Тематическая структурация семантического поля дейксиса в белорусском и английском языках

1.6. СООТНОШЕНИЕ ДЕЙКСИСА И АНАФОРЫ

Поскольку дейксис и анафора репрезентируются идентичными языковыми средствами, в современной лингвистике остается нерешенным вопрос об их соотношении. Существуют три наиболее распространенные точки зрения на эту проблему.

Согласно *первой* точке зрения, анафора производна от дейксиса, что объясняется наличием у них объединяющего критерия – функции указания. Данный подход восходит к идеям К. Бюлера [Бюлер 2001, с. 103]. Автор считает анафору частным случаем дейксиса и аргументирует свою позицию употреблением преимущественно одних и тех же слов для текстуального (анафорического) и наглядного типов дейксиса в индоевропейских языках [Бюлер 2001, с. 74–113]. Сходную интерпретацию явление анафоры получило в исследованиях О. Дюкро и Ц. Тодорова, которые выделяют *указательный дейксис* (deixis indicielle) и *дейксис анафорический* (deixis anaphorique) [Ducrot & Todorov 1972, с. 406]).

В соответствии со *второй* точкой зрения, дейксис и анафора – независимые разнопорядковые явления: дейксис осуществляет указание на элементы речевого события, анафора указывает на элементы контекста [Бурлакова 1992]. Дифференциация дейктического и анафорического типов указания в качестве отдельных объектов исследования в современном языкознании опирается на их формальную, семантическую и функциональную составляющие. Во-первых, при указании на один и тот же объект первое упоминание является дейктическим, повторное – анафорическим. Во-вторых, они имеют разную степень сложности отнесения компонентов выказывания и их описания: дейксис характеризуется соположением указания на объект и его описания в рамках одной синтагмы, анафоре свойственна разноположенность объекта и ссылки на него по разным синтагмам. В-третьих, они выполняют различные функции: дейксис привлекает внимание слушающего к выделяемому говорящим объекту [Ducrot & Todorov 1972], анафора нацеливает адресата на сохранение установленного фокуса внимания на уже упомянутом элементе [Кибрик 1990, p. 148–149].

Анализируя различия механизмов анафорического и дейктического типов указания в русле теории референции, Е. М. Вольф видит тождество анафоры и дейксиса в функции указания, различие между ними – в объекте указания и его локализации. Собственно дейктическое указание относится непосредственно к референту и включает два элемента – дейктический знак и его референт, анафорическое указание «строится на соотношении трех элементов – двух языковых обозначений, одно из которых представляет собой дейктический знак или включает дейктический показатель, и референт, к которому относятся оба эти обозначения» [Вольф 1974, с. 6].

С *третьей* точки зрения, которую разделяем и мы, дейксис и анафора не имеют четких границ и тесным образом взаимосвязаны, поскольку природа этих двух языковых феноменов идентична. Отличие заключается в субъективности дейксиса и объективности анафоры, что позволяет объяснить способность некоторых языковых единиц, традиционно относящихся к типичным дейктикам, при определенных условиях выполнять анафорическую функцию. Эту способность Е. С. Яковлева показывает на примере употребления пространственных наречий, валентность объекта у которых может

заполняться имплицитно при отсутствии в тексте сочетания предлога с именем объекта в косвенном падеже (*я далеко от дома* и *я далеко*) [Яковлева 1994, с. 22]. В таком случае автор говорит о двух возможных толкованиях: анафорическом – при соотнесении наречия с ранее упомянутым объектом (*Иван сел в первом ряду, и Маша расположилась* ***неподалеку***) и дейктическом, когда говорящий сам выступает в качестве точки отсчета, относительно которой строится описание ситуации (*Маша* ***неподалеку***) [Яковлева 1994, с. 22]. Такой подход соответствует распространенному в современном языкознании представлению о дейксисе и анафоре как о континууме с постепенным размыванием границ между ними [Кибрик 1983, с. 126].

1.7. МЕТОДИКА СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕЙКТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

В нашем исследовании *исходным языком* выступает белорусский, *языком сопоставления* – английский. Сам контрастивный анализ белорусских и английских дейктических единиц состоит из семи этапов [Стернин 2006, с. 76–81].

Этап I. Выделение тематической группировки дейктических единиц в исходном языке и языке сопоставления.

Шаг 1. Составление списка дейктических единиц в белорусском языке.

Отбор дейктических слов осуществлялся на основе принципа идентификации по ключевым словам-«маркерам» в словарных дефинициях единиц, которые имеют в своем значении указание на участников, место и время речевого события. Из белорусских толковых, лексических, морфологических и фразеологических словарей [АБС; БНК; БППФ; БФ; ЗНФ; МРБСППФ; МСБМ; СФ 1; СФ 2; ТСБМ; ФС; ФСМТЯК; ЭСФ] методом сплошной выборки были выписаны 799 дейктических единиц.

Шаг 2. Составление списка дейктических единиц в английском языке. Из английских толковых лексических и фразеологических словарей [БАРФС; НАРС; НБАРС; AH; AID; CALD; CCDI; CCEDAL; CD; CDAI; CDEI; CDI; CED; CI; CID; DAIPV; DASCE; EIU; ERDGL; FDI; LD; LDCE; LDEI; MD; MWLD; OALD; ODCIE 2; OED; PDEI; RHUD; WNWCD] методом сплошной выборки были выписаны 624 английские дейктические единицы.

Шаг 3. Структурация семантических полей дейксиса в белорусском и английском языках.

Семантические поля дейксиса (СПД) в сопоставляемых языках конституируются разноуровневыми языковыми средствами, взаимодействующими при осуществлении указания на участников, место и время речевой ситуации. Белорусские и английские дейктические единицы были распределены по 3 микрополям, 5 группам и 17 подгруппам (см. рис. 4, с. 32). Их количественные характеристики представлены в табл. 4.

Таблица 4

Количественная наполняемость тематических подгрупп
в белорусском и английском языках

Микрополе	Семантическая группа	Номер п/п семантической подгруппы	Количество белорусских единиц	Количество английских единиц
I. Личный дейксис	1. Адресант	1) 1-е лицо	4	8
	2. Адресат	2) 2-е лицо	4	8
	3. Некоммуникативные лица	3) 3-е лицо	8	12
			16	**28**
II. Пространственный дейксис	4. Местонахождение с указанием расстояния	4) близко	60	90
		5) недалеко	11	
		6) далеко	31	74
	5. Местонахождение без указания расстояния	7) местонахождение без указания расстояния	80	70
	6. Перемещение	8) от перцептора	230	92
		9) к перцептору	105	43
		10) от / к перцептору	24	10
			541	**407**
III. Темпоральный дейксис	7. Предшествование	11) задолго до	27	1
		12) незадолго до	7	1
		13) без указания отдаленности	118	125
	8. Одновременность	14) одновременность	38	36
	9. Следование	15) скоро	16	–
		16) не скоро	4	–
		17) без указания отдаленности	32	54
			242	**217**
Всего			**799**	**624**

Результаты этапа I: установлен объем белорусского и английского дейктических корпусов в количестве 799 белорусских и 624 английские дейктические единицы, распределенных по 17 подгруппам.

Этап II. Определение английских межъязыковых соответствий отдельных белорусских дейктических единиц в пределах каждой подгруппы.

Важным условием для контрастивного описания лексики и фразеологии является количество единиц сопоставления. При таком подходе выделяются три типа:

1. *Линейные аналоги* (соотношение 1:1) – единице исходного языка соответствует только одна единица языка сопоставления. Так, белорусскому указательному местоимению *гэта* [ТСБМ] соответствует английская единица *this* [CD].

2. *Векторные аналоги* (соотношение 1:N) – единице исходного языка соответствует несколько единиц языка сопоставления и наоборот. Векторные аналоги бывают двух типов:

а) нескольким единицам в белорусском языке соответствует одна единица в английском языке: например, лексемы *далёка, удалечыню* [ТСБМ] имеют один англоязычный аналог *far* [CD];

б) одной единице в белорусском языке соответствует несколько единиц в английском языке: например, лексема *заўтра* [ТСБМ] имеет в английском языке два соответствия – *tomorrow* [CD] и *morrow* [CD].

3. Отсутствие лексического соответствия (соотношение 1:0) – белорусской единице *дакастрычніцкі* ‘относящийся ко времени, предшествующему Великой Октябрьской социалистической революции’ [ТСБМ] не соответствует ни одна английская единица. Такая единица, представленная лакуной в английском языке, определяется как безэквивалентная.

Шаг 1. Установление английских словарных переводных соответствий белорусских единиц и расширение списка английских дейктических единиц. На этом этапе каждая белорусская единица проверялась по двуязычным словарям. По причине отсутствия белорусско-английских лексикографических справочников с определенной долей осторожности мы пользовались русско-английскими словарями [БРАС; БРАФС; РАС; РАФС] с выписыванием всех зафиксированных там англоязычных переводных соответствий, если значение белорусской единицы полностью совпадало со значением русскоязычных соответствий. Под *переводными эквивалентами* мы понимаем представленные в двуязычных словарях две единицы разных языков, которые регулярно используются при переводе [Стернин 2006, с. 34]. Полученные результаты представляются списком англоязычных соответствий каждой белорусской единицы. Каждый англоязычный аналог проверялся на наличие в англоязычных аутентичных лексикографических справочниках, Британском национальном корпусе [BNC] и параллельном английском подкорпусе Национального корпуса русского языка [АПНКРЯ] с целью исключения единиц, которые не являются единицами системы английского языка и выступают как авторские эквиваленты.

Результаты этапа II: зафиксированы английские единицы, которые являются межъязыковыми эквивалентами белорусских дейктических единиц.

Этап III. Компонентный анализ и описание значений белорусских и английских дейктических единиц методом анализа словарных дефиниций.

Шаг 1. Компонентный анализ белорусских единиц в пределах выделенных подгрупп методом анализа словарных дефиниций. Для описания и сопоставления значений белорусских и английских дейктических единиц необходимо представить дейктическое значение как интегральную структуру с компонентами разного объема. Структура значения белорусского дейктика *заўтра* представлена в табл. 5:

Таблица 5

Структура значения дейктической единицы *заўтра*

Мегакомпоненты значения	Макрокомпоненты значения	Микрокомпоненты значения	Значение микрокомпонента
Лексический	Денотативно-сигнификативный	Денотат	Период времени от восхода до захода
		Сигнификат	День
	Дейктический	Дейктический	Следующий день после сегодня
	Коннотативный	Оценочный	Нейтральный
		Эмоциональный	Нейтральный
		Экспрессивный	Неэкспрессивный
Структурно-языковой	Функциональный	Функционально-стилистический	Разговорный
		Функционально-территориальный	Общеупотребительный
		Функционально-социальный	Общенародный
		Функционально-темпоральный	Современный
		Функционально-частотный	Употребительный
	Грамматический		Обстоятельство, наречие, существительное, подлежащее, дополнение

Подобные семные описания проводятся для всех белорусских дейктических единиц.

Шаг 2. Компонентный анализ английских дейктических единиц в пределах выделенных подгрупп методом анализа словарных дефиниций. Значения английских дейктических единиц подвергаются семному описанию с использованием словарных дефиниций толковых, лексических и фразеологических словарей.

Результаты этапа III: получены семные описания всех исследованных белорусских и английских дейктических единиц.

Этап IV. Семантическое описание контрастивной пары.

Шаг 1. Формирование контрастивной пары.

Контрастивная пара – это две единицы языков, которые сравниваются и выступают как переводные эквиваленты [Стернин 2006, с. 392], в нашем исследовании – как межъязыковые дейктические аналоги. Линейные аналоги формируют одну контрастивную пару, векторные – несколько. Безэквивалентные единицы не формируют контрастивной пары и описываются как одноязычные наборы сем.

Шаг 2. Семное сопоставление значений контрастивной пары. На этом этапе набор сем каждой белорусской дейктической единицы сопоставляется с набором сем всех своих англоязычных соответствий. Каждая сема белорусской единицы проверяется. Если она совпадает с семой английского соответствия, она характеризуется как эквивалентная (экв.). При несовпадении с семой английского эквивалента по содержанию она определяется как неэквивалентная (неэкв.). При отсутствии семного соответствия она считается безэквивалентной (безэкв.). Структура значения белорусского дейктика *заўтра* и его англоязычного соответствия *morrow* можно представить следующим образом в табл. 6.

Таблица 6

Структура значений дейктических единиц *заўтра* и *morrow*

Мега-компоненты	Макро-компоненты	Микро-компоненты	*заўтра*	*morrow*	Тип соответствия
Лексический	Денотативно-сигнификативный	Денотат	Период времени от восхода до захода солнца	Период времени от восхода до захода солнца	экв.
		Сигнификат	День	День	экв.
	Дейктический	Дейктический	Следующий день после сегодня	Следующий день после сегодня	экв.
	Коннотативный	Оценочный	Нейтральный	Одобрительный	неэкв.
		Эмоциональный	Нейтральный	Эмоциональный	неэкв.
		Экспрессивный	Неэкспрессивный	Экспрессивный	неэкв.
Структурно-языковой	Функциональный	Функционально-стилистический	Разговорный	Книжный	неэкв.
		Функционально-территориальный	Общеупотребительный	Малоупотребительный	неэкв.
		Функционально-социальный	Общенародный	Поэтический	неэкв.
		Функционально-темпоральный	Современный	Устаревший	неэкв.
		Функционально-частотный	Употребительный	Малоупотребительный	неэкв.
	Грамматический		Наречие или существительное, подлежащее, дополнение, обстоятельство	Существительное, подлежащее, дополнение, обстоятельство	экв.

В исследовании подобные семные описания проводятся для всех белорусских дейктических единиц и их англоязычных соответствий.

Результаты этапа IV: выполнены параллельные семные описания контрастивных пар с установлением эквивалентных, неэквивалентных и безэквивалентных сем.

Этап V. Выявление национально-специфических компонентов значений белорусских и английских дейктических единиц. На этом этапе в каждой контрастивной паре устанавливаются и описываются национально-специфические семы. Каждая пара сопоставляемых сем получает следующую характеристику: 1) эквивалентные семы, 2) несовпадающие семы, 3) безэквивалентные семы, 4) лакунарные семы. Последние три типа сем свидетельствуют о национальной специфике семантики языковой единицы.

Межъязыковые соответствия описываются парами, с перечнем только тех сем, которые не совпадают и выступают как национально-специфические. Подобная процедура дифференциальной семантизации контрастивной пары позволяет выявить и описать национальную специфику дейктической семантики на семном уровне, что обеспечивает корректность и верифицируемость результатов описания национальной специфики дейктических единиц (табл. 7).

Таблица 7

Несовпадение в значениях дейктических слов *заўтра* и *morrow*

Макрокомпоненты	Микрокомпоненты	*заўтра*	*morrow*	Тип соответствия
Коннотативный	Оценочный	Нейтральный	Одобрительный	неэкв.
	Эмоциональный	Нейтральный	Эмоциональный	неэкв.
	Экспрессивный	Неэкспрессивный	Экспрессивный	неэкв.
Функциональный	Функционально-стилистический	Разговорный	Книжный	неэкв.
	Функционально-территориальный	Общеупотребительный	Малоупотребительный	неэкв.
	Функционально-социальный	Общенародный	Поэтический	неэкв.
	Функционально-темпоральный	Современный	Устаревший	неэкв.
	Функционально-частотный	Употребительный	Малоупотребительный	неэкв.

Результаты этапа V: дифференциация и описание белорусских и английских межъязыковых дейктических соответствий по национально-специфическому компоненту.

Этап VI. Разработка классификации межъязыковых белорусско-английских дейктических соответствий и определение показателей межъязыковой дейктической эквивалентности и национальной специфики.

Шаг 1. Разработка классификации белорусских и английских межъязыковых дейктических соответствий с учетом форм проявления национальной специфики дейктической семантики. Белорусские и английские межъязыковые эквиваленты распределяются по следующим типам: *полные дейктические эквиваленты*, *дейктические соответствия*, *безэквивалентные дейктические единицы*, производится их подсчет в каждой из 17 подгрупп.

Шаг 2. Определение индексов межъязыковой дейктической эквивалентности и национальной специфики белорусских дейктических единиц на фоне английских. Степень проявления национальной специфики семантики белорусских дейктических слов на фоне английского языка в рамках конкретных группировок может получить количественную оценку в виде индексов [Стернин 2006; Чубур 2005]. Сопоставление индексов национальной специфики белорусских и английских дейктических единиц всех 17 подгрупп позволяет выявить универсальные характеристики дейксиса в сопоставляемых языках, а на их фоне – идиоэтнические особенности его языковой репрезентации с яркой национальной спецификой.

Формами проявления национальной специфики белорусских дейктиков в сопоставлении с английскими являются: 1) *полная межъязыковая дейктическая эквивалентность*, 2) *дейктическая национальная специфика*, 3) *дейктическая безэквивалентность*. Эти типы представляют шкалу варьирования национальной специфики от минимальной (полная эквивалентность) до максимальной (безэквивалентность).

Три типа проявления национальной специфики позволили представить три количественных показателя степени проявления национальной специфики категории дейксиса в белорусском языке в сопоставлении с английским языком: 1) *индекс межъязыковой дейктической эквивалентности,* 2) *индекс дейктической национальной специфики*, 3) *индекс дейктической безэквивалентности*.

Результат этапа VI: определение типов белорусско-английских межъязыковых дейктических соответствий, выявление общих черт и национально-специфических особенностей репрезентации дейксиса в сопоставляемых языках, установление *обобщенных индексов межъязыкового дейктического изоморфизма* и *алломорфизма*.

Этап VII. Составление «Беларуска-англійскага ідэаграфічнага слоўніка дэйксісу». На этом этапе каждой белорусской дейктической единице подбирается по результатам исследования всех упомянутых выше этапов наиболее близкий по семному описанию англоязычный эквивалент и проводится их лексикографическая параметризация. Макроструктура словаря базируется на тематической сегментации белорусского и английского СПД (см. рис. 4, с. 32) и состоит из таксона ДЕЙКСИС как общего семантического критерия и 17 подтаксонов. Микроструктура справочника – это словарная статья.

Результат этапа VII: подбор ближайших англоязычных эквивалентов белорусским дейктическим единицам и составление «Беларуска-англійскага ідэаграфічнага слоўніка дэйксісу».

Г л а в а 2. ТИПОЛОГИЯ ДЕЙКСИСА В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

2.1. МИКРОПОЛЯ ЛИЧНОГО ДЕЙКСИСА

Личный дейксис базируется на грамматической категории лица, которая обозначает отношение субъекта действия, процесса, качества или объекта к говорящему [ЛЭС]. Традиционно указание на лицо соотносится с системой личных местоимений. Эта система отражает универсальную классификацию объектов действительности по их отношению к говорящему, выраженному 1-м лицом (говорящий / нарратор). 2-е лицо указывает на того, к кому обращена речь говорящего (адресат / собеседник). 3-е лицо указывает на лицо или предмет, которые не являются ни говорящим, ни адресатом [Успенский 2007, с. 18; Шелякин 2001, с. 59]. Мы разделяем точку зрения Н. Г. Кирвалидзе и считаем, что микросистемы притяжательных и возвратных местоимений можно отнести к сфере личного дейксиса, поскольку они непосредственно связаны с личными местоимениями, имеют с ними общую сему указания на участников коммуникации и общую парадигму [Кирвалидзе 1991, с. 75]: белорус. *я – мой*, *мы – наш*, англ. *I – my*, *mine*, *myself*, *we – our*, *ours*, *ourselves*, белорус. *ты – твой*, *вы – ваш*, англ. *you – your*, *yours*, *yourself*, *yourselves*, белорус. *ён – яго*, *яна – яе*, *яны – іх*, *свой*, возвратное местоимение *сябе*, англ. *he – his*, *his*, *himself*, *she – her*, *hers*, *herself*, *they – their*, *theirs*, *themselves*.

2.1.1. Личные местоимения

Основными маркерами личного дейксиса в белорусском и английском языках выступают личные местоимения. Они являются наиболее древними формами, участвующими в организации коммуникативной структуры высказывания. Нерешенным остается вопрос об отнесении этих единиц к лексической или грамматической системе языка. Это обусловлено двойственностью их семантики – наличием собственного внеконстекстного, постоянного значения и ситуативного, дейктического значения. Одни исследователи считают, что личные местоимения – это грамматические элементы, полностью автономные грамматикализованные корни, которые не содержат никаких лексических сем [Виноградов 2001, с. 265; Плунгян 2003, с. 255]. Их «функция заключается в представлении говорящего или слушающего как индивида, взятого в его единственности» [Селивёрстова 1988, с. 32]. Другие исследователи относят личные местоимения к особому классу слов на границе лексики и грамматики [Мельчук 1998; Химик 1990]. Согласно третьей точке зрения, которую разделяем и мы, местоимения – особый класс «указательных слов» [Бюлер 2001; Brugman 1904], находящихся «на пересечении кода и сообщения» [Якобсон 1972, с. 98] и обладающих индексаль-

ной референцией, денотат которых постоянно меняется в зависимости от субъекта говорения, обстановки и ситуации речи. Благодаря данной особенности эти единицы получают способность быть в речи «субститутами» [Блумфилд 1968, с. 150]), «индексами» [Пирс 2000, с. 59], «индикаторами» [Collinson 1937], «шифтерами» [Якобсон 1972, с. 98].

Лексическое значение личных местоимений формируется грамматической категорией лица, обозначающей отношение субъекта действия, процесса, качества или объекта к говорящему. Отношения между 1-м, 2-м и 3-м лицами неоднородны и получают различную трактовку. Так, по мнению Э. Бенвениста, распределение личных местоимений по лицам коммуникативно обусловлено: 1-е и 2-е лица возникают только в «реальности речи» [Бенвенист 1998, с. 286]. 3-е лицо представляет собой неограниченное количество субъектов.

С точки зрения А. В. Кравченко, в основе разграничения 1-го, 2-го и 3-го лица лежит перцептивный фактор, определяющий степень интеграции объектов указания в пространственный предел субъекта речи: *ты* – 'включенный в речевую ситуацию объект действительности, находящийся в слуховом поле восприятия говорящего', *он / она / оно* – 'включенный в речевую ситуацию объект действительности, находящийся в зрительном поле восприятия говорящего' [Кравченко 1992, с. 109], и *я* как центр личного пространства говорящего в противопоставление остальному миру. На наш взгляд, прагматический и перцептивный факторы взаимодополняют друг друга: границы аудиовизуального поля говорящего, безусловно, оказывают влияние на структурирование им речевой ситуации и употребление личных местоимений.

Местоимения 1-го лица ед. ч. *я* и *I*, по мнению С. Левинсона, есть грамматикализация ссылки говорящего на самого себя [Levinson 1983, p. 62]. По мнению В. А. Гуреева, у *я* главная функция – быть субъектом познания (чувственного, рационального, эмпирического и теоретического) при обязательном условии «неизменности сущностного *я*, его устойчивости при постоянных изменениях внешнего мира, при условии сохранения тождества *я* человека самому себе, своему самосознанию» [Гуреев 2004, с. 59].

Это местоимение выступает исходным прототипическим ориентиром – центром *личной сферы* говорящего. Содержание термина л и ч н а я с ф е р а, который впервые встречается у Ш. Балли в значении совокупности не только частей тела, но и предметов и существ, связанных с личностью постоянной и тесной связью [Bally 1926, p. 68], остается в современном языкознании довольно размытым. Сегодня под этим термином понимается «окружающая тело человека область пространства с невидимыми границами, которые посторонним не разрешается пересекать» [Sommer 1969, p. 26]. Это пространство зависит от перцептивных возможностей говорящего [Кравченко 1992], а также психологических и социальных факторов [Slane, Petruska & Cheyfitz 1981; Hayduk 1981].

В исследовании мы придерживаемся определения л и ч н о й с ф е р ы, данного Ю. Д. Апресяном, под которой автор понимает ментальное пространство, куда «входит говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально» [Апресян 1986, с. 28]. Когнитивной основой этой области выступает слуховое и зрительное поля восприятия субъекта речи, которые оказывают непосредственное влияние на принимаемое говорящим решение относительно включенности или невключенности в свое личное пространство другого лица или объекта.

Местоимения 1-го лица множественного числа *мы* и *we* употребляются для указания на двух и более лиц вместе с говорящим [ТСБМ; CD]. Эти лексемы эксплицируют категорию «клюзивности» с включением адресата («мы» инклюзивное) или его исключением («мы» эксклюзивное) и обладают самой многозначной и размытой семантикой.

В белорусском языке, как и в других славянских языках [Friedrich 1966], данное семантическое различие носит имплицитный характер и может быть выражено только с помощью уточнения в конструкциях с поглощенным референтом [Даниэль 2000], когда говорящий использует повторную референцию к нефокусному члену группы (*мы з табой*, *мы з ім* или *з ёй*): *– Куды* ***мы з табой****? – У лазню* (У. Някляеў. «Лабух») [БПНКРЯ]; ***Мы з ім*** *з аднае вёскі, з Біргуса* (П. Місько. «Грот афаліны») [БПНКРЯ]; ***Мы з ёй*** *сустрэліся выпадкова, я не ведаю нават яе імя* (М. Гамолка. «Цытадэль неба») [БПНКРЯ]. В английском языке данное значение передается сочинительной конструкцией «я и Х» или «Х и я». Такая конструкция делает поглощение референта личным местоимением множественного числа **we and you, *him and us*, **we and her* невозможным по сравнению с частотными сочетаниями типа *you and I*, *you and him*, *you and her*, используемыми для представления участников коммуникации по отдельности: *I believe* ***you and I*** *are in grave danger* (D. Brown. «The Da Vinci Code») ‘Кажется, **нам с тобой** угрожает серьезная опасность’ [АПНКРЯ]; *It said* ***you and him*** *were unofficially engaged* (J. Fowles. «The Collector») ‘Писали, что **вы с ним** неофициально помолвлены’ [АПНКРЯ]; *Do you suppose they’re not going to remember all about* ***you and her*** *when they learn that she is dead?* (T. Dreiser. «An American Tragedy») ‘Неужели вы думаете, что они не вспомнят **ваших с ней** отношений, когда узнают, что она умерла?’ [АПНКРЯ].

В белорусском языке обороты типа *я і мы / мае* + существительное не частотны: *Што ж,* ***я і мае*** *аднадумцы… мы прымем гэты бой* (І. Шамякін. «Петраград-Брэст») [БПНКРЯ]. Поэтому местоимение *мы* является единственным способом описания группы лиц, в которую входит говорящий. Сфера употребления сочинительных конструкций типа *я і ты* или *ты да я* крайне ограничена устойчивыми выражениями и выделительными контекстами: *Толькі ж хто пра гэта знае?* ***Ты да я****, да маладая...* (Я. Колас. «Тарас Гушча»).

2-е лицо. Местоимения 2-го лица *ты* и *you* обозначают того, кому говорят, – адресата. Однако такое толкование данного термина представляется нам не совсем правильным. Адресат – это не только тот (те), кому

говорят и кто является респондентом иллокуции субъекта речи, но и тот, кто является объектом восприятия говорящего и находится в пространстве его слуховой или зрительной перцепции. Это подтверждается этимологией белорусского местоимения 2-го лица ед.ч. *ты*, восходящего к указательному элементу *тъ*, *ту* со значением «тот у слушающего, около тебя» или «находящийся тут, около тебя» (ту «тут, здесь») [Обнорский 1953, с. 135–136].

Белорусский язык, в отличие от английского языка с его единственной формой 2-го лица *you*, характеризуется наличием двух форм для указания на адресата в ед.ч. – *ты* и *Вы.* Как правило, выбор между *ты* и *Вы* определяется степенью близости межличностных отношений коммуникантов, их возрастными параметрами и социальным статусом: *ты* используется для общения с близкими друзьями и родственниками, *Вы* – для обращения к незнакомому или находящемуся выше по статусу собеседнику: *От тут, Яўхімко, зяцёк* ***ты*** *мой залаты!..* (І. Мележ. «Людзі на балоце») [БПНКРЯ]; – *Не мая справа.* ***Вы*** *камандзір батальёна,* ***Вам*** *і дакладваць* (В. Быкаў. «Яго батальён») [БПНКРЯ]. Нарушение этого правила и обращение на *ты* к незнакомому участнику коммуникации с высоким социальным статусом демонстрирует фамильярное, высокомерное или недоброжелательное отношение говорящего к адресату: *Наперадзе крыкнулі: – Эй,* ***ты****, там, за дубам! Выходзь!* (І. Шамякін. «Глыбокая плынь») [БПНКРЯ]. В некоторых случаях смена формы обращения с *Вы* на *ты* может являться следствием речевой инерции как коммуникативной нормы, обязывающей собеседников с относительно одинаковым социальным статусом использовать симметричные показатели вежливости в диалоге: – *Дзякуй* ***Вам****, – ціхенька адказала дзяўчына. – І гэта… Заві мяне на* ***ты****. Добра? – Добра, Міця* (В. Быкаў. «Пакахай мяне, салдацік») [БПНКРЯ]. Спорадические переключения *ты* и *Вы* могут происходить в ситуациях, когда субъект речи сомневается в уместности одного из местоимений. Это связано с конкуренцией форм как обязательным этапом в формировании языковой нормы: *Будучы чалавекам далікатным, Іван нават на міг задумаўся, як звяртацца да Шышкі – на «****Вы****» ці на «****ты****»* (І. Шамякін. «Вазьму твой боль») [БПНКРЯ].

По мнению исследователя П. Фредрика, переключение местоимений с *Вы* на *ты* также может быть следствием изменения психоэмоционального состояния говорящего (гнева, радости, удивления и др.) [Friedrich 1966, p. 248–251]: – *Слухай,* ***ты****…* ***Вы*** *там нармальны ці не? Калі* ***Вы*** *будзеце такі легкаверны, дык у вас заўтра ў хазяйстве нікога не застанецца. – Застануцца, таварыш дзесяты. А тыя, што на санчасць глядзяць, мне не патрэбны* (В. Быкаў. «Яго батальён») [БПНКРЯ]. Автор проводит аналогию употребления этих местоимений с речью афатиков, которая характеризуется нейтрализацией иерархической оппозиции *ты / Вы* и переходом к *ты* [Friedrich 1966, p. 248–251].

3-е лицо. Значение белорусских и английских местоимений 3-го лица максимально ситуативно, поэтому их семантизацию невозможно провести без опоры на категорию одушевленности / неодушевленности. Согласно

сложившемуся в современном языкознании мнению, семантическая категория одушевленности оформилась на основе способности объектов окружающей действительности к перемещению в пространстве и их последующего разграничения на самодвижущиеся и несамодвижущиеся (не способные быть инициаторами действия) [Кравченко 1996, с. 133]. Об этом свидетельствуют английские существительные с семантикой ‘средства передвижения’ (*car* ‘легковой автомобиль’, *train* ‘поезд’, *plane* ‘самолет’, *ship* ‘корабль’, *boat* ‘лодка’), которые обозначаются местоимением женского рода *she* ‘она’: *We shall have to make the next part of the journey by **boat**! Here **she** comes! Look!* (R. Dahl. «Charlie and the Chocolate Factory») ‘Следующий этап нашего путешествия мы проделаем на **лодке**! А вот и **она**!’ [АПНКРЯ]; *«How do you like your **car**? – Oh, **she** rides like a dream»* [WordReference] ‘– Как тебе **машина**? – О, **она** едет как мечта’.

Категория рода в белорусском языке – грамматико-семантическая с морфологическими показателями: м. р. – существительные с нулевым окончанием (*сокал*, *вуж*) и названия лиц мужского пола с окончаниями *-а* (*-я*) (*бацьк**а***, *дзядул**я***); ж. р. – существительные с окончаниями *-а* (*-я*) (*зямл**я***, *дарог**а***) или с нулевым окончанием (*памяць*); с. р. – существительные с окончаниями *-а* (*-я*), *-е*, *-о* (*-ё*) (*рэх**а***, *кацян**я***, *зерн**е***, *акн**о***, *жыццё*) [Паўлоўская, Арцёмава і Гапеева 2018, с. 84].

Категория рода в английском языке – семантическая, поскольку в этом языке отсутствуют морфологические показатели рода, за исключением а) суффикса *-ess* (*tiger* тигр – *tigr**ess*** ‘тигрица’); б) словосложения: ***he**-goat* ‘козел’, ***she**-goat* ‘коза’; в) использования отдельных слов (*boy* ‘мальчик’ – *girl* ‘девочка’); г) словосочетаний (*peasant woman* ‘крестьянка’). Род существительных, обозначающих людей, определяется в соответствии с биологическим полом (*a father* ‘отец’ – *he* ‘он’, *a mother – she* ‘она’) [Паўлоўская, Арцёмава і Гапеева 2018, с. 84]. Животные и предметы не различаются по родам и заменяются в единственном числе местоимением *it.* Но если они большого размера и представляют опасность, то могут обозначаться местоимением *he*, как в следующем контексте: *The bull was watching. Seemingly **he** watched the white horse, but really he watched the triangular steel point of the pic* (E. Hemingway. «The Sun Also Rises») ‘**Бык** смотрел зорко. Казалось, **он** смотрит на белую лошадь, но на самом деле **он** следил за треугольным острием копья’ [АПНКРЯ]. Автор использует местоимение мужского рода *he* со словом *bull* ‘бык’ вместо грамматически корректного *it* для усиления степени опасности, исходящей от этого большого и мощного зверя.

Напротив, объекты внешнего мира, вызывающие у говорящего ассоциации с продолжением рода, материнством, заботой, теплом, безопасностью (*earth* ‘земля’, *nature* ‘природа’), соотносятся с женским полом и обозначаются местоимением *she*: *Mother **nature** had heaved **her** waking sigh and gone about **her** brief business* (J. London. «A Daughter of the Snows») ‘**Природа**-мать, пробудившись от сна, торопливо принялась за [ее] работу’ [АПНКРЯ].

Подобные примеры свидетельствуют о сохранившихся в современном английском языке реликтах архаической родовой категоризации объектов без ярко выраженных половых признаков.

Ситуативность и синсемантичность белорусских местоимений 3-го лица создают благоприятные условия для стереоскопического описания ситуации с позиций нескольких участников одновременно (говорящего и слушающего, говорящего и третьего лица), что создает дополнительный прагматический оттенок реальности, противоречащей ожиданиям [Николаева 2008, с. 47]: *Вось я, – як быццам казала яе душа праз вочы, вялікія, чорныя і бліскучыя, –* ***вось яна я*** (У. Караткевіч. «Дзікае паляванне караля Стаха») [БПНКРЯ]; ***Вось ён я*** *тут. Дакладаю. Зь пятніцы да панядзелка быў у Вільні, у Сьвята-Духавым манастыры* [Нашы паездкі і мерапрыемствы. Молодежка в честь Святых Мучениц Веры, Надежды, Любви]; *Не верыла?* ***Вось ён, я*** (І. Мележ. «Завеі»).

На первый взгляд, сочетание *Вось ён / яна* кажется парадоксальным ввиду соседства форм 1-го лица *я*, 3-го лица *ён*, *яна*, для которых диахронически характерно значение удаленности, и частицы *вось,* указывающей на предметы и явления вблизи. Эти единицы образуют единый остенсивный комплекс *вось ён / яна я* (*тут*) и сигнализируют о совмещении двух дейктических проекций речевого события – с точки зрения адресанта (*вось*, *тут*) и с точки зрения адресата (*ён*, *там*) [Горицкая 2006]. Такой ракурс позволяет говорящему выйти за пределы собственного «я» и увидеть себя со стороны. Анализ фактического материала показал отсутствие контекстов с конструкцией *вось яны мы.* Именно семантика тождества коммуникативного лица ‘я + ты’, ‘я + вы’, ‘я + они’ у местоимения *мы* препятствует возникновению значения отстраненности и осложняет передачу ситуации с точки зрения слушающего [Горицкая 2006].

Дейктический эллипсис. Характерной особенностью белорусского языка является частотное отсутствие эксплицитного обозначения участников коммуникации личными местоимениями 1-го и 2-го лица в высказывании – *дейктический эллипсис.* При рассмотрении этого явления необходимо затронуть проблему синтаксического нуля и его отличие от эллипсиса. По мнению Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, условием появления синтаксического нуля является отсутствие в языке «полностью синонимичного, ненулевого способа выражения» [Булыгина и Шмелев 1997, с. 43]. Это обусловливает необходимость включения нулевого элемента в инвентарь прономинальных единиц языка. Если опущение какого-либо актанта сопровождается редукцией формы и содержания, нельзя говорить ни об эллипсисе, ни о синтаксическом нуле. Мы придерживаемся точки изрения И. А. Мельчука, согласно которой нуль и эллипсис четко дифференцируются: нуль – это «знак, имеющий в качестве означающего пустую цепочку, либо одноэлементное множество, содержащее такой знак», а эллипсис есть «правило элиминирования определенных знаков в определенном контексте (где эти знаки, по существу, избыточны)» [Мельчук 1974, с. 357].

Критерий эллиптируемости дейктических местоимений-подлежащих, получивший в генеративной грамматике название *pro-drop* (от англ. *pronoun* ‘местоимение’ и *drop* ‘выпадать, опускать’) [Chomsky & Lasnik 1993], лег в основу классификации языков на две группы: языки *non pro-drop* и *pro-drop.* В языках n o n p r o - d r o p (английский, французский) элиминация местоименного подлежащего невозможна или ограничена: «***I*** *don’t know what to say», Langdon said, coming up behind her* (D. Brown. «The Da Vinci Code») ‘–ØНе знаю, что и сказать. – Лэнгдон подошел и стал рядом с ней’ [АПНКРЯ]. В языках p r o - d r o p (белорусский, русский, испанский) опущение подлежащего, выраженного личным местоимением 1-го и 2-го лица, возможно: *ØВедаю, што і я вінаваты ў гэтым* (А. Курэйчык. «Згублены рай») [БПНКРЯ]. Это может быть обусловлено не только интралингвистически – наличием развитой системы спряжения глагола (1-е лицо – *гавар**у***, 2-е лицо – *гавор**ыш***, 3-е лицо – *гавор**ыць***: *Дык вось, як на споведзі гавар**у** – ані блізка!* І. Чыгрынаў. «Апраўданне крыві») [БПНКРЯ]), но экстралингвистически – традицией избегать прямого указания на субъект действия и передачей дополнительных прагматических значений (подробнее об этом в разделе 2.5).

2.1.2. Притяжательные местоимения

Ядерными средствами актуализации личного дейксиса наряду с личными местоимениями выступают притяжательные местоимения. Они относятся к корпусу языковых маркеров категории посессивности. По мнению А. Е. Кибрика, в основе этой категории лежит «абстрактное отношение когнитивной сопряженности, связывающее два концепта онтологически (по природе вещей) или ситуационно (в конкретной актуализованной ситуации)» [Кибрик 2004, с. 265], когда говорящему нужен более заметный, когнитивно выпуклый (salient) ориентир (reference point) для локализации объекта путем соотнесения с этим ориентиром – посессором «для лучшей идентификации искомого референта» [Вайс 2004, с. 283].

Притяжательные местоимения до сих пор являются предметом лингвистических дискуссий. Некоторые исследователи ставят под вопрос само выделение этих слов в самостоятельный лексико-грамматический класс [Шахматов 2001, с. 495]. Мы, вслед за Б. Ю. Норманом, относим посессивы к отдельному разряду местоименных слов, которые семантически соотносятся с личными местоимениями, но обладают спектром отличительных семантико-прагматических характеристик [Норман 1999].

Система современного белорусского языка включает 9 притяжательных местоимений: *свой*, *мой*, *наш*, *твой*, *ваш*, *яго*, *ягоны*, *ейны*, *іхні*. Английскому языку свойственно наличие двух типов местоименных посессивов: относительных *my*, *your*, *his*, *her*, *its*, *our*, *their*, употребляемых в сочетании с существительным, и абсолютных *mine*, *yours*, *his*, *hers*, *its*, *ours*, *theirs*, употребляемых самостоятельно. Несмотря на то, что посессивный компонент является основным в структуре значения этой группы слов, они очень редко

(по некоторым подсчетам, лишь в 5 % случаев) обозначают обладание как таковое [Норман 2009, с. 63]. Как правило, они передают идею принадлежности через указание на границы личной сферы коммуникантов.

Как показал анализ фактического материала, в английском языке притяжательное местоимение обязательно употребляется с существительными, обозначающими части тела субъекта обладания, членов его семьи, одежду, и обязательно кореферентно его лицу: *«Professor Langdon?» **A male student** in back raised **his hand**, sounding hopeful* (D. Brown. «The Da Vinci Code») '– Профессор Лэнгдон? – Какой-то паренек поднял **[его] руку** и с надеждой посмотрел на преподавателя' [АПНКРЯ]; ***Tom** looked down at **his mother** again, where she sat scraping potatoes* (J. Steinbeck. «The Grapes of Wrath») '**Том** снова посмотрел на **[его] мать**, чистившую теперь картошку' [БПНКРЯ]; ***She** came in and took **her coat** off right away and sort of chucked it on the bed* (J. D. Salinger. The «Catcher in the Rye») '**Она** вошла, сразу сняла **[ее] пальто** и швырнула его на кровать' [АПНКРЯ]. В белорусском языке экспликация этих отношений факультативна: *Васіль падняў **Øруку** і стрэліў – туды, напагонку, панёсся пагрозны агонь* (Г. Далідовіч. «Жывы покліч») [БПНКРЯ]; ***ØБацька** ў гонар Пола Макартні назваў, а **Ømаці** імя змякчыла. Яна па маладосці болей да французаў гарнулася. Я тады не мог быць супраць* (У. Някляеў. «Лабух») [БПНКРЯ]; *Пакалочваючыся ў дрыжыках, я нацягнуў **Økашулю**, порткі, выйшаў у незнаёмую кватэру, у чужую прыхожую…* (У. Някляеў. «Лабух») [БПНКРЯ].

Белорусское притяжательное местоимение *свой* аккумулирует в себе семантику притяжательных местоимений всех трех лиц, поэтому диапазон его значений широк: от *свой*, *свае* «со знаком плюс», где оно эмфатично и находится в ударной, рематической позиции (*Віцька быў глупствам, Віцька быў **свой**, хатні, яму можна было апусціць за каўнер сняжок (гэта называлася «мора Лапцевых»*), *пакпіць з яго ў кампаніі* (У. Караткевіч. «Маленькая балерына») [БПНКРЯ]; *– Хто там? Усё ж хтосьці яго ўчуў у цемрадзі – стрымліваючы хваляванне, Азевіч ступіў са два крокі і гэтак жа ціха адказаў: – **Свае**. Можна да вас?* (В. Быкаў. «Сцюжа») [БПНКРЯ]), до неударного *свой, сваі* «со знаком минус» для выражения негативных эмоций говорящего (*Надакучыў ты мне са **сваім** веласіпедам, носішся як апантаны, звоніш* (Л. Арабей. «Маё и тваё»); *– Адразу відно, што рыбакова жонка. Ну, не плач, Настулечка, не плач. Я табе з дружыны, з паходу залаты і срэбны бранзалет прывязу. – Спруцяней ты са **сваімі** бранзалетамі, – пачала хустачкаю выціраць слёзы жонка* (Л. Дайнека. «След ваўкалака») [БПНКРЯ].

Данное наблюдение позволяет сделать предположение о факультативности выражения указания на субъект обладания притяжательными местоимениями в белорусском языке. Это обусловлено отсутствием у притяжательности как маркера категории определенности грамматического статуса. В английском языке эти две категории тесно связаны между собой и требуют обязательного эксплицитного выражения местоименными посессивами, кореферентными лицу субъекта обладания как результат двойного маркирования лица.

Таким образом, притяжательные местоимения в белорусском и в английском языках служат для реализации категории определенности – дейктической категории ориентации на конкретное лицо, его пространство, охватывающее личный и общественный опыт взаимодействия с окружающим миром. Однако в английском языке эта категория получает регулярное, обязательное эксплицитное выражение притяжательными местоимениями в отличие от белорусского языка, где ее актуализация факультативна.

2.1.3. Возвратные местоимения

Белорусское *сябе* (Д. п. – *сабе*) и английские *myself*, *yourself*, *himself*, *herself*, *itself*, *ourselves*, *yourselves*, *themselves* указывают на направленность действия субъекта на самого себя: *Здаецца, надыходзіць твой час, – кажу* ***я сабе*** *ў думках* (В. Быкаў. «Трэцяя ракета») [БПНКРЯ]; *What future?* ***he*** *demanded of* ***himself*** (W. M. Miller, Jr. «A Canticle For Leibowitz») ‘«Какую опасность?» – спрашивал **он себя**’ [АПНКРЯ]. Эта функция основана на рефлексивизации – обращении действия или состояния на самого деятеля или субъекта состояния. В ее основе лежит понятие кореферентности – «отношения между именами-компонентами высказывания, в котором имена ссылаются на один и тот же объект (ситуацию) внеязыковой действительности (референт)» [ЛЭС] и сопредикатности [Падучева 1983, с. 186]. Соответственно, в семантике возвратных местоимений совмещаются набор дейктических признаков коррелятивных личных местоимений и дифференциальный признак глагольной рефлексивизации.

Лицо английских возвратных местоимений полностью совпадает с лицом кореферентного личного местоимения (*I – myself*, *you – yourself*, *he – himself*, *she – herself*, *it – itself*, *we – ourselves*, *you – yourselves*, *they – themselves*). В высказывании лицо субъекта действия обозначается дважды – *двойное дейктическое маркирование лица*. Первый раз личным местоимением, второй раз – возвратным местоимением: *and what does it matter either way, Andrea?* ***I*** *asked* ***myself*** *harshly* (L. Weisberger. «The Devil Wears Prada») ‘– Да и в любом случае, Андреа, какое это имеет значение? **—** резко осадила **я себя**’ [АПНКРЯ]; *What future?* ***he*** *demanded of* ***himself****. There seemed no logical reason to expect trouble* (W. M. Miller, Jr. «A Canticle For Leibowitz») ‘«Какую опасность?» – спрашивал **он себя**. Казалось, не было никакой разумной причины для волнений’ [АПНКРЯ].

В отличие от английского языка белорусскому языку двойное дейктическое маркирование лица субъекта действия не свойственно. Об этом свидетельствует возможность употребления возвратного местомения *сябе* с любым из трех лиц: – *Хаця, заспакойваў* ***я сябе****, да таго патрэбна быць гатовым. Усё ж у гэтых малойчыкаў свае, спэцыфічныя абавязкі, якіх простым людзям ніколі не зразумець* (В. Быкаў. «Пакахай мяне, салдацік») [БПНКРЯ]; *Яраш спытаў у Зосі, як пытаюць усе лекары ў сваіх пацыентаў: – Як мы адчуваем* ***сябе****?* (І. Шамякін. «Сэрца на далоні») [БПНКРЯ]; –

*А **ты сябе** мазала? Давай я цябе… – паварухнуўся Янг* (П. Міško. «Грот афаліны») [БПНКРЯ]; *– Што ж гэта **вы сябе** так забіваеце? – спытаў Чыўін* (У. Караткевіч. «Зброя») [БПНКРЯ]; *– Не, не! – супакойвала **яна сябе**, але праз хвіліну з'явілася новая, яшчэ больш страшная думка* (І. Шамякін. «Глыбокая плынь») [БПНКРЯ]; *Неспакойна ўсё-такі ў здраднікаў на душы, не адчуваюць **яны сябе** гаспадарамі ў горадзе* (І. Шамякін. «Гандлярка і паэт») [БПНКРЯ].

2.2. МИКРОПОЛЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ДЕЙКСИСА

Микрополя пространственного дейксиса (МПД) манифестируют:

1) местонахождение объектов: а) с указанием расстояния (*близко / недалеко / далеко*) и б) без указания расстояния;

2) направление их перемещения (*от перцептора / к перцептору, от / к перцептору*).

МПД представляют наиболее значительную в количественном аспекте (541 белорусских и 407 английских дейктических единиц) и наиболее разнообразную в семантическом отношении группу в сопоставляемых языках.

Ядра данных микрополей конституируются:

а) полными дейктиками: указательными местоимениями (белорус. *гэты*, *той*, англ. *this*, *that*, *these*, *those*) и указательными наречиями (белорус. *тут, там*, англ. *here*, *there*);

Ближнюю периферию составляют полудейктические слова с сочетанием называния и указания в их значении:

а) наречия (белорус. *унізе*, *уверсе*, англ. *above*, *down*, белорус. *туды*, *сюды*, англ. *backwards*, *forwards*);

б) прилагательные (белорус. *правы – левы*, англ. *right – left*);

в) глаголы перемещения (белорус. *прыйсці*, *прыбыць,* англ. *to come, to arrive*) и производные от них существительные (белорус. *прыехаць – прыезд*, англ. *to arrive – arrival*);

г) фразеологизмы (белорус. *там і тут*, *то туды то сюды*, англ. *here and there*, *hither and thither*);

д) словообразовательные средства (белорус. *ад-*, ***ад**плыць*, англ. *-ward*, *for**ward***).

2.2.1. Местонахождение

2.2.1.1. Указательные местоимения

Указательные местоимения (*демонстративы* [Diessel 1999, p. 47], *предметно-выделительные слова* [Алёхина 1982], *местоименные прилагательные* [Янко-Триницкая 1982, с. 70]) являются ядерными маркерами пространственного дейксиса. Эти слова входят в список первых десяти английских слов с пространственной семантикой, усваиваемых детьми прежде, чем они начинают продуцировать простые предложения [Clark 1978, p. 95].

В системах указательных местоимений языков мира точкой отсчета, как правило, выступает говорящий и расстояние от него до объекта указания [Lyons 1999, p. 108]. Однако существуют языки, в которых дейктические оппозиции могут строиться на параметре «видимости / невидимости референта, его размещении выше / ниже говорящего, ближе к реке / дальше от реки» и т.п. [Diessel 1999]. Подобные сложные дейктические системы свойственны конкретному мышлению. Однако в результате длительного процесса упрощения и абстрагирования языка, расширения понятия указательности, появления других способов выделения предметов окружающей действительности эти сложные системы превращаются в более простые четырехчленные, трехчленные, а позже двухчленные системы с оппозицией по близости / дальности относительно говорящего, выступающего точкой отсчета [Бердник 2009] в сопоставляемых языках: белорус. *гэты, гэтакі*, англ. *this* ‘это’, *these* ‘эти’ и белорус. *той*, *тыя*, англ. *that* ‘то’, *those* ‘те’.

Традиционно данные местоимения осуществляют прямое указание на объект или явление в канонической речевой ситуации. Они выполняют *экзофорическую* функцию: выделяют объект из окружающей среды и фокусируют на нем внимание собеседника. В данном типе ситуаций говорящий сопровождает свое указание невербальными проксемическими (жесты, направление взгляда) или кинетическими (приближение говорящего к предмету) знаками [Diessel 1999, p. 94]: *– Падпалкоўнік махае рукой па дарозе. – Дык так: старшы вось* ***гэты*** *капітан, –* ***ківае*** *ён* ***на*** *Сахно* (В. Быкаў. «Мёртвым не баліць») [БПНКРЯ]; «*Look», he* [Ignosi] *said; «what is* ***this****?» and he* ***pointed to*** *the picture of a great snake tattooed in blue round his middle* (H. R. Haggard. «King Solomon’s Mines») ‘– Смотри, – сказал он [Игнози]. – Знаешь ли ты, что **это** такое? – И **указал** на знак Великой Змеи, вытатуированный синей краской на его теле’ [АПНКРЯ].

Однако указательный жест возможен только в случаях соотнесения указательных местоимений с конкретными объектами: например, *гэты будынак*, *гэта кніга*, *this house*, *this book.* При указании на речемыслительные процессы и абстрактные субстанции подкрепление сказанного жестом не допускается по причине невозможности воспринимать их визуально, а только аудиально или ментально (*гэта пытанне*, *this question*, *гэта пачуццё*, *this feeling*). В подобных ситуациях указательные местоимения служат для соотнесения объекта с центром высказывания, сигнализируют о его включении в личную сферу перцептора: *З некаторага часу мяне цікавіць* ***гэта*** *пытанне* (Я. Колас. «У палескай глушы») [БПНКРЯ]; *And may I ask why you came to me with* ***this question****?* (E. S. Gardner. «The Case of the Blonde Bonanza») ‘– Я могу поинтересоваться, почему Вы обратились ко мне с **этим** вопросом?’ [АПНКРЯ].

В экзофорической функции выбор демонстратива обусловлен:

1) границами зрительного поля перцептора. Человек воспринимает информацию зрительным, слуховым, тактильным, вкусовым и обонятельным анализаторами. Общеизвестно, что каноническое положение наблюдателя

в пространстве – это его положение стоя, а основным каналом получения информации об окружающем мире является зрение. Говорящий использует указательные местоимения, чтобы ввести объект в общее поле зрения других участников. Следовательно, дейктический центр – это горизонтальная линия на уровне глаз говорящего: объекты, находящиеся на этой линии, категоризуются как близко расположенные к коммуникантам и обозначаются проксимальными демонстративами *гэты, гэтыя* и *this, these*: *– Ты паглядзі на* ***гэтыя*** *сосны!* (І. Шамякін. «Сэрца на далоні») [БПНКРЯ]; *Look at* ***this*** *beige coat* (L. Snicket. «The Carnivorous Carnival») '– Посмотрите на **это** бежевое пальто' [АПНКРЯ]. Объекты выше, ниже этой линии или за спиной перцептора категоризуются как находящиеся на расстоянии и обозначаются дистальными демонстративами *той, тыя, that, those*: *За кармой шыпіць і пеніцца вада. А там на носе…. Паглядзі, бачыш* ***тую*** *зорку ў вадзе?* [«У нашых сэрцах – памяць аб кожным чацвёртым»]; – *Look at* ***those*** *stars!* (I. Asimov. «The Gods Themselves») '– Взгляните-ка на **те** звезды' [АПНКРЯ].

В английском языке демонстративы *this*, *these* могут обозначать приближающийся к говорящему объект, *that*, *those* – удаляющийся от него. Например, как в одном из самых лаконичных анекдотов, популярном в 50-е гг. XX в., о шуточном репортаже с авторалли, в котором приближение гонщика к спортивному комментатору обозначается *this* 'этот', его удаление – *that* 'тот': *Ladies and gentlemen*, ***this*** *is Stirling Moss,* ***that*** *was* 'Дамы и господа, к нам приближается Стирлинг Мосс… и вот его уже нет' [Translating demonstrative pronouns].

Как правило, расстояние определяется говорящим визуально. Тем не менее объекты вне поля зрения коммуникантов могут восприниматься ими другими сенсорными каналами, например, обонянием. Использование данного анализатора обусловливает исключение объекта из личной сферы говорящего и его маркирование указательным местоимением *that*: *What is* ***that*** *smell?* (W. Groom. «Forrest Gump») '– Чем **это** воняет?' [АПНКРЯ]; *What is* ***that*** *smell, do you know?* 'Что **это** за запах, вы не знаете?' [RiversoContext]; *And* ***that*** *smell, you recognise* ***that*** *smell?* 'И **этот** запах, ты узнаешь **этот** запах?' [RiversoContext]. В белорусском языке невидимый объект и его запах включаются говорящим в личную сферу и обозначаются местоимением *гэта*: *Валерык пацягнуў носам. – А што* ***гэта*** *так пахне, дзядуля?* (П. Ліпка. «Рунец»);

2) степенью выделенности объектов и их однородностью. Нахождение в общем поле зрения нескольких объектов разных категорий с максимальной степенью выделенности налагает запрет на использование указательных местоимений в сопоставляемых языках: *Жылі сабе мужчына і жанчына. Мужчына быў дужым і высакародным, а жанчына – прыгожай і добрай* [Маленькі блоХ: «395 знакаў пра каханне, не лічыўшы прабелаў»]. В английском языке в таких случаях используется определенный артикль *the*: *They have two children: ...a boy and ... a girl.* ***The*** *boy is ten,* ***the*** *girl is only three* 'У них двое детей: ... мальчик и ... девочка. Мальчику – десять лет, девочке – три';

3) единством пространства отправителя сообщения и адресата, что, по мнению Дж. Лайонза, является обязательным признаком канонической речевой ситуации. Однако в телефонном разговоре это условие не соблюдается [Lyons 1995, p. 275]. В английском языке такое несовпадение выражается эксплицитно: пространство отправителя сообщения обозначается местоимением *this*, пространство слушающего на другом конце провода – *that*: *Hello, **this** is Clair. Who is **that** speaking? Is **that** Mike?* '– Алло, Клер слушает. Кто **это**? **Это** Майк?'. Телефонной коммуникации на белорусском языке свойственно сохранение общности пространств адресанта и адресата. Об этом свидетельствует обозначение личной сферы получателя сообщения на другом конце провода указательным местоимением *гэта*: *Наглядчыца? **Гэта** ты, Караліна? Слухай мяне ўважліва, дарагая* [«Ён прыходзіў з дажджом»].

Результаты сопоставительного анализа демонстративов разноструктурных языков Х. Дисселя показывают, что экзофорическая ситуация – не единственный случай употребления указательных местоимений [Diessel 1999]. Наряду с экзофорическим (собственно-дейктическим) типом ситуации автор говорит о *дискурсивно-дейктическом* и *распознавательном* типах. Рассмотрим факторы, оказывающие влияние на выбор демонстративов в данных типах ситуаций в белорусском и английском языках.

Указательные местоимения в дискурсивно-дейктическом типе ситуации показывают связь между двумя высказываниями и соотносятся с целой пропозицией, поэтому их подкрепление жестом невозможно: *Загорскі абвёў вачыма вязняў і ўбачыў, што Андрэя між іх не было. І **гэта** было добра. Значыцца, яго ўжо ўмыкнулі хлопцы* (У. Караткевіч. «Зброя») [БПНКРЯ]; *У руцэ ён трымаў трыста баксаў, **тое** было для яго багацце* (В. Быкаў. «Афганец») [БПНКРЯ]; «*If I had brains I wouldn't be here» Bonello said. «**That**'s pretty good, Tenente», Aymo said* (E. Hemingway. «Farewell to Arms») 'Был бы я умный, не был бы здесь, – сказал Бонелло. А ведь неплохо сказано, tenente, – заявил Аймо' [АПНКРЯ].

В дискурсивно-дейктическом типе ситуаций фактором, оказывающим влияние на выбор демонстратива, является источник информации, в качестве которого может выступать говорящий, адресат или третье лицо. Например, в следующем контексте говорящий, ссылаясь на сведения, предоставленные собеседнику третьими лицами, использует демонстратив *that*: *– You mean you'd rather go to New York and live among Yankees than come to Atlanta? – Who told you **that***? '– Вы хотите сказать, что скорее поедете в Нью-Йорк и будете жить среди янки, только не в Атланте? – Кто Вам **это** сказал?' [АПНКРЯ]. В следующем примере говорящий сам является источником сообщения и, информируя собеседника, употребляет указательное местоимение *this*: *– Listen to **this**. On Auction Day, when the sun goes down, Gunther will sneak us out of town* (L. Snicket. «The Erzatz Elevator») '– **Послушайте**, – сказала он. – В день аукциона, после захода солнца, нас Гюнтер тайком увезет отсюда' [АПНКРЯ]. Полагается, что данная особенность обусловлена личностно-

ориентированным аспектом указательных местоимений: прагматически демонстративы *this / these* включают референт в личную сферу говорящего и представляют его как источник информации. Дистальные демонстративы *that / those* указывают на принадлежность данных сведений адресату или третьему лицу, которые не присваиваются говорящим и не включаются в его личную сферу. В белорусском языке параметр источника информации для дифференциации употребления местоимений *гэта, тое* в дискурсивно-дейктическом типе ситуации нерелевантен: – *Я ведала. – Хто табе* ***гэта*** *сказаў? – аслупянела спытаўся ён* (Ж. П. Сартр. «Пакой»).

Когда говорящий сомневается в достаточной идентифицируемости референта для адресата, указательные местоимения в сопоставляемых языках выполняют распознавательную функцию: – *Камандзір атрада? Ну,* ***гэты****... Дубавы. – Дубавы? – чамусьці здзівіўся следчы, і Рыбак працягла паглядзеў у яго вочы* (В. Быкаў. «Сотнікаў») [БПНКРЯ]; – *Скажы-тка мне, а* ***гэта****, ці жывая, ці не, што каля Сёмкі Парашчынага хата стаяла? Ну, як яе?* (І. Чыгрынаў. «У ціхім тумане») [БПНКРЯ]; *He's got* ***this****... sort of automatic defense, hasn't he?..* 'У него есть **эта**… автоматическая защита, что ли, так?' (T. Pratchett. «Good Omens»). В основе распознавательной функции демонстративов лежит наличие общего пресуппозиционного фонда (Common Ground) – предварительных знаний о референте у собеседников. Этот фактор оказывает влияние на выбор между указательными местоимениями *гэты, гэтыя*, *this*, *these* и дистальными *той*, *тыя*, *that*, *those*. Наличие общих знаний о референте уменьшает умозрительное или физическое расстояние собеседников до объекта указания и обусловливает употребление носителями сопоставляемых языков указательных местоимений *гэта/гэтыя, this/these: Мы малявалі на зямлі палкамі, на шпалерах самапіскай і фарбай – на аркушах белай паперы. Памятаеце, як* ***гэты*** *працэс захапляў?* [Дзіцячыя творчыя майстэрні]; *Tom took something out of his pocket. «Do you remember* ***this****?» said he. Becky almost smiled. «It's our wedding-cake, Tom* (M. Twain. «The Adventures of Tom Sawyer») 'Том достал что-то из кармана. – Помнишь **это**? – спросил он. – Это наш свадебный пирог, Том' [АПНКРЯ]. Отсутствие общего пресуппозиционного фонда или отдаленность совместного опыта во времени и пространстве обусловливают употребление указательных местоимений *той*, *тыя* и *that*, *those*: – *Памятаеш* ***тую*** *італьянку? Што папрасіла была пранесці сабачку? – Ну. – Дык от з таго часу і забаўляюся з ім* (П. Місько. «Грот афаліны») [БПНКРЯ]; *Do ye mind of* ***that****? – the night Red Colin fell, it was* (R. L. Stevenson. «Catriona») 'Ты помнишь тот случай?' [АПНКРЯ].

Когда говорящий не уверен в достаточной идентифицированности референта для адресата по причине отсутствия у него релевантных знаний, демонстративы упрощают распознавание соответствующего референта при помощи разговорных формулировок (*try-marking*), например, фраз *you know / remember?* 'ты знаешь / помнишь?' [Sacks & Schegloff 1979]: – *Ліні? – Ага,*

Піліп Ліні, мастак ***гэты – ну, памятаеш****, ты мне альбом ягоны прынёс?* [П. Ліпень. «Рабаваньне па-беларуску»]; *You see, I was going to bring* ***this, sort of****, date with me* (H. Fielding. «Bridget Jones's Diary») 'Понимаешь, я собирался взять с собой… **ну**, **это**, что-то вроде подружки' [АПНКРЯ]); – *You* ***know this*** *here preacher, don't you, Muley*? Rev. Casy (J. Steinbeck. «The Grapes of Wrath») 'Мьюли, **это**, а нашего проповедника ты узнал? Его преподобие Кэйси' [АПНКРЯ].

Важно отметить, что в распознавательном типе ситуации указательные местоимения актуализируют не только степень известности информации коммуникантам, но и их отношение к ней. Действительно, эмоциональная позиция говорящего оказывает непосредственное влияние на выбор дейктического слова. Употребление проксимальных демонстративов *this*, *these* свидетельствует об общности взглядов собеседников и сигнализирует о пересечении их личных сфер: «*I wish we could stay here», she said, looking down at the windy, twilit valley between the hills. «I like* ***this*** *place.* ***This*** *is a good place», he agreed* (U. Le Guin. «The Tombs of Atuan») '– Как бы мне хотелось остаться здесь, – сказала она, глядя на ветреную сумеречную долину, укрывшуюся меж высоких гор. – Мне нравится **это** место. – Да, **это** местечко неплохое, – согласился Гед' [АПНКРЯ]. Употребление дистальных демонстративов *той*, *тыя* и *that*, *those* говорит о взаимном отчуждении, враждебности, недоверии собеседников друг к другу и свидетельствует о непересечении их личных пространств: – *Асцярожней, хлопцы,* ***той*** *тып небяспечны, – на хаду папярэдзіў адзін дружыннік* (Т. Хадкевіч) [ТСБМ]; *«Another, a small, sharp-nosed, sharp-chinned commercial man of some kind, he immediately disliked. I hope I don't have to have* ***that*** *man on my jury», he said to Steger, quietly* (T. Dreiser. «The Financier») 'Другого, по-видимому, торговца, низкорослого, с тонким носом и острым подбородком, Каупервуд почему-то сразу невзлюбил. – Надеюсь, не обязательно, чтобы **тот** тип вошел в состав присяжных? – тихо спросил он Стеджера' [АПНКРЯ]. В данных контекстах говорящие не испытывают симпатию к человеку, выступающему предметом речи, поэтому они исключают референт *тып* и *man* 'человек' демонстративами *той* и *that* из своего личного пространства. В подобных контекстах понятие физической дистанции получает метафорическое расширение и приобретает значение 'эмоциональная отдаленность'.

Широкая семантика белорусского указательного местоимения *гэта* обусловливает появление у него пейоративно-дистанцирующего значения для передачи психологической отстраненности говорящего (*– Ён і цяпер піша? – Хто? – праслухаў Коля. – Ну,* ***гэты*** *твой... Макс Мілер?* [М. Адам. «Мястэчка»] и эвфемизации понятий из сферы интимной жизни (*Часам бацькі ў імкненні выхаваць дзяцей, лепшых за іх саміх, нават не дапускаюць са сваімі дзецьмі размовы пра сексуальныя адносіны. І тым больш недапушчальным лічаць, калі з іх дзецьмі «пра* ***гэта»*** *будзе гаварыць нехта іншы* («Настаўн. газ.»).

В системе указательных местоимений белорусского языка в отличие от английского языка много вариантов и дублетов, что внутренне связано со склонностью дейктических слов к выражению дополнительных экспрессивных оттенков. Так, местоимения *гэта*, *тая* женского рода в творительном падеже единственного числа имеют краткую (*гэтай*, *той*) и полную (*гэтаю, тою*) формы. Краткая форма характерна для литературного языка всех стилей: *Над* ***гэтай*** *версіяй Litesound працаваў сумесна з еўрапейскім прадзюсарам Дзімітрасам Кантаполусам па запрашэнні Белтэлерадыёкампаніі ў студыі гуказапісу Беларускага радыё* («БелаПАН») [БПНКРЯ]; *Назва оперы па-італьянску заставалася* ***той*** *самай* (*усё адно Іван не разбярэцца*), *а на расейскую мову перакладалася зусім іначай* (У. Караткевіч. «Зброя») [БПНКРЯ].

Полная форма преимущественно употребляется в произведениях художественной литературы и передает характеристики устной речи: – *Мы маглі б і пры беразе* ***гэтаю*** *самаю заслонаю з пухіркоў адгарадзіць загон, і хай бы плавалі* (П. Місько. «Грот афаліны») [БПНКРЯ]; – *А ўсё-такі давай, браце, замяцём свае сляды, і звернем з гэтай дарогі, і пойдзем унь* ***тою*** *сляпою сцежкаю, абагнем вёсачку і выйдзем на свой шлях з другога боку* (Я. Колас. «На ростанях») [БПНКРЯ].

В художественной литературе вместо женского рода *гэта* в винительном падеже единственного числа употребляется формы *гэтакая* і *гэткая. Гэтакая* не является литературной нормой: – *Ціпун табе на язык, балбатуха ты* ***гэтакая****!* (І. Шамякін. «Глыбокая плынь») [БПНКРЯ]. Краткая форма *гэткая* характерна для разговорной речи: *Адным словам, як сторублёвая кабыла.* ***Гэткая*** *– дыхт для мяне жонка!* (Я. Купала. «Паўлінка») [БПНКРЯ].

Местоимение *гэтакі* мужского рода в именительном и винительном падежах единственного числа употребляется в двух вариантах: *гэтакі* і *гэткі*. Первая форма характерна для литературного языка: *Радж знарок прапанаваў* ***гэтакі*** *маршрут, хоць па набярэжнай было б хутчэй* (П. Місько. «Грот афаліны») [БПНКРЯ]; другая – для разговорного стиля: *Чаму менавіта яго напаткаў* ***гэткі*** *нялюдскі лёс?* (В. Быкаў. «У тумане») [БПНКРЯ].

Таким образом, употребление белорусских и английских указательных местоимений зависит от типа ситуации. В экзофорическом типе ситуации выбор указательного местоимения обусловлен материальностью и выделенностью объекта указания, физическим расстоянием до него и способностью перцептора воспринимать его визуально. В распознавательном типе ситуации выбор между проксимальными и дистальными указательными местоимениями определяется общим пресуппозиционным фондом знаний коммуникантов и их эмоциональным состоянием. В *дискурсивно-дейктическом* типе ситуации выбор английского детерминатива зависит от коммуникативного статуса источника информации в отличие от белорусского языка, характеризующегося наличием стилистических вариантов указательных местоимений.

2.2.1.2. Указательные частицы

Ядерными актуализаторами пространственного дейксиса в белорусском языке выступают указательные частицы *вунь* (*унь*) – *во* – *вось* (*вот*, *от*, *ось*) – *гэта.* Эти лексемы – прототипические маркеры пространственного дейксиса.

Вось (*ось*, *от*, *вот, во*), *гэта* указывают на нахождение в пространстве перцептора, *вунь* (*унь*) – за пределами этой сферы. Данные лексемы включают отсылку к указательным жестам, и, следовательно, предполагают каноническую ситуацию в полном смысле этого слова, когда говорящий и слушающий видят друг друга. В английском языке по причине отсутствия указательных частиц эту функцию выполняют указательные местоимения *this*, *that*, *these*, *those.*

Прототипическая ситуация указания – это одновременное произношение дейктического слова и подкрепление его остенсивным жестом*: На вуліцы яго пазнавалі, **паказвалі пальцам** услед*: *«**Вунь** пайшоў брат Філарэта»* (В. Чаропка. «Перамога ценю») [БПНКРЯ]. Обычно такое указание оформляется особым типом синтаксических конструкций – указательными номинативными предложениями, которые «не только утверждают существование в действительности предметов или лиц», но и демонстрируют их пребывание «в непосредственной близости или удаленности от наблюдателя» [Гаўрош 2014, с. 56]: – ***Вось** мая зброя, ваявода* (Л. Дайнека. «След ваўкалака») [БПНКРЯ]; *– А **вунь** мая дружына, – усміхнуўся я, паказваючы на Рамана, які сядзеў пад сасною, сціскаючы ў руцэ меч, апусціўшы галаву на калені* (Л. Дайнека. «След ваўкалака») [БПНКРЯ]. В английском языке этому типу предложений соответствуют экзистенциальные конструкции с указательными наречиями *here / there* + существительное / личное местоимение + *to be* (*«Hey, **here's** our girlie» said Pedro as a few Clackers peered over at us* (L. Weisberger. «The Devil Wears Prada») '– А **вот** и наша девочка, – сказал Педро, и несколько трещоток уставились на нас' (E. Hemingway. «For Whom The Bell Tolls») [АПНКРЯ]; *I even yelled 1 time at the prison: «**There I am! There I am!**»* (K. Vonnegut. «Hocus Pocus») 'Я даже один раз закричал на всю тюрьму: – **Вон он я**! **Вон он я!**' [АПНКРЯ]) или конструкции с демонстративами *this / those / that / those* + *to be* (***That**'s Peter there* (D. Brown. «The Da Vinci Code») '– **Вот он**, Петр' [АПНКРЯ]).

Вось (*ось, от, вот*), *во* употребляются для указания на то, что находится или происходит в непосредственной близости перед глазами или в сознании перцептора: *І **вось** бінт, новенькі, для перавязкі* (В. Быкаў. «Трэцяя ракета») [БПНКРЯ]; *Даніла няпэўна тыцнуў рукой у цемру. – **Ось** бытта туды, як па рове. Трошкі, можа, лявей* (В. Быкаў. «Круглянскі мост») [БПНКРЯ]. В английском языке это значение передается конструкцией *here* + *to be:* «*Chabo **here's** a long razor …*» (L. Snicket. «The Carnivorous Carnival») '– Чабо, **вот** тебе опасная бритва' [АПНКРЯ]. По мнению А. Е. Гришиной, этот тип высказываний содержит «двойное указание»: *вось* (*ось*, *от*, *вот*) (внутренний дейксис в пределах данной фразы) + указательное местоимение

гэта (внешний дейксис за пределами высказывания). Указательные местоимения усиливают дейктическое значение частиц, фразовое ударение падает на местоимение или наречие (внешний дейксис), а сама указательная частица (внутренний дейксис) произносится без ударения [Гришина 2008, с. 67]: *Усё жыве. І* ***вось гэта*** *яблынька, і мурашкі, і стракозы, і ручай, што ў асінніку цячэ* (Л. Дайнека. «След ваўкалака») [АПНКРЯ]. Именно поэтому «поддержка дейктического компонента внешнего дейксиса с помощью дополнительного внутреннего дейксиса, выраженного указательными частицами, как бы "удваивает" дейктический потенциал всей конструкции и тем самым усиливает его» [Гришина 2008, с. 67].

Внешние дейксисы с указательной частицей *вось* включают два важных смысловых компонента: собственно указание (указательный речевой жест) и определенный тип указания. Указание может быть четырех типов [Гришина 2008, с. 66]:

1) идентификационное (ответ на вопрос «кто?», «что?» в именительном и косвенном падежах): *Бяры* ***вось гэты*** *хатуль і ідзі за мной* (Л. Дайнека. «След ваўкалака») [БПНКРЯ]. В английском языке это значение передается демонстративом *this*: *Take* ***this*** (J. K. Rowling. «Harry Potter and the Sorcerer's Stone») 'Возьми **вот это**' [АПНКРЯ];

2) квалификационное («как?», «какой?»): ***Вось якая*** *гісторыя гэтага малюнка…* (М. Лынькоў. «Міколка-паравоз») [БПНКРЯ]. В английском языке это значение передается демонстративом *that* или конструкцией *here + to be*: ***That's*** *exactly the kind of a guy he was* (J. D. Salinger. «The Catcher in the Rye») '**Вот какой** гад' [АПНКРЯ]; «*Look» I said. «****Here's*** *my idea. How would you like to get the hell out of here?»* (J. D. Salinger. «The Catcher in the Rye») '– Слушай! – говорю. – **Вот какая** у меня мысль. Хочешь удрать отсюда ко всем чертям?' [АПНКРЯ];

3) пространственно-временное («где?», «куда?», «когда?»): – ***Вось калі*** *дзікун паказаў свой сапраўдны твар!* (Я. Маўр. «Сын вады») [БПНКРЯ]; – ***Вось дзе*** *знайшоў смерць, сабака! – злосна і радасна сказаў Хунь-чжы і штурхануў труп нагою* (Я. Маўр. «У краіне райскай птушкі») [БПНКРЯ]. В английском языке это значение передается эмфатической конструкцией *this + to be + when / where*: ***This is when*** *it happened. Luzhin looked around and held out his cane* (V. Nabokov. «Defence») '**Тут-то и** произошло. Лужин огляделся и протянул трость' [АПНКРЯ]; *«My dear,* ***this is where*** *the Atbash Cipher comes into play»* (D. Brown. «The Da Vinci Code») '– Вот **тут-то,** моя дорогая, нам и пригодится код этбаш' [АПНКРЯ];

4) импликатурное («почему?»): ***Вось чаму*** *я павінен падазраваць, бо я – вочы і вушы абшчыны* (Л. Дайнека. «След ваўкалака») [БПНКРЯ]. В английском языке это значение передается эмфатической конструкцией *this + to be + why:* ***This is why*** *I am saying, 'Go away' I have nothing to tell you people* (M. Connelly. «City Of Bones») '– **Вот почему** я говорю: «Убирайтесь». Мне вам нечего сказать' [АПНКРЯ].

Если говорящий считает, что способ осуществления адресатом действия противоречит его точке зрения, указательная частица *вось* выступает как контрастивный демонстратив [Гришина 2008, с. 69] и позволяет субъекту речи указать адресату на правильный способ выполнения действия в рамках:

1) качества действия: *Хто старое памяне, таму вока вон,* ***вось як*** *трэба правільна* (І. Чыгрынаў. «Апраўданне крыві») [БПНКРЯ]. В английском языке это значение передается эмфатической конструкцией *that + to be + the way* (*how*) *+ infinitive: Already thou seems beautiful and more. –* ***That's the way*** *to talk, – the woman said* (E. Hemingway. «For Whom The Bell Tolls») '– Ты и так красивая, и не только красивая. – **Вот как надо** говорить, – сказала женщина' [АПНКРЯ];

2) точности идентификации: *І да народа: –* ***Вось хто*** *дзяцей вашых абжырае, глядзіце, якія морды наелі!* (У. Някляеў. «Лабух») [БПНКРЯ]. В английском языке это значение предается эмфатической конструкцией *this + to be + the*: *So* ***this is*** *the thief!* (J. R. R. Tolkien. «The Lord of the Rings: The Two Towers») '– Значит, **вот кто** вор! – сказал Гэндальф' [АПНКРЯ];

3) пространственно-временных координат: ***Вось дзе*** *ад даждж у добра хавацца, – сказаў Васілёк, паказаўшы на магутную старую яліну* (В. Зуб. «Таямнічы надпіс») [БПНКРЯ]; ***Вось калі*** *трэба было задумацца: на што яшчэ насмеліцца князь Якаў-Ягайла, калі роднага брата выбівае з Полацкага ўдзела?* (К. Тарасаў. «Пагоня на Грунвальд») [БПНКРЯ]. В английском языке это значение передается эмфатической конструкцией *that + to be + when / where*: *Yes,* ***that's when*** *it was scheduled to arrive, but you see* (L. Weisberger. «The Devil Wears Prada») '– Да, **вот когда** самолет должен был приземлиться, но, видите ли…' [АПНКРЯ]; *I think the kid was alive when he got up there.* ***That's where*** *he was killed* (M. Connelly. «City Of Bones») '– Я полагаю, мальчик сам поднялся туда. И **вот где** был убит' [АПНКРЯ];

4) причинно-следственных связей: ***Вось чаму****, як толькі пагрузімся па шыю, абціснемся харашэнька, каб не было пад касцюмам паветра, – лягчэй будзе апускацца і менш наробіцца складак* (П. Місько. «Грот афаліны») [БПНКРЯ]. В английском языке это значение передается эмфатической конструкцией *that's why: You wanted to make use of us,* ***that's why*** *you rescued us* (C. S. Lewis. «The Chronicles of Narnia. The Last Battle») '– Вы хотели использовать нас. **Вот почему** вы нас освободили' [АПНКРЯ].

Если говорящему необходимо привлечь внимание адресата к важной с его точки зрения информации, указательная частица *вось* выполняет интродуктивную функцию – вводит эту информацию с ударением на слове *вось*: *– Дык* ***вось*** *што я табе скажу! – гучаў быццам здалёк голас Шыковіча* (І. Шамякін. «Сэрца на далоні») [БПНКРЯ]. По причине своей частотности эта фраза сокращается в устной речи до словосочетания *дык вось што*, *вось што*: *І* ***вось што*** [я табе скажу]: *давай і тваю майку, наверсе і ў трусіках перабудзеш, а там – холадна… – паказаў Янг на возера* (П. Місько. «Грот афаліны») [БПНКРЯ]; – ***Дык вось*** [што я табе скажу], *наш базілеўс гэтаму*

князю замест вады даўно наліў бы ў кубак адвар цыкуты, і князя б не было (Л. Дайнека. «След ваўкалака») [БПНКРЯ]. В английском языке это значение передается глаголом *to listen* и указательным местоимением *this*: *Now,* ***listen to this****, Beeblebrox, and you better listen good!* (D. Adams. «The Hitchhiker's Guide to the Galaxy») '– Теперь **слушай**, Библброкс, и слушай внимательно!' [АПНКРЯ].

Частица *во* употребляется, когда субъекту речи необходимо показать на что-то и обратить на это внимание адресата*: – А то ня бачыце?* ***Во*** *буржуй гэты! Толькі за борт трымаецца* (В. Быкаў. «Жоўты пясочак») [БПНКРЯ]. При явной синонимии лексемы *во* и *вось* имеют свои особенности семантики и функционирования в отношении перцепции говорящего и адресата. *Во* обозначает появление нового объекта или лица в поле зрительного восприятия субъекта речи: *– Хутар, кажу!* ***Во****, направа!.. Я зразумеў: да Мокрага яшчэ далёка, трэба зайсці сюды* (Я. Брыль. «Апоўначы») [БПНКРЯ]. Эта частица определяется:

1) реальностью, наглядностью указания: *А* ***во*** *і* ***бляшанка*** *– ваду будзе добра выліваць…* (П. Місько. «Грот афаліны») [БПНКРЯ]. В английском языке это значение передается конструкцией *here + to be: Oh,* ***here's*** *the turn for Rarely Ridden Road. We're almost there* (L. Snicket. «The Carnivorous Carnival») '–А-а, **вот и** поворот на Малоезженную дорогу. Мы почти доехали' [АПНКРЯ];

2) синхронностью с моментом произнесения высказывания, когда ситуация или событие как объект указания не могут быть отнесены к будущему: *Чакай ты… – Ды* ***во*** *ён…* ***Ляжыць****!* (В. Быкаў. «У тумане») [БПНКРЯ]. В английском языке в этом значении выступает конструкция *here + личное местоимение + be* или *that + be + существительное / личное местоимение*: *Well,* ***here it is****. And here he reached into his pocket and drew forth the small card taken from the toilet set and waved it under Clyde's nose* (T. Dreiser. «An American Tragedy») '– Ну, так **вот она**! – И Мейсон вытащил из кармана карточку и махнул ею перед самым носом Клайда' [АПНКРЯ]; ***That is*** *her shadow on the blind* (G. K. Chesterton. «The Innocence of Father Brown») [АПНКРЯ] '**Вот** ее тень на гардине, – показал доктор'.

Частице *вось* в сопоставлении с лексемой *во* свойственны:

1) широкая семантика, которая позволяет осуществлять указание не только на материальные объекты (***Вось*** *і дом іхны, і сенажатка, і сад…* (М. Гарэцкі. «На імперыялістычнай вайне») [БПНКРЯ]), но и на абстрактные, ментальные сущности (*А можа, Валін жаніх не спадабаўся таму, што апанавала яе ў той дзень* ***вось*** *гэтая дзіўная незразумелая* ***туга****?* (І. Шамякін. «Вазьму твой боль») [БПНКРЯ]);

2) способность к визуализации: любой отдаленный во времени объект все равно представляется реальным, как бы расположенным перед глазами перцептора: *«Дык* ***вось*** *хто тут* ***жыў****, сам Васіль Баравы!»* (В. Зуб. «Таямнічы надпіс») [БПНКРЯ].

Очевидно, что указательная частица *вось* имеет более широкий диапазон указания по сравнению с частицей *во*. Об этом свидетельствует и высокая частотность лексемы *вось*: в БПНКРЯ объемом 6 839 353 слов было выявлено 5187 контекстов с этой лексемой.

Частицы *вот* и *от* малоупотребительные в современном белорусском языке. В БПНКРЯ было обнаружено только 5 контекстов с частицей *вот*, где она теряет свою функцию указания и выступает как маркер градуальной оценки (***Вот*** *гора дык гора для бацькоў…* (Г. Далідовіч. «Страта») [БПНКРЯ]), и 27 контекстов с частицей *от*, которая встречается в произведениях XIX в., употребляется в разговорном языке и выполняет функцию акцентуации или интенсификации: ***От*** *гэта так справядлівасць! – но што ж, калі Маскаль спыніў Маніхвэст Касцюшкі, каб не пабунтаваў усіх мужыкоў* (К. Каліноўскі. «Мужыцкая праўда») [БПНКРЯ]; *Ты* ***от*** *кажаш – той, хто любіў савецкую ўладу, не застанецца* (І. Чыгрынаў. «Плач перапёлкі») [БПНКРЯ].

Частица *гэта* употребляется для указания на лицо, объект или событие: *–* ***Гэта*** *мой Стасік, – з гонарам сказаў дзед Мультан* (У. Караткевіч. «Чорны замак Альшанскі») [БПНКРЯ]; *–* ***Гэта*** *мая хата, – панура і праз зубы абазваўся Крамарэвіч* (К. Чорны. «Заўтрашні дзень») [БПНКРЯ]; *Можа ён праўда не разумее, якая* ***гэта*** *важная падзея для яе, маці, – замуства дачкі?* (І. Шамякін. «Вазьму твой боль») [БПНКРЯ]. Т. Н. Николаева при анализе прагматического потенциала указательных частиц русского языка приходит к выводу, что частицы *вот* и *вон* ближе к номинальному, неиндивидуализированному имени. *Это*, наоборот, ближе к индивидуализированным именам – личным местоимениям и именам собственным [Николаева 2000, с. 324]. Подобная тенденция к индивидуализации объекта указания характерна для белорусской частицы *гэта* и английского указательного местоимения *this*: *А* ***гэта*** *мой брат, – паказала яна на чыгуначніка, Павел Восіпавіч* (І. Шамякін. «Гандлярка і паэт») [БПНКРЯ]; *– Адчыняйце!* ***Гэта я****, – адказаў Гвай* (Л. Дайнека. «След ваўкалака») [БПНКРЯ]; *This is my friend Sophie Neveu* (D. Brown. «The Da Vinci Code») ‘А это мой друг, Софи Неве’ [АПНКРЯ].

Частица *вон* (*вунь*) указывает на объект, который находится на определенном расстоянии от перцептора, не включается в его поле восприятия и находится за пределами его личной сферы: *–* ***Вунь*** *за хлевам ляжыць. Закапаць трэба…* (В. Быкаў. «Ваўчыная яма») [БПНКРЯ]. Однако в отличие от частицы *вон,* единицы *вунь* (*унь*) указывают на материальные объекты, которые существуют здесь и сейчас: *–* ***Унь*** *там, злева, за заставай яна* ***ляжыць*** (У. Караткевіч. «Зброя») [БПНКРЯ]. В английском языке этим частицам соответствует сочетание наречий *over* и *there* ‘там’: *«They’re* ***over there****.» She pointed behind her desk to a smaller mountain of boxes and bags and baskets in a multitude of colors* (L. Weisberger. «The Devil Wears Prada») ‘Они **вон там**, – указала она на разноцветную гору коробок, сумок и корзинок за ее столом’ [АПНКРЯ].

Таким образом, указательные частицы белорусского языка образуют свою собственную дейктическую систему: появляясь за пределами зрительной перцепции (*вунь*, *унь*), объект попадает в поле зрения говорящего (*во*), который вводит этот объект в свою личную сферу через указание (*вось*, *ось*, *от*) и фиксирует на нем внимание адресата (*гэта*): *вунь* (*унь*) → *вось* (*вот*, *ось*, *от*) → *гэта.*

2.2.1.3. Наречия и прилагательные

Дейктические наречия и прилагательные осуществляют указание на местоположение объекта (статика) и его перемещение (динамика). Их можно разделить на две группы:

1) наречия и прилагательные с объективной ориентацией, указывающие на локализацию объекта без расстояния до него (наречия: белорус. *абапал*, *вакол*, *візаві*, *зверху*, *звонку*, *ззаду*, *злева*, *знізу*, *знутры*, *кругом*, *налева*, *міма*, *набак*, *навакол*, *навакола*, *наверсе*, *навідавоку*, *навокал*, *навокала*, *налева*, *напарадзе*, *наўкруг*, *наўкол*, *напроці*, *насупроць*, *наўздоўж*, *наўкол*, *наўсцяж*, *пасярод*, *пасярэдзіне*, *спадыспаду*, *спераду*, *супраць*, *сярод*, *уверсе*, *угары*, *удоўж*, *уверсе*, *уверх*, *угары*, *уздоўж*, *усярэдзіне*, *унутры*, англ. *above* ‘сверху’, *along* ‘вдоль’, *around* ‘вокруг’, *aside* ‘в стороне’, *back* ‘сзади’, *behind* ‘сзади’, *below* ‘внизу’, *beyond* ‘за пределами’, *down* ‘внизу’, *downstairs* ‘внизу’, *externally* ‘снаружи’, *high* ‘высоко’, *inward* ‘внутри’, *left* ‘слева’, *low* ‘внизу’, *onwards* ‘впереди’, *over* ‘сверху’, *outwards* ‘наверху’, *outside* ‘снаружи’, *overhead* ‘сверху’, *right* ‘справа’, *upstairs* ‘вверху’, *underfoot* ‘под ногами’; прилагательные: белорус. *вакольны*, *вертыкальны*, *верхні*, *задні*, *гарызантальны*, *знешні*, *крайні*, *левабярэжны*, *левафланговы*, *навакольны*, *ніжні*, *перадавы*, *супрацьлеглы*, *цэнтральны*, англ. *right* ‘правый’, *left* ‘левый’, *left-hand* ‘левосторонний’, *right-hand* ‘правосторонний’, *back* ‘задний’, *front* ‘передний’, *external* ‘внешний’, *internal* ‘внутренний’, *outer* ‘наружный’, *inner* ‘внутренний’, *top* ‘верхний’, *bottom* ‘нижний’, *upper* ‘верхний’, *lower* ‘нижний’, *overhead* ‘надземный’, *downward* ‘нижний’, *upstairs* ‘верхний’, *downstairs* ‘нижний’, *central* ‘центральный’, *peripheral* ‘периферийный’, *vertical* ‘вертикальный’, *horizontal* ‘горизонтальный’, *upright* ‘вертикальный’);

2) наречия и прилагательные с субъективной ориентацией, указывающие на:

а) близкое расположение объекта (наречия: белорус. *бліжай / бліжэй*, *блізенечка*, *блізка*, *блізютка*, *зблізку*, *побач*, *помеж*, *поплеч*, *поруч*, *тут*, *усутыч*, англ. *close* ‘близко’, *here* ‘тут’, *hereabouts* ‘рядом’, *herein* ‘тут’, *nearby* ‘рядом’; прилагательные: белорус. *бліжні*, *бліжэйшы*, *блізкі*, *туташні*, *тутэйшы*; англ. *near* ‘ближний’, *close* ‘ближний’, *neighbouring* ‘соседский’, *next* ‘ближний’, *adjacent* ‘соседний’, *adjoining* ‘соседний’, *immediate* ‘ближайший’, *nearby* ‘близлежащий’, *nigh* ‘ближний’, *available* ‘близкий’, *handy* ‘под рукой’, *proximal* ‘ближайший к центру’);

б) удаленное расположение объекта (наречия: белорус. *зводдалек / зводдалеку*, *зводдаль / зводдалі / зводдаля*, *здалёк / здалёку*, *здаля*, *наводдалек*, *наводдаль*, *падалей*, *там*, *удалечы*, англ. *away* ‘далеко’, *there* ‘там’, *therein* ‘там’, *far* ‘далеко’, *off* ‘далеко’; прилагательные: белорус. *аддалены*, *адлеглы*, *далёкі*, *няблізкі*, *тамашні*, англ. *distant* ‘далекий’, *far* ‘далекий’, *far-off* ‘отдаленный’, *far-removed* ‘отдаленный’, *faraway* ‘далекий’, *outlying* ‘отдаленный’, *remote* ‘удаленный’, *furthermost* ‘самый дальний’).

Данные белорусские и английские наречия и прилагательные формируют бинарную оппозицию «близко – далеко» по степени удаленности от наблюдателя, как и в большинстве языков мира [Апресян 1986; Diessel 1996, p. 36]. Однако для белорусского языка характерна градация удаленного местонахождения объекта на *далеко* и *недалеко* (наречия *воддаль*, *напарадзе*, *наўзбоч*, *недалёка*, *паводдаль, падалей*, *папарадзе*, *убаку*, *удалячы*, *узбоч*, *уздоўж* и прилагательное *недалёкі*). Объекты на таком расстоянии уже не входят в ближайший дистанционный пояс перцептора, к ним уже невозможно прикоснуться, услышать их запах, но их можно увидеть или дойти до них за небольшой промежуток времени. Об этом свидетельствует употребление наречий со значением ‘недалеко’ с актуальными предикатами *высіцца*, *чарнець*, *залаціцца*, *бліскаць*: *Агеньчык, што* ***бліскаў воддаль****, недзе прапаў* (В. Быкаў. «Пайсці і не вярнуцца») [БПНКРЯ]; ***Наводдаль*** *ямішча* ***чарнела*** [«Наша газета»].

Незначительное расстояние до объекта указания в английском языке передается аналитически сочетанием наречий со значением ‘далеко’ и отрицательной частицы *not*: *I fly from Le Bourget – an executive airfield* ***not far*** *from here* (D. Brown. «The Da Vinci Code») ‘Я всегда вылетаю из Ле-Бурже, аэропорт **недалеко** отсюда’ [АПНКРЯ]. Наличие наречий со значением ‘недалеко’ позволяет отнести белорусский язык к языкам с трехкомпонентной моделью локализации объектов, в которую вместе с *проксимальным* (близко) и *экстремальным* дейксисом (далеко), как в английском языке, входит еще и *медиальный* дейксис (недалеко).

Сами понятия «близко» и «далеко» не являются абсолютными и определяются сочетанием различных экстралингвистических факторов. Продемонстрируем это на ядерных пространственных наречиях *здесь*, *там* и *here*, *there.* Действительно, в канонической речевой ситуации, характеризующейся синхронностью времени произнесения и восприятия высказывания, единством места говорящего и адресата, дейктические пары *тут – там* и *here – there* находятся в отношениях полной антонимии. *Там*, *there* указывают на расположение объектов, находящихся за пределами единого пространства говорящего и слушающего: *А* ***там****, за ціхаю дарогай, Шуміць бярэзнік малады* (Я. Колас) [ТСБМ]; *Put the chair* ***there*** [CD] ‘Поставьте стул **там**’. Наречия *здесь, here* указывают на локацию объектов в его пределах: *– Ты [Баляслаў]* ***тут****? А я думаў, што цябе даўно тут няма* (К. Чорны) [ТСБМ]; *– I like it* ***here*** [CD] ‘– Мне **здесь** нравится’.

Наречия *тут* и *here* осуществляют указание не только на ограниченное пространство, где находится или живет говорящий: – *Я ж* ***тут*** *з самага нараджэння жыву!* [У сваёй хаце і дзіркі грэюць]; *And I'd rather they'd both be dead than* ***here at home*** (M. Mitchell. «Gone with the Wind») [АПНКРЯ] 'И мне было бы легче увидеть их обоих мертвыми, чем спрятаться **здесь**, **у себя дома**'. Эти наречия могут указывать на значительные по размеру локусы – город или страну: ***Тут****, у Аўстрыі, зусім не тое, што нядаўна было ў Вэнгрыі, калі мы пра кухню не дбалі, харчаваліся з цывільнага харчу – не трэба была ні пярловая каша, ні вэрмішэлевы суп* (В. Быкаў. «Пакахай мяне, салдацік») [БПНКРЯ]; *«Where is your company located?» she asked. «Over* ***here*** *in* ***Western Australia****?»* (M. Lee. «Fugitive Bride»); '– А где расположен офис твоей компании? – спросила она. – Где-нибудь **здесь**, в Западной Австралии?' [АПНКРЯ]. Но при этом соблюдается важное условие: в случае с наречием *здесь* должно быть включено место, где находится говорящий [Jespersen 1924, p. 258].

Наречия *там*, *there* указывают на пространство за пределами личной сферы перцептора: *Бачыш быстрак! Вунь* ***там****, пад вербамі, такія віры! Ого!* (В. Быкаў. «Дажыць да світання») [БПНКРЯ]; *«No, I have a car, um, right* ***over there****,» I said, pointing to the strip of 58th Street in front of the Paris Theatre where all the Town Cars had lined up* (L. Weisberger. «The Devil Wears Prada») 'Нет, у меня есть машина. Вон **там**, – сказала я, указывая на лимузины, припаркованные вдоль Пятьдесят восьмой улицы напротив кинотеатра «Париж»' [АПНКРЯ]. С другой стороны, *там* и *there* могут указывать на пространство без определенных границ, если произношение этих слов сопровождается остенсивным жестом неопределенного характера: – *Ён [ваенны]* ***там*** *недзе. – І* ***паказала*** *мятлою ў канец калідора* (А. Кулакоўскі. «Дванаццаты, жорсткі») [БПНКРЯ]; *«It's on the ceiling», she said,* ***turning*** *to the right-hand wall. «Somewhere over…* ***there****». He smiled* (D. Brown. «The Da Vinci Code») '– На потолке, – пробормотала она, **указывая** на стену. – Где-то вон **там**' [АПНКРЯ].

Фактором, оказывающим влияние на употребление наречий *тут*, *here* в отличие от *там*, *there*, является постоянное пребывание референта в пределах перцептивного поля зрения участников общения: *Мы спыніліся. Далей няма шляхоў нам. Далей Масква.* ***Тут*** *нам стаяць насмерць* (П. Панчанка) [ТСБМ]; – *It's* ***here*** *– just* ***here*** *– yes!* (J. K. Rowling. «Harry Potter and the Sorcerer's Stone») 'Это **тут** – прямо **тут** – **вот**!' [АПНКРЯ]. Чем дальше находится объект указания, тем меньше его индивидуально-отличительных признаков воспринимается перцептором. Данная особенность используется для выражения неопределенности и отчуждения: – *Каханенькая, родненькая, не мялі языком ды вось памагай цягнуць;* ***там*** *нейкі гад яе за рукі трымае* (Я. Купала. «Паўлінка») [БПНКРЯ]; «*There's a party going on* ***there****!» I expostulated* (V. Nabokov. «Look at the harlequins!») '**Там** какая-то гулянка! – пожаловался я' [АПНКРЯ].

На выбор между *тут*, *там* и *here*, *there* также влияет доминантный географический ландшафт места жительства перцептора. Поскольку носи-

тели белорусского и английского языков проживают преимущественно на равнинной территории, *там* и *there* указывают на местоположение объектов, находящихся выше или ниже направленности взгляда наблюдателя в горизонтальной плоскости в отличие от *тут* и *here*: *А што* ***там*** *уверсе? А* ***там*** *уверсе бывае нават нашмат цікавей, чым унізе. Неба ...* [Мова неба]; *What's going on* ***up there*** (in space)*?* [*What's going on* ***up there*****?**] 'Что **там** (в космосе) происходит?'.

Проживая на определенной территории, индивидуум так или иначе ее осваивает. Если этот локус хорошо известен коммуникантам, функционально освоен и «присвоен» ими, то он обозначается наречием *тут*: *Некалі на шляху падарожнікаў* ***тут, у нашай мясцовасці****, стаяла старое, вялікае, разгалістае дрэва* [Тапанімічны слоўнік Кармянскага раёна]; *And he's still* ***here in our town****, in this place where we live* 'А он еще **здесь**, в городе, в котором **мы живем**…' [RiversoContext]. Если этот локус не освоен перцептором и не присвоен им, он не включается в его личную сферу и обозначается наречиями *там, there* в сочетании с лексемами *дзесьці*, *далёка*, *somewhere* 'где-то', *far* 'далеко' для усиления значения неопределенности: *Чуваць было,* ***дзесьці там*** *дыхавічна пыхкаў стары паравічок і раз-пораз вішчэла піла-цыркулярка* (В. Быкаў. «Сцюжа») [БПНКРЯ]; *Сушчэня заклапочана ўгледзеўся ў хвойнік, паслухаў, падумаў. – Дык Бабічы* ***там недзе****. Пад пушчай* (В. Быкаў. «У тумане») [БПНКРЯ]; ***Somewhere there****, on that desolate plain, was lurking this fiendish man, hiding in a burrow like a wild beast, his heartfull of malignancy against the whole race which had cast him out* (A. Conan Doyle. «The Hound of the Baskervilles») '**Где-то там**, на унылой глади этих болот, дьявол в образе человеческом, точно дикий зверь, отлеживался в норе, лелея в сердце ненависть к людям, которые изгнали его из своего общества' [АПНКРЯ].

Употребление ядерных дейктиков *тут*, *там* и *here*, *there* обусловлено степенью приверженности нормам, обычаям и традициям сообщества. Если данные поведенческие установки разделяются перцептором, они присваиваются им и входят в его личностное эмотивно-аксиологическое пространство. Это значение находит выражение в семантике бытийных высказываний с наречием *тут* и притяжательными конструкциями с личным местоимением 1-го лица ед. и мн. ч. *у меня*, *у нас*: ***У мяне тут*** *госці не табою будучы!* (Народная казка «Прагны багацей») [БПНКРЯ]; *Такім чынам, што належыць валасной управы, то* ***тут у нас*** *усё як мае быць* (І. Чыгрынаў. «Апраўданне крыві») [БПНКРЯ]. В английском языке это значение передается сочетанием личных местоимений 1-го лица *I*, *we*, глагола *have / have got* и наречия *here*: *We can't ask much for anything* ***we have*** *on view* ***here*** (Th. Dreiser. «The Genius») '**Здесь у нас** нельзя запрашивать больших цен' [АПНКРЯ]. Если перцептор не разделяет этих норм или ценностей, не присваивает и не включает их в собственное личное эмотивно-аксиологическое пространство, то он выражает свое негативное отношение к объекту, принадлежащему адресату, наречием *там* с местоимением 2-го лица *цябе*, *вас* в предложном падеже: *Але Сілка*

Хрупчык не хацеў слухаць. – Якое ***ў вас тама*** *праўленне было! – з пагардай паморшчыўся ён. – І праўда, тры чалавекі, дак ета не праўленне! – зноў падаў голас Ціток* (І. Чыгрынаў. «Плач перапёлкі») [БПНКРЯ].

Коммуникативный статус говорящего также обусловливает выбор указательного наречия. Об этом свидетельствует сочетание наречия *тут* с ментальными предикатами наподобие *падумаць*, *даведацца*, *вырашыць*, *зразумець* и субъектом 1-го лица единственного числа: ***Я тут падумаў****: можа, не лішне было б вам з вашым сябрам спаткацца?* (У. Някляеў. «Лабух») [БПНКРЯ]. Подобные ментальные предикаты в белорусском языке не употребляются с местоимениями 2-го (*ты тут падумаў*, *вы тут падумалі*) или 3-го лица (*ён тут зразумеў*), что позволяет сделать вывод об интенсифицирующей функции наречия *тут* для актуализации правильности и рациональности точки зрения, решения или выбора говорящего. В английском языке это значение передается сочетанием личных местоимений 1-го лица и ментальных предикатов в Present Perfect Continuous*:* ***I've been thinking****, sir – even if the Stone's gone, Vol- Imean, You-Know-Who* (J. K. Rowling. «Harry Potter and the Sorcerer's Stone») '– **Я тут подумал**. Даже если камня больше нет, Воль ... то есть, я хочу сказать, Сами-Знаете-Кто' [АПНКРЯ].

Для белорусских наречий с семантикой расстояния в отличие от английских характерны:

1) отсоматический характер (термин М. И. Конюшкевич [Конюшкевич 2012, с. 237]), когда в качестве ориентиров выступают боковые и фронтальная плоскости тела человека (плечо – *по****плеч***, рука – *по****руч***, бок – *у****бак****у, уз****боч***): *Недзе тут* ***поруч*** *была і дарожка, але дарогі Сушчэня баяўся – з дарог цяпер ішла ўся бяда* (В. Быкаў. «У тумане») [БПНКРЯ];

2) положительная оценка близкого нахождения объекта, выраженная уменьшительно-ласкательными суффиксами (*бліз****енечк****а*, *бліз****ютк****а, бліз****еньк****а)*: *– Мой хутар тут зусім* ***бліженечка****, хутар Палявой – мо чулі нават* (Р. Мурашка) [ТСБМ]; *Круцяцца* ***блізютка*** *галкі над палямі* (Я. Колас) [ТСБМ]; *На вуліцы* ***бліженька****, за дзве-тры хаты, у залівістым пераборы зайшоўся гармонік* (М. Ракітны) [ТСБМ]. Английским наречиям со значением 'близко' свойственно отсутствие уменьшительно-ласкательных суффиксов и оценочная нейтральность: *Somehow Arthur feels very, very* ***close*** *to me* (B. Stoker. «Dracula») 'Мне кажется, что Артур где-то очень, очень **близко** от меня' [АПНКРЯ];

3) значительная вариативность (белорус. *зводдалек / зводдалеку*, *зводдаль / зводдалі / зводдаля*, *здалёк / здалёку*). В английском языке отсутствие вариативности компенсируется способностью наречий к конверсии как переходу в парадигму словоизменения прилагательного: *Why was he here, in this* ***far*** *corner of Australia?* (M. Lee. «Fugitive Bride») [АПНКРЯ] 'Почему приехал в этот **дальний** уголок Австралии?'; *A procession had appeared,* ***far*** *down among the pink stones that lay near the water's edge* (W. Golding. «Lord of the Flies») 'Процессия двигалась **далеко** внизу, у самой воды, по розовой осыпи' [АПНКРЯ].

Таким образом, употребление белорусских и английских дейктических наречий зависит от перцептивных (нахождение предмета речи в поле восприятия), географических (преобладающий природный ландшафт) и социокультурных (нормы, обычаи социума и коммуникативный статус участников общения) условий коммуникации. Белорусские наречия наряду с обозначением проксимального и экстремального дейксиса осуществляют указание на срединное положение объекта – *медиальный* дейксис, характеризуются варьированием форм и положительной оценкой близкого расположения объекта указания уменьшительно-ласкательными суффиксами. Английские наречия компенсируют свою невариативность конверсией в парадигму прилагательного и характеризуются нейтральной оценкой расстояния до объекта указания.

2.2.1.4. Фразеологизмы

Белорусские и английские фразеологизмы, осуществляя указание на локализацию объекта, репрезентируют трехкомпонентную горизонтальную пространственную модель *близко – недалеко – далеко*. Между тем вертикальное измерение *высоко – низко* почти не находит своего отражения в белорусской и английской фразеологии. Были выявлены только две белорусские ФЕ (*з вышыні птушынага палёту* ‘сверху, с такой высоты, с которой все видно’ [СФ 1, с. 267], *на зыры* ‘на открытом возвышенном месте’ [СФ 1, с. 517]) и две английские ФЕ (*pride of place* ‘на самом высоком месте, большой высоте’ [АН], *a bird’s eye view* ‘вид с высоты птичьего полета’ [ODCIE 2, p. 66]) со значением ‘расположение объекта на высоте’. Очевидно, что для фразеосистем сопоставляемых языков горизонтальное измерение является определяющим, так как, по мнению А. С. Яковлевой, оно совпадает с поверхностью земли – традиционной сферой «естественного», освоенного пространства говорящего [Яковлева 1994, с. 30].

Указание на близкое расположение объекта представлено 38 белорусскими и 45 английскими ФЕ. При определении расстояния до объекта главную роль выполняет зрительный или тактильный анализатор: близко то, что можно увидеть, к чему можно прикоснуться (белорус. *перад вачыма* [СФ 1, с. 180], англ. *before one’s eyes* – букв. ‘перед глазами’ – ‘рядом, близко’ [БАРФС, с. 249], белорус. *пад рукой* [СФ 2, с. 339–340], англ. *at hand* – букв. ‘под рукой’ – ‘рядом’ [CDEI, p. 84]). По этой причине в высказываниях с ФЕ со значением ‘близко’ могут использоваться актуальные предикаты, описывающие конкретные перцептивные проявления объектов на момент речи – *высіцца*, *чарнець*, *залаціцца*, *паблісквацъ*, *навісацъ*, *пачуцца* и т.д. [Булыгина и Шмелев 1997, с. 52]: ***Навісала*** *нізкае* – ***як рукой дастацъ*** *– лілова-чорнае неба* (У. Караткевіч. «Чазенія») [БПНКРЯ]; *A noise nearer* ***at hand*** *made him quiver* (W. Golding. «Lord of Flies») [BNC] ‘Шум, который **раздался** рядом, заставил его вздрогнуть’. В английских ФЕ близкое расположение объекта,

наряду со зрительным и тактильным восприятием, соизмеряется с тем, что находится в пределах слышимости: *within call* (букв. ‘в пределах крика’) [CDEI, p. 211], *within earshot* (букв. ‘в пределах слышимости’) [LDCE, p. 436], *within hail* (букв. ‘в пределах возгласа’) [НАРС, с. 324], *within hearing* (букв. ‘в пределах слышимости’) [LDCE, p. 661], *withing listening distance* (букв. ‘в пределах слышимости’) [НАРС, с. 206], *within shouting distance* (букв. ‘в пределах крика’) [DAIPV], *within <the> sound of something* (букв. ‘в пределах звука чего-либо’) [OALD]. Примеры: *There was a heavy lumbering of wheels* ***within hearing*** (C. Dickens. «The Tale of two Cities») ‘Грохот колес по мостовой гулко **прокатился** где-то **рядом**’ [АПНКРЯ]. Возможность перцептивного восприятия объекта при помощи зрения, прикосновения и слуха обусловливает наличие в структуре белорусских и английских ФЕ со значением ‘близко’ лексем-соматизмов: белорус. *рука*, *твар*, *плячо*, англ. *hand* ‘рука’, *face* ‘лицо’, *shoulder* ‘плечо’ и др.: белорус. *твар / тварам у твар* [СФ 2, с. 512] – англ. *face to face* [CDEI, p. 63], белорус. *рука ў руку* [СФ 2, с. 329] – англ. *hand in hand* [ODCIE 2, p. 249] или *arm in arm* [ODCIE 2, p. 15], белорус. *плячо ў плячо* [СФ 2, с. 230] – англ. *shoulder to shoulder* [LDEI, p. 296].

Как отмечают многие исследователи (Ф. О. Вакк [Вакк 1968], Л. В. Зайцева [Зайцава 2009], А. Е. Оксенчук [Оксенчук 1998], Л. И. Ройзензон [Ройзензон 1977], Е. В. Скурат [Скурат 1974], М. В. Юнаш [Юнаш 2005]), характерной чертой соматических лексем является высокая степень идиоматичности, что обусловлено их принадлежностью к одному из самых древних слоев лексики и совпадением образного переосмысления основных функций частей тела. Р. М. Вайнтрауб отмечает, что соматическая фразеология составляет около 30 % фразеологического фонда любого языка [Вайнтрауб 1975, 1980]. Фразеологизмы с компонентами-соматизмами фиксируются большим количеством словарей и характеризуются высокой частотностью в корпусах текстов по сравнению с другими типами ФЕ [Minugh 1999, p. 66]. О высокой степени идиоматичности лексем-соматизмов в белорусской и английской фразеосистемах свидетельствуют результаты исследования Л. В. Зайцевой, которая выявила 1184 белорусских и 1154 английских соматических ФЕ [Зайцава 2009]. Среди белорусских и английских фразеологизмов с дейктической семантикой нами было установлено 68 белорусских (из 241 ФЕ) и 43 английских фразеологизма (из 200 ФЕ) с компонентами-соматизмами. Они составляют 28,2 % от общего количества белорусских ФЕ и 21,5 % английских ФЕ с пространственной семантикой. По количеству употреблений лексемы-соматизмы были разделены нами на 3 группы, представленные в табл. 8[1].

[1] Общее количество случаев употребления соматизмов не совпадает с количеством соматических фразеологизмов, поскольку в некоторых ФЕ может употребляться более чем одна лексема-соматизм: например, белорус. *тварам да твару* ‘совсем близко’ [СФ 2, с. 513], англ. *face to face* [CDEI, p. 63].

Таблица 8

Белорусские и английские лексемы-соматизмы

Типы соматизмов	Белорусские лексемы-соматизмы, количество	Английские лексемы-соматизмы, количество
Высокопродуктивные (от 10 и выше)	*вочы / вока* (13), *нага* / *ногі* (11), *нос* (10)	–
Среднепродуктивные (от 6 до 9)	*рука* (7)	*foot / feet* ‘нога / ноги’ (4)
Низкопродуктивные (от 1 до 5)	*твар* (4), *плячо / плечы* (3), *пятка / пяты* (3), *спіна* (1), *бок* (2), *вуха* (2), *пах* (1), *хвост* (1), *язык* (1), *зубы* (1)	–

Отметим, что подгруппы ФЕ с семантикой близкого или недалекого расположения объекта (23 белорусских и 20 английских ФЕ) и удаления от перцептора (19 белорусских и 15 английских соматических ФЕ) характеризуются наибольшим количеством фразеологизмов с компонентами-соматизмами, где самыми высокопродуктивными лексемами выступают *рука* (7), *hand* (2) и *arm* ‘рука’ (2), *нос* (10), *nose* (3), *foot / feet* ‘нога, ноги’ (4), *нага* (11), *вока / вочы* (13), *eyes* (3). Следовательно, главной моделью формирования указания на ‘близко’ в белорусских и английских ФЕ выступает антропоцентрическая модель с опорой на части тела человека – глаза, нос, руки, ноги и его перцептивную систему как совокупность тактильного, обонятельного, слухового, зрительного и сомато-сенсорного анализаторов. По мнению В. И. Подлесской и А. В. Рахилиной, ориентация с использованием лексем-соматизмов *глаза*, *лицо*, *грудь*, *рука*, *нога* предусматривает наличие вертикальной оси с тремя плоскостями: передней, боковой, задней [Подлесская и Рахилина 2000, с. 101]. При анализе белорусских и английских соматических ФЕ были выделены два вида ориентации объектов относительно друг друга:

1) ориентация на одной линии, где акцентируется соприкосновение боковых – левой или правой – плоскостей объекта. В качестве таких плоскостей выступают части тела человека: беларус. *плячо ў плячо* [СФ 2, с. 230], *рука ў руку* [СФ 2, с. 329] и англ. *shoulder to shoulder* (букв. ‘плечо к плечу’) [CID], *arm in arm* (букв. ‘рука в руку’) [DAIPV], *side by side* (букв. ‘бок о бок’) [DAIPV];

2) фронтальная ориентация, когда объекты находятся друг напротив друга: белорус. *твар / тварам у твар* [СФ 2, с. 512], англ. *face to face* (букв. ‘лицо в лицо’) [CDEI, p. 63], белорус. *вочы ў вочы* [СФ 1, с. 216], англ. *eyeball to eyeball* (букв. ‘глазное яблоко к глазному яблоку’) [CID]. В таких ориентационных моделях объекты – это однородные предметы, чаще всего одушевленные существа, у которых есть лицо, глаза, руки, бока, плечи. Подобные белорусские и английские ФЕ репрезентируют нарушение стандартных

расстояний при общении. Об этом свидетельствует их употребление с глаголами *апынуцца*, *сутыкацца*, *сустракацца*, имеющими в своем значении компонент неожиданности. Они сообщают об ощущении перцептором опасности, идущей от находящегося рядом объекта: *З гэтага доміка на Туманоўскага* ***вочы ў вочы*** *зірнула смерць* (А. Жук) [СФ 1, с. 216]; *We stood* ***face to face*** *with death* ‘Мы столкнулись **лицом к лицу** со смертью’ [RiversoContext]. Вместе с тем, немногочисленность белорусских ФЕ (белорус. *плот у плот* [МРБСППФ, с. 52], *вугал з вуглом* [Там же]) и отсутствие английских ФЕ со значением ‘фронтальная ориентация неодушевленных однородных предметов’ еще раз подчеркивают преимущественно соматический характер репрезентации близкого расположение объектов в сопоставляемых языках.

Сопоставление образных основ белорусских и английских ФЕ с семантикой близкого нахождения объектов показало их связь с:

1) предметами и явлениями повседневной жизни человека: белорус. *плот у плот* [МРБСППФ, с. 52], англ. *right next door to something* (букв. ‘прямо – следующие двери’) [LDEI, p. 86], белорус. *вугал з вуглом* [МРБСППФ, с. 52], англ. *at close quarters* (букв. ‘в непосредственном соприкосновении с противником’) [CDAI];

2) манипуляциями с различными предметами. Этот способ концептуализации близкого расстояния присущ только английской фразеосистеме: англ. *within a stone’s throw* (букв. ‘не далее брошенного камня’) [DAIPV], *only a brick throw from* ‘на расстоянии брошенного кирпича’ [НБАРС], *within spitting distance* ‘на расстоянии плевка’ [LDCE, p. 391], *within striking distance* ‘на расстоянии удара’ [НАРС, с. 206], *withing walking distance* ‘в нескольких минутах ходьбы’ [LDCE, p. 391], *within driving distance* ‘в нескольких минутах езды на механическом транспортном средстве’ [LDCE, p. 391];

3) зрительным, тактильным или слуховым восприятием расстояния, характерным в большей степени для английской фразеосистемы (*within call* [CDEI, p. 211], *within earshort* [LDCE, p. 436], *within hearing* [LDCE, p. 661], *withing listening distance* [НАРС, p. 206], *within hailing distance* [DAIPV], *within calling distance* [DAIPV], *within shouting distance* [DAIPV] со значением ‘близко, в пределах слышимости’), чем для белорусского языка, где слуховая перцепция близкого расположения объекта представлена только одной ФЕ (*над <самым> вухам* ‘в непосредственной близости от кого-либо’ [СФ 1, с. 225]).

Подытоживая, отметим, в белорусской и английской фразеосистемах близкое к перцептору пространство – сомато-антропоцентричное. Оно организуется вокруг человека и его жизнедеятельности.

Однако близко – это не только нахождение объекта указания в ближайшем дистанционном поясе перцептора. Исследователь Д. Кемерер предполагает, что мозг человека обладает двумя отдельными системами для структурации пространства вокруг тела человека: в пределах прикосновения рукой и вне пределов прикосновения рукой [Kemmerer 1999, p. 37]. Подобная

особенность перцепции находит свое отражение в фразеосистемах сопоставляемых языков. Объект может находиться недалеко, за пределами личной сферы перцептора: белорус. *у трох / некалькіх кроках* [ФСМТЯК, с. 266–267], англ. *within two / a few steps away / away from / from to* (букв. ‘в двух, нескольких шагах’) [НАРС, с. 708] со значением ‘недалеко’. Объекты на таком расстоянии уже не входят в ближайший дистанционный пояс наблюдателя, к ним уже невозможно прикоснуться, почувствовать их запах, но можно увидеть или дойти до них за небольшой промежуток времени: *Паўлюк аж задрыжаў:* ***у трох кроках*** *ад яго стаяў Сучынскі* (Я. Колас. «Тоўстае палена») [БПНКРЯ]; *He stood in the dirt* ***a few steps away****, watching what would happen* («New Internationalist») [BNC] ‘Он стоял в грязи **в трех шагах** и наблюдал, что будет дальше’.

Белорусские и английские ФЕ с указанием на отдаленное расположение объекта употребляются с неактуальными предикатами *быць*, *жыць*, *знаходзіцца*, поскольку объект локализуется на границе или за пределами зрительного, слухового или обонятельного восприятия на максимальном отдалении от перцептора. Об этом свидетельствует и отсутствие соматизмов в структуре ФЕ этой группы: *Я* ***ў чорта на кулічках*** *жыву. Праводзіць мяне не трэба* (А. Асіпенка) [СФ 2, с. 654]; *Jack isn’t happy about the idea of* ***living in the middle of nowhere*** (E. C. Kimmel) [BNC] ‘Джек не в восторге от идеи жить **у черта на куличках**’.

Отдаленное расположение образно связано с:

1) краем, границей: белорус. *на краі свету / зямлі* ‘очень далеко’ [СФ 1, с. 597], англ. *the world’s end* (букв. ‘на конце света’) ‘очень далеко’ [НАРС, с. 236], *at the ends of the earth* (букв. ‘на конце света’) ‘очень далеко’ [LDEI, p. 97]: *Дзе той Мінск?* ***На краі свету*** (У. Карпаў) [СФ 1, с. 597]; *Probably it was some final guest who had been away* ***at the ends of the earth*** *and didn’t know the party was over* [LDEI, p. 97] ‘Вероятно, это был какой-то последний гость, который находился **на краю света** и не знал, что вечеринка уже закончилась’;

2) задней частью объекта в английском языке*:* англ. *the back of beyond* (буквально ‘сзади загробной жизни’) [LDEI, p. 12] со значением ‘очень далеко’). Английское слово *back* обозначает спину. Наблюдатель не может видеть спину человека, который стоит к нему лицом. Концептуальная обработка этого пространственного опыта позволяет наблюдателю обозначать словом *back* ‘спина’ невидимую тыльную сторону любого объекта. В английских фразеологизмах *the back of beyond* слово *back* имеет значение ‘очень отдаленное место, глушь’: «*Why couldn’t you just stay* ***in the back of beyond****?*», *she said* (S. Gallagher) [BNC] ‘«Почему ты не мог просто остаться там, **в глуши**?» – спросила она’;

3) зрительным восприятием в белорусском языке (*за вачыма* ‘далеко от дома, без присмотра’ [СФ 1, с. 180]): *…Рос я гэтак* ***за вачыма*** (Ф. Багушэвіч) [Там же];

4) слуховым восприятием в английском языке. Например, *a far cry from* (буквально ‘далекий крик’) [CDEI, p. 44], *out of earshort* (букв. ‘за пределами

слышимости’) [PDEI, p. 90], *out of hail* (букв. ‘за пределами оклика’) [HAPC, с. 324], *out of hearing* (букв. ‘за пределами слышимости’) [CDEI, p. 90] со значением ‘далеко’: *Conchis was* ***out of hearing*** (J. Fowles. «The Magus») [BNC] ‘Кончис был уже **далеко** (за пределами слышимости)’;

5) представителями фольклора и фауны в белорусском языке: *воран* (*воран касцей не занясе* [ФС, с. 48], где *воран* – символ связи с миром мертвых [Беларускі фальклор 2005, с. 88]), *камар* (*дзе камар козы пасе* [БППФ, с. 414]): *Ды ці ж такую [кватэру] атрымаеш?! Дадуць дзе-небудзь* ***у чорта ў зубах*** *маламетражку, і будзь здароў…* (М. Васілёнак); *Аказалася, Грыша працуе* ***ў чорта на рагах****…* (А. Асіпенка) [СФ 2, с. 654–655]; *Але ж сюды і воран касцей яго не занясе!* (Народая казка. «Удовін сын») [БПНКРЯ]; – *Пакуль старшынёй у Бронксе я, Том Д’юі не пераступіць гэтага парога. – Апынецца там,* ***дзе камар козы пасе****, – сказаў Дарсы і, ужо без увагі на спадара Лаенза, павярнуўся да майго брата* (Д. Чарын);

6) девятичной и десятичной системой исчисления, что не свойственно английским фразеологизмам со значением ‘далеко’. В белорусской ФЕ *за трыдзевяць зямель* с указанием на очень удаленное расположение объекта [СФ 1, с. 518] *трыдзевяць* представляет собой сочетание двух числительных *тры* и *дзевяць*, а в белорусской ФЕ *за дзясятай гарой* со значением ‘очень далеко’ содержится порядковое числительное *дзясятая: На ваўкалака хочаце глянуць? – усміхнуўся адзін з вояў. – Дык нешта не чуваць яго. Мо спіць, а мо пабег* ***за трыдзевяць зямель*** (Л. Дайнека. «След ваўкалака») [БПНКРЯ]; *Аб чым ні гавары за сталом, а думкі кожнага яшчэ беглі наўздагон за сябрамі, якія, мабыць, ужо* ***за дзясятай гарой*** *апынуліся* (М. Машара) [СФ 1, с. 518].

Яркая внутренняя форма белорусских ФЕ со значением ‘далеко’ придает им экспрессивность, свидетельствует о мифологизированном восприятии белорусами удаленного местонахождения объекта, где царят сверхъестественные силы, что усиливает их отрицательную коннотацию. Английские ФЕ подгруппы с семантикой удаленного расположения объекта лишены коннотации и являются нейтральными: *nowhere near* (буквально ‘нигде поблизости’) [DAIPV], *out of the way* (буквально ‘не на пути’) [DAIPV], *miles away* (буквально ‘мили прочь’) [CID] со значением ‘очень далеко’: *«He’s* ***nowhere near*** *or he’d have heard that», said Lucy with a white face* (C. S. Lewis. «The Chronicles of Narnia») ‘– Его **нет поблизости**, иначе он услышал бы нас, – сказала Люси, сильно побледнев’ [АПНКРЯ].

В английской фразеосистеме были выявлены шесть ФЕ, представляющих интересную информацию о переосмыслении пространственного опыта, связанного с указанием на расстояние: *keep someone at arm’s length* ‘держать кого-либо на расстоянии вытянутой руки*;* держать кого-либо на почтительном расстоянии’ [LDEI, p. 9], *keep someone at a distance* ‘держать кого-нибудь на расстоянии’ [LDEI, p. 82], *keep a safe one’s distance* ‘держаться на значительном расстоянии’ [ODCIE 2, p. 332], *know one’s distance*

‘держаться на значительном расстоянии’ [НБАРС], *keep out of the way* ‘держаться в стороне’ [DAIPV] и *give someone or something a wide berth* ‘обходить, двигаться от кого-либо или чего-либо на значительном расстоянии’ [LDEI, p. 21]. Подобные ФЕ отражают необходимость соблюдения говорящим определенной дистанции с целью избежать опасности для жизни или нарушения социокультурных норм: *The old lady* ***kept*** *the foreign visitors* ***at a distance*** *while they were here* [LDEI, p. 82] ‘Пожилая дама держала иностранных гостей **на расстоянии** в то время, когда они находились здесь’.

Пространственные и временные параметры знаковой системы общения определенного языкового сообщества являются объектом исследования проксемики (англ. *proximity* ‘близость’). Ее основатель, американский исследователь Э. Холл, вышел на новый уровень осмысления роли пространства в жизни человека [Hall 1966]. В его концепции понимание расстояния при общении основано на принципе территориальности [Lyman 1966]: каждая личность имеет свою определенную зону с четко очерченными границами в пределах того жизненного пространства, которое она разделяет с другими представителями вида [Ardrey 1966, p. 3]. Размер этого пространства зависит от многих факторов: происхождения, культуры, личных предпочтений.

При нарушении границы индивидуального пространства люди могут испытывать дискомфорт и неловкость. При слишком большом расстоянии общение может закончиться коммуникативной неудачей, под которой мы понимаем «недостижение инициатором общения коммуникативной цели и, шире, прагматических устремлений, а также отсутствие взаимодействия, взаимопонимания и согласия между участниками» [Виноградов 2008].

Степень проникновения в личностное пространство говорящего других людей, по мнению Э. Холла, определяется культурными традициями. Западному языковому сообществу свойственна четырехкомпонентная модель личного пространства: интимная дистанция (0–0,5 м) для самых близких родственников, персональная дистанция (0,5 м–1,2 м) для неформальных контактов между друзьями, социальная дистанция (1,2 м–3,65 м) при рутинных социальных взаимодействиях (деловых переговорах, школьных уроках и под.), общественная или публичная дистанция (3,65 м и более) при одностороннем или анонимном общении (лекция) [Hall 1966, p. 116–125]. Наличие в английской фразеосистеме таких ФЕ, как *keep someone at arm’s length* [LDEI, p. 9], *keep someone at a distance* [LDEI, с. 82], *keep a safe distance* [ODCIE 2, p. 332], *know one’s distance* [НБАРС], *keep out of the way* [DAIPV] и *give someone or something a wide berth* [LDEI, p. 21], демонстрирует необходимость сохранения определенной дистанции между участниками общения и подчеркивает важность определения границ личного пространства в английской лингвокультуре. Отсутствие белорусских ФЕ с подобным значением свидетельствует о допущении меньшего расстояния при общении между индивидуумами, чем в английской.

ФЕ могут репрезентировать указание на несколько местонахождений объекта одновременно. Данную фразеосемантическую подгруппу представляют 13 белорусских и 14 английских ФЕ. Такое пребывание объекта указания в разных местах может быть:

1) постоянным (белорус.*<і> там і тут / <і> тут і там* [СФ 2, с. 508], англ. *here and there* – букв. ‘здесь и там’ – ‘в разных местах, во многих местах, везде’ [ODCIE 2, p. 282]): ***І там і тут*** *акружаюць вёскі прыветлівыя, зялёныя ляскі* (І. Навуменка) [СФ 2, с. 508]; *We still have the Lord knows how many hydrogen bombs stored* ***here and there****, waiting for some madman to set them off* [ODCIE 2, p. 282] ‘Один только Бог знает, сколько водородных бомб хранится **здесь и там** в ожидании сумасшедшего, который их взорвет’;

2) периодическим, если объект указания то появляется, то исчезает из поля зрения, слуха или обоняния перцептора (белорус. *то там то тут* [СФ 2, с. 508], англ. *here and there* ‘то в одном, то в другом месте’ [LDEI, p. 163]): ***То там то тут*** *пачыналіся стыхійныя мітынгі* .... (С. Грахоўскі) [СФ 2, с. 508]; *They saw the dark smoke over Africa, and,* ***here and there****, through the smoke, the red, angry fires* («Under the Moon») [BNC] ‘Они видели темный дым над Африкой, **то тут то там**, сквозь дым, багровые смертоносные пожары ...’.

В белорусских ФЕ периодичность передается частицей *то*, например: ***То тут, то там*** *над імі ўзвышаліся дубы, ліпы або адзінокія сосны з шырокімі верхавінамі* (Я. Маўр. «Палескія рабінзоны») [БПНКРЯ]. В английском языке – при помощи наречия *now* ‘сейчас’ (*After that for six days little smoke columns seemed to be sprouting up all over the forest,* ***now here, now there****, but only for an hour or two* [BNC] ‘Затем в течение шести дней небольшие столбы дыма, казалось, возникали по всему лесу, **то тут то там**, но только на час или два’) или выводится из контекста (***Here and there*** *were strange unexplained heaps of stones on high places* (D. Clifford) [BNC] ‘**То тут то там** на возвышенных местах встречались странные горы камней’).

Компонентами-лексемами белорусских и английских ФЕ этой подгруппы выступают дейктические наречия, указывающие на пребывание объекта как в пределах личной зоны перцептора (белорус. *тут*, англ. *here*), так и за ее пределами (белорус. *там*, англ. *there*). Личная зона перцептора ограничена возможностями его зрительного поля (белорус. *куды ні кінеш вокам* ‘везде, сквозь, вокруг’ [ФСМТЯК, с. 88–89], англ. *wherever you look* – букв. ‘куда ни глянешь’ – ‘везде, сквозь, вокруг’). Примеры: *І ўсё,* ***куды ні кінеш вокам****, – і шыр зямлі, і глыб нябёс у хвалях вечнага патока вязе прызначаны ім воз* (Я. Колас) [ФСМТЯК, с. 88–89]; ***Wherever you look*** *you can see helmets glinting in the sun, pennons waving in the breeze, the whole plain covered with horsemen* (J. Gillingham. «The Oxford Encyclopedia of Medieval Warfare and Military Technology») [BNC] ‘**Куда ни бросишь взгляд**, можно увидеть покрытую всадниками равнину, сверкающие на солнце шлемы, развевающиеся на ветру флаги’. Указание на повсеместность местонахождения объекта также создается лексемами-интенсификаторами: белорус. *кожны*,

англ. *every* ‘каждый’: белорус. *на кожным кроку* [СФ 1, с. 602], англ. *at every step* (букв. ‘на каждом шагу’) [НАРС, с. 708], белорус. *на ўсіх скрыжаваннях* [СФ 2, с. 405], англ. *on / at every street corner* (букв. ‘на каждом углу’) [CALD], белорус. *што ні крок* [СФ 1, с. 601], англ. *at every step* (букв. ‘на каждом шагу’) [БАРФС, с. 719]. В подобных ФЕ вместе с семой ‘везде’ присутствуют темпоральные семы ‘постоянно’ и ‘непрерывно’, что свидетельствует о тесной связи пространственных и временных характеристик – *везде* предполагает *всегда*. Это очевидно в следующих контекстах: ***На кожным кроку*** *мы сустракаемся з праявамі ўсенароднай цікавасці да кніг* («Настаўн. газ.»); *Nell noticed slight shadowy changes* ***at every step*** (J. Bedford) [BNC] ‘**На каждом шагу** Нелли замечала незначительные, едва заметные изменения’; *Хутка пра ваяжы Кузьмічова пачалі расказваць* ***на ўсіх скрыжаваннях***... («Вожык») [СФ 2, с. 405]; *After the match, police were stationed* ***on every corner*** [CALD] ‘После матча полицейские стояли **на каждом углу**’.

Для английской фразеосистемы характерно выражение указания на местонахождение в разных местах семантикой ограничения. Так, англ. *from John o’Groat’s to Land’s End* (букв. ‘от севера Шотландии до края Земли’, где *John o’Groat’s* – ‘название полуострова, самого западного пункта Англии’ [НАРС, с. 391]), *from Dan to Beersheba* (букв. ‘от Дана до Вирсавии’, где Дан и Вирсавия – конечные географические пункты Израиля [БАРФС, с. 195]), *from coast to coast* (букв. ‘от одного морского побережья до другого морского побережья’ [CDAI]), *from China to Peru* (буквально ‘от Китая до Перу’ [ODCIE 2, p. 208]), *from pole to pole* (букв. ‘от полюса к полюсу’ [CDEI, p. 140]) имеют значение ‘везде, повсюду’.

Предлоги *from* ‘от’ и *to* ‘к’ с делимитативной семантикой ограничивают участок пространства местонахождения объекта в отличие от белорусских ФЕ, где зона локализации объекта определяется только полем зрения перцептора (белорус. *куды ні гляне вока* [ФСМТЯК, с. 85], *куды ні глянь* [ФСМТЯК, с. 130], *куды ні кінеш вокам* [ФСМТЯК, с. 88–89]): ***From China to Peru*** *the transistor radio has become as necessary a part of the furniture of human life as the cooking-pot* [ODCIE 2, p. 208] ‘**Повсюду** (от Китая до Перу) радиоприемник стал такой же неотъемлемой частью человеческой жизни, как и кастрюля’. В некоторых английских ФЕ указание на пребывание в разных местах передается ориентационными лексемами *left* ‘слева’, *right* ‘право’, *centre* ‘центр’, *side* ‘сторона, бок’ (*on all sides / every side* [ODCIE 2, p. 429], *on either / every hand* – букв. ‘с каждой стороны’ [ODCIE 2, p. 431], *left, right and centre* – букв. ‘лево, право и центр’ [ODCIE 2, p. 346]), что не характерно для белорусских ФЕ: *You’ll have to grab opportunities* ***left, right and centre*** (S. Holland) [BNC] ‘Вам придется **повсюду** хвататься за любые возможности’.

Как правило, белорусские и английские ФЕ репрезентируют расположение объекта в разных местах в горизонтальной плоскости. Однако в английской фразеосистеме имеется ФЕ *high and low* (букв. ‘вверху и внизу’) с указанием на повсеместную локализацию объекта по вертикали [ODCIE 2,

p. 283]. Это ФЕ содержит лексемы вертикального измерения *high* ‘высоко’ и *low* ‘низко’. Везде – это не только по всем сторонам (горизонталь), но и вверху, и внизу (вертикаль): *He’s* [Otter] *been missing for some days now, and the Otters have hunted everywhere,* ***high and low****, without finding the slightest trace* (K. Grahame. «The Wind in the Willows») ‘– Его [Выдры] уже несколько дней нет, и домашние обшарили уже все **вдоль и поперек**, и даже ни единого следочка не нашли’ [АПНКРЯ].

Таким образом, фразеологическая репрезентация местонахождения в сопоставляемых языках сомато-антропоцентрична. Белорусский язык характеризуется использованием зрительного анализатора для локализации объекта, преобладающей мифологизацией и отрицательной оценкой его удаленного расположения. Английскому языку свойственны определение местонахождения зрительным и слуховым анализаторами, наличие культурно-маркированной структурации личной сферы перцептора, преимущественная христианизация и эмоциональная нейтральность нахождения объекта на расстоянии.

2.2.2. Перемещение

2.2.2.1. Глаголы перемещения

Перемещение есть движение относительно ориентиров с преодолением границ какого-либо пространства [Гак 1977, с. 155]. Перемещение в научных работах трактуется как многоаспектный феномен с одновременным сосуществованием от двух (субъект движения – *trajector* и точка отсчета «траектора» – ориентир *landmark* [Langacker 1987]), трех (источник движения – *source*, путь – *path*, цель – *goal* [Dirven & Verspoor 1998]), четырех (субъект перемещения – *figure*, перемещение – *motion*, способ – *manner*, траектория – *path*, цель или конечный пункт перемещения – *goal* [Slobin 2005]) до восьми компонентов (фигура – *figure*, фон или ориентир – *ground*, путь движения – *path*, движение – *motion*, способ передвижения – *manner*, причина движения – *cause*, среда – *circumstance*, итоговое состояние – *resulting state*) [Talmy 2000]. Глаголы перемещения являются полнозначными дейктическими единицами, поскольку они указывают на пункт отправления и пункт назначения относительно перцептора и их местонахождения в момент произнесения высказывания. Эти две семантические валентности являются важнейшими для ядерных дейктических глаголов перемещения белорус. *ісці*, англ. *go* и белорус. *прыйсці*, англ. *come*, о чем свидетельствуют их словарные дефиниции:

1) *go*: «to move or proceed to or from a point or in a certain direction» [CED] ‘двигаться или перемещаться к или с определенной точки или в определенном направлении’;

2) *come*: «when a person or thing comes to a particular place, especially to a place where you are, they move there» [CED]; ‘если человек или предмет перемещаются в определенное место, особенно туда, где находится говорящий’

3) *ісці*: «а) двигаться, делая шаги (о человеке и животных); б) ехать, плыть, лететь (о средствах передвижения)» [ТСБМ];

4) *прыйсці*: «достичь чего-нибудь, появиться где-нибудь» [ТСБМ].

Глаголы *go* и *ісці* являются центральными глагольными лексемами для обозначения перемещения в пространстве, поскольку в своем семантическом толковании они имеют указание на исходный и конечный пункты движения. Эта особенность предопределяет их употребление в ситуациях, где не содержится указания на эти пункты, как в следующих контекстах: – *Час* ***ісці****, – нарэшце выдыхнуў тэўтон, пераклаў нож з правай рукі ў левую і шырока перахрысціўся* (Л. Дайнека. «Меч князя Вячкі») [БПНКРЯ]; *Bosch just looked at her, giving no indication of approval or disapproval of her plan. «Can we* ***go*** *now?»* (M. Connelly. «City of Bones») ‘Босх равнодушно посмотрел на нее: – Теперь мы можем **идти**?’ [АПНКРЯ]. Однако глагол *go*, по мнению Ч. Филлмора, содержит указание на нахождение наблюдателя в исходном пункте траектории перемещения и больше сосредоточен на движении удаления, чем приближения к нему [Fillmore 1966; Goddard 1997, 1998]. Глагол *come*, с точки зрения И. Кларк и О. Гарник, предполагает «нахождение говорящего или наблюдателя в конечном пункте (*at the goal*) в момент речи или в определенный момент времени» [Clark & Garnica 1974]. По мнению К. Танц, данные особенности семантики глаголов *go* и *come* позволяют объяснить ситуации, в которых значение *go* включает движение к говорящему и от него одновременно (*The people were going in and out* ‘Люди входили и выходили’), в то время как с глаголом *come* это недопустимо (**The people were coming in and out*) [Tanz 1980, p. 123].

В отличие от английского глагола *go* белорусская лексема *ісці*, как и русский глагол *идти*, не фиксирует в своей семантике указания на местонахождение говорящего и при отсутствии показателя исходного или конечного пункта траектории движения совместима с любым из них [Рахилина 2002].

Рассмотрим следующие варианты.

1. Если при глаголе *ісці* отсутствует обстоятельственное словосочетание с фиксацией крайних точек перемещения, перцептор может находиться в любой из этих точек или посередине: *«Ох і задам жа я ёй потым», – падумаў дзед Іван, а ўголас сказаў: – Ну, дык* ***ідзі*** *хутчэй. І Таня пабегла* (В. Зуб. «Таямнічы надпіс») [БПНКРЯ] (перцептор в исходном пункте); *Ай! Нехта* ***ідзе****. Ён, ён, напэўна ён*! (Я. Купала. «Паўлінка») [БПНКРЯ] (перцептор в конечном пункте траектории). Если в *ісці* заполнена валентность конечного пункта, то наблюдатель может находиться в исходном пункте: – ***Ідзіце адсюль****, людзі,* ***ідзіце*** *да мяне ў шалаш, у Задзвінне* (У. Караткевіч. «Званы Віцебска») [БПНКРЯ] (наблюдатель в исходном пункте).

2. Если валентность исходной точки заполнена, то наблюдатель может находиться в конечном пункте: *Ладны дом, спакой у хаце,* ***ад пячы ідзе*** *цяпло, ціхі сон твайго дзіцяці, мужа моцнае плячо* [А. Клышка. «Роднае»]. Если заполнены обе валентности, наблюдатель склонен разместиться посере-

дине траектории: *Дзе я іх бачыў? Ага, ля Бяздоннага возера пад Слонімам і яшчэ… і яшчэ ля сцежкі, якой* ***ішоў з Замшан у Цёмны Бор*** (У. Караткевіч. «Чорны замак Альшанскі») [БПНКРЯ].

Широкая семантика глагола *ісці*, представленная в лексикографических источниках, позволяет этой лексеме сочетаться с неодушевленными субъектами – видами транспорта: *Па суботах* ***аўтобус ідзе*** *з Докшыц праз Дзядкі на Макаравічы, а з Сітцаў* ***ідзе*** *на Гарадзішча і толькі тады вяртаецца ў Докшыцы* [«Рушыцца ўсё, прападае край. Нататкі Кастуся Шыталя з кароткай дарогі»]. По мнению Е. В. Рахилиной, такое употребление становится возможным при восприятии наблюдателем перемещения как непроизвольного (non-arbitrary) и ориентированного на конечный пункт (goal-oriented). При этом маршрут перемещения обычно считается фиксированным: его конечный пункт ясен из контекста или маркирован формальными показателями, например, предложной группой [Рахилина 2002]: *Цягнік* ***ідзе з*** *Беларусі ў Балгарыю праз тэрыторыі Украіны, Малдовы і Румыніі* [«БЧ са жніўня адмяняе “турыстычны” цягнік у Варну»]. Напротив, для обозначения неконтролируемого перемещения видов транспорта с нефиксированным маршрутом используется глагол рус. *ехать* [Рахилина 2002] и белорус. *ехаць*: *– А праўда гэты аўтобус* ***едзе*** *ў Чыжоўку? – стомлена і вырачана, як да апошняга паратунку на ўжо вызначаным шляху, звяртаецца да мяне дзядзечка, плюгаваценькі і ў сцельку п’яны* [«Куды ідзе 59-ы аўтобус?»]. Широкая семантика глагола *go* позволяет употреблять его с существительными, обозначающими транспортные средства, вне зависимости от определенности их маршрута: *Does this bus* ***go*** *to the beach?* ‘Этот автобус **едет** на пляж?’ [RiversoContext]; *How far does the 8:00 train* ***go****?* ‘До какой станции едет поезд в 8.00?’ *The 11* ***goes*** *right by the house, and there she is* ‘Одиннадцатый **автобус идет** прямо рядом с домом. А вот и он’ [RiversoContext].

Употребление глагола *ісці* с неодушевленными субъектами зависит от степени определенности траектории их движения. Если эти субъекты имеют определенный маршрут с фиксированным конечным пунктом перемещения, употребляется глагол *ісці*: *Вялікая хмара* ***ідзе на Мінск з паўночнага захаду*** [«Вялікая хмара ідзе на Мінск з паўночнага захаду. У Ратамцы ўжо грымае»]. В английском языке в этом случае используется глагол *come* с семантикой конечного пункта перемещения: *Weather reports say a massive storm is* ***coming*** ‘Метеорологические сводки говорят, что **идет** массивный шторм’ [RiversoContext]. Движение без заранее известной траектории обусловливает использование специфических глаголов перемещения *ляцець*, *плыць* и т.п.: *Метэоры, каметы* ***ляцяць****! Сутыкаюцца і паміраюць!* [А. Кабан. «Сборник стихов»]. В английском языке движение неодушевленных объектов без заранее известной траектории не подразумевает использования специфических глаголов перемещения типа *fly*: *That stone* ***is coming*** *in like a rocket* ‘Этот камень **летит** словно ракета’; *The slowest meteorites* ***travel*** *at 25,000 miles per hour* ‘Самые медленные метеориты **летят** со скоростью 25 000 миль в час’ [RiversoContext].

Глагол *come* содержит обязательное указание на нахождение говорящего в конечном пункте траектории движения: *Please **come** as soon after work as possible, or meet me anywhere* (T. Dreiser. «An American Tragedy») ‘Пожалуйста, **приходи** сразу после работы или давай встретимся где-нибудь’ [АПНКРЯ]. Наличие в семантике белорусского глагола *прыйсці* указания на присутствие наблюдателя в конечном пункте факультативно, поскольку эта единица обозначает скорее не сам процесс перемещения, а его результат: *– Да вас **прыйшоў** я, Пярун і Даждзябог* (Л. Дайнека. «След ваўкалака») [БПНКРЯ]. Фокус на результате делает невозможным употребление *прыйсці* для обозначения действия, происходящего в момент речи: **Глядзі, ён прыходзіць дадому*. В то же время широкая семантика глагола *ісці* позволяет высказывания типа *Глядзі, ён **ідзе** дадому*. Такая особенность связана с наличием в семантике глагола *прыйсці* указания на наблюдателя. Эта черта обусловливает смещение процессуального аспекта значения на состояние. В результате «динамичный компонент оказывается не в фокусе и не может обозначать действие для оператора имперфективации» [Падучева 2002, с. 135]. Если имеется в виду повторяющееся перемещение к конечному пункту, то глагол *прыйсці* может употребляться в несовершенном виде для передачи регулярного действия: *Мацвей Арцёмчык з бабуляй Луізай амаль кожны дзень **прыходзіць** да фантана ў парку імя Жылібера* [«Вада брудная, у ёй купацца нельга»].

Следует отметить, что семантика английских глаголов *come* и *go* содержит не только указание на направление перемещения, но и объективную оценку факта говорящим, что не характерно для белорусских единиц *ісці*, *прыйсці*. Например, в высказывании *We stared open-mouthed as the plane **came** down* [LD] ‘Мы, разинув рот, смотрели, как **приземлился** самолет’ употребление говорящим лексемы *come* акцентирует внимание адресата на безопасном развитии событий в отличие от контекста с *go*, подчеркивающим трагичный исход ситуации: *There’s no information as to why the plane **went** down* [RiversoContex] ‘Не было никакой информации о причине **падения** самолета’.

В белорусском языке указание на удаление от перцептора и приближение к нему может содержаться в семантике одной и той же глагольной лексемы (*з’ездзіць*, *збегаць*, *звазіць*, *звярнуцца*, *зганяць*, *схадзіць*, *сцягацца* ‘поехать или пойти куда-нибудь, побыть там с какой-нибудь целью и вернуться обратно’ [ТСБМ]): [Пятрэсь:] *– Ніхто і не глянуў, што я ў гэтых трантах туды прыйшоў... Ат, дарам толькі **сцягаўся*** (М. Арочка) [ТСБМ]; *[Рыгорка] **збегаў** дахаты і прынёс іголку* (А. Якімовіч) [ТСБМ]. В английском языке это значение выражается *аналитически* сочетанием глаголов с наречиями или предлогами с семантикой удаления от перцептора и приближения к нему: *Winston **went to** the bar and **came back** with two more half-litres* (G. Orwell. «Nineteen Eighty-Four») ‘Уинстон **сходил** к стойке и принес еще два стакана’ [АПНКРЯ].

Сопоставительный анализ глаголов перемещения, группирующихся вокруг ядерных единиц *ісці*, *go* (81 белорусская и 37 английских единиц) и *прыйсці*, *come* (53 белорусские и 26 английских единиц), показал зависимость доминирующего способа выражения кинетического аспекта пространственного дейксиса от структурно-типологических особенностей сопоставляемых языков. В белорусском языке с преобладанием параметров флективного типа дейктические семы получают *эксплицитно-синтетическое* выражение префиксами с семантикой приближения к перцептору (*да-*, ***да****бегчы*, *пад-*, ***пад****'ехаць*, *пры-*, ***пры****быць*, *с-*, ***сы****сціся*) или удаления от него (*ад-*, ***ад****'ехаць*, *вы-*, ***вы****йсці*, *за-*, ***за****брысці*, *з-*, ***з****'ехаць*, *па-*, ***па****ехаць*, *параз-*, ***паразбягацца***, *раз-*, ***раз****'ехацца*).

Бесприставочные глаголы направленного движения представляют собой нераспространенное явление, поскольку содержат в своей семантической структуре две факультативные валентности исходного и конечного пунктов перемещения. Следовательно, степень выраженности направительности в них обратно пропорциональна их способности быть префигированными деривационными морфемами со значением маршрута движения. В результате один глагольный корень путем префиксации дает значительную в количественном отношении группу глаголов (***пры****ходзіць*, ***вы****ходзіць*, ***за****ходзіць*), а одни и те же приставки в сочетании с небольшим количеством корней образуют новые глаголы (***пры****ехаць*, ***пры****бегчы*, ***пры****скакаць*, ***пры****плыць*). Такой продуктивный способ деривации дает неограниченное количество комбинаций с образованием однокоренных синонимических рядов и антонимических пар (***вы****йшаў*, ***ад****ышоў* – ***пры****йшоў*, ***пад****ышоў*) в белорусском языке.

Доминирование лексического способа актуализации направленного перемещения наречиями и предлогами со значением приближения к перцептору (*at*, *to*, *towards*, *into*, *upto*, *around*, *by*, *over*, *round*, *up*, *near*, *close*) или удаления от него (*off*, *away*, *out*, *from*) с глаголами движения (*go to* '**по**йти', *come to* '**при**йти', *go way* '**у**ходить', *get off* '**вы**ходить') свидетельствует о преимущественно *эксплицитно-аналитическом* выражении кинетического аспекта пространственного дейксиса в английском языке, что обусловлено ярко выраженной тенденцией к аналитизму.

2.2.2.2. Наречия

Перемещение манифестируется наречиями со значением:

а) направления движения от перцептора (*налева*, *направа*, *наўцёкі*, *прэч*, *сюдою*, *сюдэй*, *сюдэю*, *сюдэма*, *тудэма*, *тудою*, *туды*, *тудэю*, *урассыпную*, *уроссып*). В английском языке данная семантика передается наречиями (*in***ward**, *out***ward**, *for***ward**, *back***ward**, *back* и т. д.) или аналитически – сочетанием наречия с предлогом *to* (*to the left* 'налево'): *Адзіная мая цікавасьць была цяпер у царкве. Дзеля яе я тут і хадзіў* – ***сюды і туды***, ***туды і сюды*** (В. Быкаў. «Пакахай мяне, салдацік») [БПНКРЯ]; *Mr. Wilkes always*

had at least a dozen darkies busy running ***back*** *and* ***forth*** *with trays to serve the guests* (M. Mitchell. «Gone with the Wind») ‘Не меньше дюжины негров бегали с подносами **туда и сюда**, обслуживая гостей’ [АПНКРЯ];

б) исходного пункта перемещения (*адсюль*, *адгэтуль*, *адтуль*, *зверху*, *злева*, *справа*, *знізу*, *ззаду*). В английском языке этот пункт обозначается аналитически сочетанием наречия с предлогом *from* (*from here* ‘отсюда’): *Я адчуваю: мне трэба пайсці* ***адгэтуль****, пакінуць Міцю ў спакоі* (Г. Далідовіч. «Страта») [БПНКРЯ]; – *Where will you go* ***from here****?* (D. Brown. «The Da Vinci Code») ‘– Куда вы теперь **отсюда** пойдете?’ [АПНКРЯ];

в) конечного пункта перемещения (*дасюль*, *дагэтуль*, *датуль*): – *Я маю некаторыя пэўныя весткі, – адказаў Скот, –* ***датуль*** *і паеду* (Я. Маўр. «У краіне райскай птушкі») [БПНКРЯ]. В английском языке пункт назначения обозначается наречием или аналитически сочетанием наречия с предлогом *to*: «*Oh, I wish it were sooner that we could go* ***there*** *now*» (U. Le Guin. «The Tombs of Atuan») ‘– Хорошо бы поскорее добраться **дотуда**’ [АПНКРЯ]; *I can only lift it* ***to there*** ‘Я могу только поднять ее **досюда**’ [RiversoContext].

Для носителей белорусского языка значимым является не только направление, но и путь перемещения объекта – *транзитивный дейксис* [Конюшкевич 2012]. Данная особенность отражена в наречиях *сюдой*, *тудой*, *сюдою*, *тудэю*, *сюдэма*, *тудэма*: – *З коньмі* ***сюдой*** *не пралезеш! – сказаў Серада* (Я. Брыль) [ТСБМ]; *Пойдзем* ***сюдою****, – Андрэй звярнуў у завулак, у якім – непарамантаваныя камяніцы, вывіхнуты брук і пакалочаныя каштаны* (С. Яновіч. «Самасей»); [Міхась:] – *Давай, правядзі мяне да перавозу.* [Рыгор:] – *Добра, якраз я сам меўся* ***тудэю*** *ісці* (Ц. Гартны) [ТСБМ]; *Ідзем хутчэй* ***сюдэма****!* [БРС]; *Я* ***сюдэй*** *пайду, – сказаў...* [чалавек], *паказаўшы рукой у прасцяг сцежкі на ўзгорак, за якім мясціліся вясковыя гумны* (П. Галавач) [ТСБМ]; *І яны пайшлі* ***тудэма****...* [ТСБМ]. В английском языке значение транзитивности передается аналитически словосочетаниями предлога с наречием (*through there* ‘сюдой’, *through here* ‘сюда’) или указательного местоимения с существительным (*this way* ‘сюдой’ или *that way* ‘туда’): *«****This way****», Fache said, turning sharply right and setting out through haseries of interconnected galleries* (D. Brown. «The Da Vinci Code») [АПНКРЯ] ‘– Нам **сюда**, – сказал Фаш, резко свернул вправо и зашагал через цепочку связанных одна с другой галерей’; – *Then we must go* ***that way*** (U. Le Guin. «The Tombs of Atuan») ‘– Значит, нам надо сейчас **туда**’ [АПНКРЯ]; *We won’t make it out* ***this way*** *now* ‘Значит, выбраться **сюдой** сейчас не получится’ [RiversoContext].

2.2.2.3. Фразеологизмы

В белорусском и английском языках фразеологические единицы репрезентируют направление перемещения: 1) от перцептора; 2) к перцептору; 3) от / к перцептору. Как показал анализ фактографического материала, в белорусской и английской фразеосистемах исходный пункт *откуда* (source: 9 белорусских и 9 английских ФЕ) по сравнению с финишем *куда* (goal:

48 белорусских и 51 английских ФЕ) представлен незначительно. На подобную асимметрию направления движения в языке обращали внимание Ф. Бурден [Bourdin 1997], Ч. Филлмор [Fillmore 1966]. В их работах она получила название *goal-bias* ‘уклон в сторону конечного пункта’ или *goal-over-source principle* ‘принцип преимущества цели над источником движения’. Подобная асимметрия может быть обусловлена двумя причинами. В о - п е р в ы х, конечный пункт движения оказывается коммуникативно более значимым, чем начальный [Майсак и Рахилина 1999]. Говорящему всегда важнее сообщить о том, куда перемещается объект, поскольку исходный пункт перемещения известен или легко восстанавливается из контекста методом логического вывода [Icegami 1987]. В о - в т о р ы х, подобная асимметрия обусловлена природой человека, чьи органы зрительной перцепции направлены вперед: человек движется туда, куда смотрит, и не может контролировать то, что находится у него за спиной. Именно поэтому Д. Лайонз предполагает, что конечный пункт движения как цель воспринимается говорящим положительно, а начальный пункт – отрицательно [Lyons 1977, p. 695].

Анализ семантики белорусских и английских единиц, репрезентирующих перемещение объекта к перцептору, показывает, что в белорусской и английской лингвокультурах указание на приближение к перцептору без предупреждения или без приглашения нежелательно и воспринимается им отрицательно (белорус. *нялёгкая нясе / прынесла каго* [СФ 2, с. 116], англ. *what the devil / deuce / dickens brings / has brought someone <here>?* – букв. ‘что за черт несет / принес кого-нибудь <сюда>’ – ‘приближаться, появляться, приходить без приглашения’ [BNC; РАФС, с. 671]). Примеры: *Не паспеў я вярнуцца дадому, як у сяло прыехаў Ліпаў. Ён спыніўся каля Палікарпавай хаты. «Чаго яго* ***прынесла нялёгкая****?» – падумаў я* (А. Якімовіч) [СФ 2, с. 116]; *And now, Oonah, my darling, if you’re so sharp an other people,* ***what the dickens brings you here****?...* (S. Lover. «Legends and Stories of Ireland: Second Series») [BNC] ‘И теперь, Уна, моя дорогая, если ты так резка с другими людьми, **какая нелегкая принесла** тебя сюда?..’. Негативная коннотация ФЕ этой подгруппы усиливается лексемами с семантикой:

1) отрицательных мифологических феноменов, связанных со смертью, болезнью, бедностью, в структуре белорусских ФЕ. Они представлены в табл. 9:

Т а б л и ц а 9

Белорусские фольклорные образы

Образы	Значение	Примеры фразеологизмов
бура / вецер / вятры	Явления природы, которые персонифицируются в народных поверьях или наделяются свойствами демонической сущности [Толстой 2004, с. 357]	*якая бура нясе / прынесла* [СФ 1, с. 155], *вецер нясе / прынёс каго* [СФ 1, с. 190], *якім ветрам <занесла, прынесла>* [СФ 1, с. 461], *які вецер загнаў / занёс, якія вятры загналі / занеслі* [СФ 1, с. 191]

Окончание таблицы 9

ліха	В восточнославянской мифологии персонифицированное воплощение злой доли, горя [Мифология 2003, с. 314]	*ліха гоніць каго* [СФ 1, с. 653], *ліха нясе каго* [СФ 1, с. 654]
халера	Демоническая сущность болезни, от которой люди умирают в больших количествах [Беларускі фальклор 2005, с. 686]	*халера нясе / прынесла* [СФ 2, с. 595]

Английские фразеологизмы с указанием на приближение к перцептору характеризуются отсутствием подобного разнообразия мифологических сущностей;

2) христианских антиподов Бога в структуре английских ФЕ (*devil / deuce / dickens* ‘дьявол’, как во фразеологизме *what the devil / deuce / dickens brings / has brought someone <here>?* [РАФС, с. 671]): *«**What the devil brings you here**?» the viscount enquired of his friend* (J. Langdon) [BNC] ‘«**Какая нелегкая принесла** тебя сюда?» – виконт спросил своего друга’. В некоторых белорусских ФЕ образной основой также выступают отрицательные христианские феномены *нялёгкая*, *нячыстая сіла*, *нячысцік* (*нялёгкая нясе / прынесла* [СФ 2, с. 156], *нячыстая сіла нясе / прынесла* [СФ 2, с. 540], *нячысцік нясе* [СФ 2, с. 163]). Примеры: *[Марыля:] А божачкі! А божачкі! Янук! Мужчынкі! Што рабіць? Прыехала секвестратар за падаткі апісваць, а ў нас жа не ўсё выплачана… Во **нанесла** іх **нялёгкая** сёння, каб іх пярун пабіў* (І. Козел) [СФ 2, с. 116]; *І хто там такі прыехаў?.. Каго там **нячыстая сіла прынесла**?* (Р. Мурашка) [СФ 2, с. 540]; *[1-ы падарожны] А гэта што зноў за праява: каго **нячысцік нясе** так?* (Я. Купала) [СФ 2, с. 163]);

3) темного цвета, как во фразеологизме *darken somebody’s door* – букв. ‘затемнять чью-либо дверь’ – ‘приближаться, приходить без приглашения, быть нежеланным гостем’ [LDEI, p. 86]: ***Never darken my door** again!* [CD] ‘Никогда больше не **приходи** ко мне’.

Активное использование отрицательных образов в белорусских и английских ФЕ обусловливает общую негативную оценку неожидаемого приближения объекта. Вместе с тем образ Бога в некоторых белорусских и английских ФЕ (белорус. *Бог нясе / прынёс* [СФ 1, с. 116], *Бог паслаў* [СФ 1, с. 116], англ. *be a real godsend* – букв. ‘быть настоящим подарком от Бога’ [LDCE, p. 611]) смягчает неодобрительную коннотацию белорусских и английских ФЕ. Это приближение всегда желаемое и воспринимается перцептором в регистре одобрения, как в следующих контекстах: *Цётка Аксіння змаўкае, штосьці думае. Можа, пра Тадзіка. Бо людзям **бог** і ўнукаў **паслаў**, а яна адна ў хаце* (У. Кузьмянкоў) [СФ 1, с. 116]; *This cheque from Sandy **was a real godsend*** [LDCE, p. 611] ‘**Сам бог послал** тот чек от Сэнди’.

Отличительной чертой репрезентации конечного пункта перемещения в белорусской и английской фразеологии является его удаленность, неопре-

деленность, связь с труднодоступными, незаселенными и опасными местами (белорус. *к чорту на рогі* [СФ 2, с. 656–657], англ. *to the middle of nowhere* – букв. ‘в центр никуда’ – ‘очень далеко, в очень отдаленное место’ [CALD]), как в контекстах: *Не хвалюйся! Яны зараз спяць такім сном, што іх саміх можна занесці* ***к чорту на рогі***… (А. Шашкоў) [СФ 2, с. 656–657]; *The train from the Back of Beyond is about to arrive* ***at the Middle of Nowhere*** (A. Newtan) [BNC] ‘Поезд С того света прибудет **К черту на рога**’.

Анализ семантики белорусских и английских ФЕ с семантикой удаления объекта показал, что его исчезновение из поля восприятия перцептора обусловлено наличием в белорусской и английской фразеосистемах реликтов базовых инстинктов человека, одним из которых выступает инстинкт самосохранения – врожденное стремление любого живого существа избежать опасности (белорус. *падмазваць пяткі / пяты* [СФ 2, с. 139], англ. *take to one’s heels* – букв. ‘обращаться к пяткам’ – ‘убежать, смыться’ [LDEI, p. 161]), как в примерах: *[Карнейчык:] Казалі ў горадзе, што панам пара* ***пяткі падмазваць****, нашы наступаць пачалі* (К. Крапіва) [СФ 2, с. 139]; *As soon as they saw the soldiers coming, they* ***took to their heels*** [CID] ‘Как только они увидели солдат, то **падмазали** пятки’.

Когнитивным основанием удаления объекта может выступать невозможность наблюдать его зрением (белорус. *знікаць з вачэй / з воч* ‘переставать быть видимым’ [СФ 1, с. 507–508], англ. *get out of sight* – букв. ‘исчезнуть из поля зрения’ – ‘перестать быть видимым’ [CDEI, p. 168]): *Шэсць чалавек ныраюць у лес і зараз жа* ***знікаюць з вачэй***… (Я. Колас); «***Get out of sight****, or they’ll see you!» called John* [DAIPV] ‘«**Исчезни**, иначе они увидят тебя!» – закричал Джон’.

Исчезновение объекта из поля восприятия перцептора может быть связано с его разрушением или уничтожением (белорус. *ісці / пайсці дымам* ‘исчезать, терпеть крах, окончательно разрушаться, гибнуть’ [СФ 1, с. 529], англ. *go up in smoke* – букв. ‘пойти с дымом’ – ‘исчезать, терпеть крах, окончательно разрушаться, гибнуть’ [PDEI, p. 15]): *Арцём… усё больш пераконваўся, што яму нічога не застаецца, як згадзіцца з Сымонам. Інакш усё* ***пойдзе дымам*** (Э. Самуйлёнак) [СФ 1, с. 529]; *Three hundred tons of freshly harvested hay and straw* ***went up in smoke*** [BNC] ‘Триста тонн свежесобранных сена и соломы **пошли дымом**’.

В английской фразеосистеме объект может исчезать из поля зрения перцептора вследствие невыполнения им денежных обязательств (*a moon light flit* – букв. ‘переезд в свете луны’ – ‘исчезновение, съезд с квартиры без оплаты’ [LDEI, p. 224] и *do a moonlight / lightmoon flit* – букв. ‘переезжать в свете луны’ – ‘съехать с квартиры без оплаты’ [LDEI, p. 224]): *When he discovered the police were after him, he* ***did a moonlight flit*** [CD] ‘Когда он обнаружил, что полиция следит за ним, он **съехал**’.

Вместе с тем некоторые белорусские и английские ФЕ указывают на перемещение в неопределенный конечный пункт по желанию объекта (белорус. *куды вочы нясуць / панясуць* [СФ 1, с. 217], англ. *follow one’s nose* –

букв. ‘следовать за своим носом’ – ‘куда захочется, куда вздумается’ [LDEI, p. 234]). Примеры: *У 1930 годзе Сяргей Крывец разам з братам пакінулі Дубна, пайшлі* ***куды вочы нясуць*** (Р. Шырма) [СФ 1, с. 217]; *The only thing you can do is say ‘yes’ and* ***follow your nose*** [LDEI, p. 234] ‘Единственное, что можно сделать, это сказать «да» и **идти куда глаза глядят**’.

Начальный и конечный пункты перемещения могут быть многовекторными: белорус. *з усіх бакоў* ‘отовсюду’ [СФ 1, с. 98], англ. *from all sides* (букв. ‘со всех сторон’) ‘отовсюду’ [LDEI, p. 298], белорус. *на ўсе чатыры <бакі, стараны>* [СФ 1, с. 98], англ. *to the four winds* (букв. ‘на четыре ветра’) ‘в любое место, куда угодно’ [CDAI]: *Ты мо сюды адпачываць? – Ды не, бягу! Я жду бяды* ***з усіх бакоў*** (К. Крапіва) [СФ 1, с. 98]; *Bad news for the party comes* ***from all sides*** («The Economist») [BNC] ‘Плохие новости для партии приходят **со всех сторон**’; *...Ужо колькі разоў ён гаварыў Надзі, што кіне-рыне ўсё і* ***пойдзе на ўсе чатыры*** (У. Кузьмянкоў) [СФ 1, с. 98]; *At Marienburg the Orcs fought a massive and bloody sea battle against the Empire fleet, sending half the Imperial ships to the bottom of the sea and scattering the rest* ***to the four winds*** [BNC] ‘В Мариенбурге орки вели масштабную и кровавую морскую битву против флота империи, отправив половину императорских кораблей на дно моря и разбросав их остатки **на все четыре стороны**’.

Направление перемещения в белорусской и английской фразеосистемах – не только физическая характеристика, поскольку белорусские и английские фразеологизмы этой подгруппы репрезентируют различные пути, которыми проходит индивидуум в процессе своей социализации. Социализация – «процесс усвоения человеческим индивидом определенной системы знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества» [БЭС]. Белорус. *павылятаць з гнязда* [СФ 2, с. 137] и англ. *fly / leave the nest* [CCDI, p. 273–274] со значением ‘уйти из дома и стать самостоятельным в жизни’ – путь детей к становлению самостоятельными и полноправными членами общества: *Дзеці рана* ***павыляталі з*** *бацькоўскага* ***гнязда****, не вярнуць* (В. Быкаў. «Знак бяды») [БПНКРЯ]; *One day the children are going to* ***fly the nest*** *and have their own lives* [CCDI, p. 273–274] ‘Однажды дети покинут отчий дом и начнут свою собственную жизнь’. Белорус. *вылятаць у вырай* ‘покинуть дом родителей и пойти в дом мужа’ [ФСМТЯК, с. 107] – путь женщины в дом мужа: ***Вылятае ў вырай****, і прыходзіць ёй часіна аб сваёй другой айчыне пагадаці шчыра* (Я. Колас) [ФСМТЯК, с. 107]. Белорус. *на старану* [СФ 2, с. 453] со значением ‘куда-нибудь, в иное отдаленное место идти, ехать’ – путь жителя деревни или маленького городка в город, где есть работа и, соответственно, источники доходов: *Ад нас калі чалавек* ***ішоў на старану****, то выбіваўся ў людзі* (М. Лупсякоў) [СФ 2, с. 453].

Вместе с тем в процессе социализации человек остается индивидуумом с определенным личным пространством, нарушение которого воспринимается им негативно. В подгруппе ‘направление перемещения от говорящего’ выделяется подгруппа белорусских и английских ФЕ, в значении

которых актуализируется сема ‘отсылка адресата для освобождения личного пространства говорящего’ [Сабурова 2003, л. 80]. Подобные идиомы сочетаются с глаголами перемещения в форме императива и не употребляются автореферентно в дескриптивном контексте. Например, белорус. *ідзі да д’ябла* и англ. *go to hell* нельзя употреблять в высказываниях типа **Ён хадзіў да д’ябла*, **He went to hell*: *…А так усе яны – і Лёшка, і Люся, і іншыя, хто заадно з ім, – няхай яны ідуць* ***да д’ябла*** (В. Быкаў) [СФ 1, с. 414]; *I just stared at him and said, «**Go to hell**, Preacher»* (М. Ноу) [BNC] ‘Я просто уставился на него и сказал: «**Иди к черту**, проповедник»’.

Английской национально-специфической характеристикой является направление движения по запаху. Английский фразеологизм *follow one’s nose* – букв. ‘следовать за своим носом’ – имеет значения ‘идти прямо вперед, в направлении носа’ и ‘двигаться в направлении источника запаха’ [DAIPV]: *The chief’s office is right around the corner. Turn left and* ***follow your nose*** [DAIPV] ‘Головной офис находится как раз **за углом**. Поверните налево и **идите по запаху**’. В белорусской фразеосистеме направление движения определяется с помощью зрения, что не свойственно английским ФЕ с семантикой ‘направление перемещения’: белорус. *куды вочы нясуць / панясуць* [СФ 1, с. 217], *куды вочы глядзяць* [СФ 1, с. 217], *за вачыма бегчы* [СФ 1, с. 182], *у свет вочы* [СФ 2, с. 376] со значением ‘соответственно желаниям, куда захочется, куда вздумается’. Пример: *– Куды вы ідзяце? Скажыце праўду. – **Куды вочы глядзяць**, я ўжо сказаў вам* (Р. Мурашка) [СФ 2, с. 376].

Для носителей английского языка важен не только путь перемещения до объекта указания, но и возможность его преодоления за максимально короткий промежуток времени: англ. *across lots* (букв. ‘через участок земли’) ‘напрямик, пойти кратчайшим путем’ [НАРС, с. 431], англ. *as the crow flies* (букв. ‘как летит ворон’) ‘по прямой линии, прямо’ [LDEI, p. 69], англ. *cut corners* (букв. ‘срезать углы’) ‘пойти кратчайшим путем’ [ODCIE 2, p. 127]. Примеры: *The distance between Avonmouth, near Bristol, and Poole in Dorset is only 65 miles* ***as the crow flies*** («Daily Telegraph») [BNC] ‘Расстояние между Айванмаутом, что недалеко от Бристоля, и Пул в графстве Дорсет всего 65 миль **по прямой**’; *He drives himself to a lot of race meetings, a fast,* ***corner-cutting*** *driver in his big Mersedes* [ODCIE 2, p. 127] ‘Он – водитель, который любит быструю езду **по прямой** и принимает участие в многочисленных гонках на большом «Мерседесе»’.

Перемещение от ориентира к другому ориентиру *откуда / куда* представлено 13 белорусскими и 14 английскими ФЕ. Этот тип предусматривает два пункта движения – исходный и конечный. Если пункты не названы, реализуется сема ‘направление’: белорус. *<і> туды і сюды* [СФ 2, с. 535–536], *сюд-туд / туд-сюд* [СФ 2, с. 491], *сюды-туды / туды-сюды* [СФ 2, с. 491–492], *то туды то сюды / то сюды то туды* [СФ 2, с. 536] и англ. *hither and thither* (букв. ‘туда и сюда’) [ODCIE 2, p. 285] имеют значение ‘в разные стороны, в разных направлениях; то в одну сторону, то в другую (*хадзіць, бегаць* и т.п.)’. Контексты: ***Хадзіў*** *Андрэй* ***туды-сюды*** *па калідоры…*

(А. Марціновіч) [СФ 2, с. 491–492]; *The entire household running* ***hither and thither***, *gathering belongings; women screaming*... (T. Hayden) [BNC] ‘Вся семья бегала **туда-сюда**, собирая пожитки, женщины кричали...’. Эти ФЕ обозначают разновекторное перемещение при глаголах *хадзіць*, *бегаць*, англ. *go*, *run* и т.п. Оно может осуществляться как в континуальном, так и в ограниченном пространстве. Стержневыми компонентами при этом выступают местоимения с дейктической семантикой: белорус. *сюд / сюды*, *туд / туды*, англ. *hither* ‘сюда’, *thither* ‘туда’. В подобных ФЕ говорящий и наблюдатель – это один и тот же индивидуум, который организует пространство вокруг себя на основе противопоставления *я – не я* в виде оппозиции ближнего и дальнего дейксиса [Апресян 1986, с. 8]. Если исходный и конечный пункты названы, актуализируется сема ‘границы перемещения’: белорус. *ад / з краю да краю* [СФ 1, с. 600], *з краю ў край* [СФ 1, с. 600], *з канца ў канец* [СФ 1, с. 551], *з кута / вугла ў кут / вугал* [СФ 1, с. 627], *у абодва / два канцы* [СФ 1, с. 552], англ. *from end to end* – букв. ‘из конца в конец’ [АН], *from corner to corner* – букв. ‘из угла в угол’ [BNC]. Данные белорусские и английские идиомы применяются для актуализации трассы бесцельного перемещения объекта указания в ограниченном или закрытом пространстве. Его субъектами выступают одушевленные существа (люди, животные): *Паўлоўскі сам сланяўся* ***з кута ў кут****, чакаючы Наталі, каб разам палуднаваць* (К. Чорны) [СФ 1, с. 627]; *He ran* ***from end to end*** *of the yard*... (G. McCaughrean) [BNC] ‘Он бегал **из конца в конец** двора...’. В белорусской фразеосистеме субъектами перемещения с указанием на его пределы могут быть и абстрактные понятия: *Маладосць* ***з краю ў край*** *мяне весела кідала*... (П. Панчанка) [СФ 1, с. 600].

Перемещение от / к перцептору обычно осуществляется в горизонтальной плоскости, как в следующих контекстах: *Па пляцоўцы за яго плячыма* ***ўзад і ўперад*** *хадзілі вартавыя* (Э. Самуйлёнак) [СФ 2, с. 554]; *She was driving* ***back and forth*** *– that is, we can assume she was* (E. S. Gardner. «The Case of the Daring Divorcee») ‘Она постоянно ездила **туда и обратно**, во всяком случае, это можно предположить’ [АПНКРЯ]. Вместе с тем перемещение из одного пункта в другой может осуществляться в горизонтальной и вертикальной плоскостях одновременно. Так, белорус. *уздоўж і поперак* [СФ 2, с. 554] и англ. *the length and breadth of something* (букв. ‘длина и ширина чего-либо’) [ODCIE 2, p. 346] указывают на целенаправленное перемещение в континуальном и открытом пространстве в разных направлениях, в результате чего оно становится познанным и знакомым: *За колькі год свайго леснікоўства* [Нупрэй] *абышоў і аблазіў дзясяткі вёрст* ***уздоўж і поперак*** (В. Макарэвіч) [СФ 2, с. 554]; *They dogged him* ***the length and breadth*** *of the country*... (R. Long) [BNC] ‘В поисках него они перерыли всю страну **вдоль и поперек**...’.

Наряду с направлением перемещения по горизонтали и горизонтали – вертикали в английской лингвокультуре движение откуда / куда может осуществляться и в вертикальной плоскости. Английские ФЕ *up and down the country / land* [ODCIE 2, p. 572] (букв. ‘вверх и вниз страны’) и *up hill and*

down dale [CID] (букв. ‘вверх по холму и вниз по долине’) со значением ‘в разных направлениях’ основаны на образе объекта, движущегося не по горизонтали, а вверх и вниз – по вертикали: *The man carried his basket of goods* ***up hill and down dale*** [CID] ‘Мужчина нес корзину с товаром **по горам**, **по долам**’.

Таким образом, фразеологическая репрезентация кинетического аспекта пространственного дейксиса в сопоставляемых языках характеризуется образной связью с инстинктом самосохранения, исчезновением объекта из поля зрения перцептора, его разрушением или уничтожением. Английскими национально-специфическими чертами выступают способность отслеживания траектории движения объекта обонянием, его перемещение в вертикальной плоскости и исчезновение из поля зрения перцептора по причине невыполнения им денежных обязательств. В белорусской фразеосистеме направление движения определяется преимущественно зрением в горизонтальной плоскости.

2.3. МИКРОПОЛЯ ТЕМПОРАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА

Время, существуя в сознании человека в виде определенной шкалы – временной оси, на которой в линейной последовательности локализуются действия, события, явления относительно некоторой точки отсчета, получает репрезентацию в языке через темпоральность. Темпоральность – это семантическая категория, отражающая «восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отсчета» [Бондарко 1990, с. 5]. Американский философ Х. Рейхенбах сделал предположение о неспособности только одной координаты – момента речи (speech time) – объяснить многообразие английских временных форм глагола. Поэтому автор вводит в свои теоретические построения вторую, отличную от момента продуцирования высказывания, *точку соотнесения* (point of reference) [Reichenbach 1947]. В результате центрами могут выступать время данной речи (speech time), время события (event time) и точка отсчета во времени (reference time): 1) *Петя читает роман* – совмещение всех трех временных точек; 2) *Петя читал роман* – предшествование времени события точке отсчета, совпадающей со временем речи; 3) *Когда я пришел, Петя уже прочитал роман* – нетождественность всех трех точек [Апресян 1986]. Такой подход позволяет дать определение *темпорального дейксиса* как указания на время и временной порядок событий, действий, явлений окружающего мира относительно момента речи в канонической речевой ситуации и относительно иной точки отсчета в воспроизведенной речевой ситуации.

В сопоставляемых языках микрополе темпорального дейксиса (МТД), представляет собой полицентрическое образование с микрополями предшествования (МП), одновременности (МО) и следования (МС) и конституируется:

а) лексически – наречиями (белорус. *сёння*, англ. *today*), прилагательными (белорус. *наступны*, англ. *next*), глаголами (белорус. *прадчуваць*, англ. *anticipate* ‘предчувствовать’), существительными (белорус. *паслядзеянне*, англ. *afterglow* ‘послесвечение’), фразеологизмами (белорус. *тут як тут*, англ. *on the spot*);

б) морфологически – префиксами с относительным временным значением, которые вместе с производной основой как точкой отсчета образуют дериваты с семантикой временной соотнесенности действия или события (белорус. *да-*, *пры-*, *прад-*, англ. *pre-*, *fore-*, *co-*): белорус. ***да**тэрміновы*, ***пры**шласць*, ***прад**чуванне*, англ. ***pre**determination* ‘предопределение’, ***fore**see* ‘предчувствовать’, ***pre**war* ‘довоенный’, ***co**exist* ‘сосуществовать’.

в) грамматически – видо-временными формами глагола.

Тематическая структурация микрополей темпорального дейксиса, представленная на рис. 4 (см. с. 32), включает следующие подгруппы:

1) предшествование:
   а) с указанием отдаленности: *давно*, *недавно*;
   б) без указания отдаленности;
2) одновременность;
3) следование:
   а) с указанием отдаленности: *скоро*, *нескоро*;
   б) без указания отдаленности.

2.3.1. Наречия

Темпоральные наречия (29 белорусских и 26 английских единиц) имеют наибольший удельный вес по сравнению с другими лексико-грамматическими группами слов. Они характеризуются сочетанием субъективного и объективного указания в их семантике: например, в семантике наречия *сёння* ‘в этот день’ [ТСБМ] взаимодействуют назывная (‘часть суток, время от восхода до заката солнца, с утра до вечера’) и дейктическая функции (указание на отношение данного периода времени к моменту речи – одновременность, выраженная в словарной дефиниции лексемой *этот*). Полными дейктиками являются наречия с ориентацией относительно момента речи *цяпер*, *зараз*, *now* ‘сейчас, в этот момент’, *тады*, *then* ‘в то время, в тот момент в прошлом или будущем, не сейчас’, *тут* ‘в это время, в этот момент’: *Усе* ***цяпер*** *на копцы бульбы*, *Дораг* ***зараз*** *кожны дзень* (П. Панчанка) [ТСБМ]; *Малая, шчупленькая, дзіця яшчэ была* ***тады*** *Волька* (Л. Калюга); *А* ***тут*** *якраз і гаспадыня, надзеўшы сукню для гасцей*, *Шыбуе важна, як гусыня, І ветласць сыплецца з вачэй* (Я. Колас) [ТСБМ]; ***Now*** *I am quite happy* (J. Austen. «Pride and Prejudice») [АПНКРЯ] ‘**Теперь** я по-настоящему счастлива!’; *I was only Crown Prince* ***then***. *I was young* (A. Conan Doyle. «A Scandal in Bohemia») ‘– **Тогда** я был всего лишь кронпринцем. Я был молод’ [АПНКРЯ].

2.3.2. Частицы

Частицы в белорусском языке могут указывать не только на пространственные, но и на темпоральные параметры речевого события для актуализации одновременности / неодновременности с точкой отсчета. Как полагает Т. Н. Николаева, указательные частицы *вот* и *вон* в максимальной степени проявляют себя во времени Praesens historicum. Эта форма обозначает ситуацию, «которая имела место в прошлом, но которая происходит как бы на глазах говорящего и создает "эффект присутствия"» [ЛЭС] – «дейксис издалека» [Николаева 2008, с. 324]: *І* ***вось*** *я* ***бачу****, як гэта самая жонка моршчыцца* ***пачынае****,* ***не падабаецца*** *ёй, што я з голай галавою* (Л. Дайнека. «След ваўкалака») [БПНКРЯ]. Также они могут указывать на начало эпизода или нарративные ситуации, представляемые говорящим: *І* ***вот*** *прыходзіць аднойчы французскі крэйсер «Парыж»* (Я. Брыль. «Ніжнія Байдуны») [БПНКРЯ]. В английском языке отсутствие подобных частиц компенсируется семантикой Present Simple для создания эффекта присутствия: *Then the murderer was alone with her helpless victim, the fat piglet, and* ***I see*** *her pounce upon the innocent creature and eat it up* (L. F. Baum. «Dorothy and the Wizard in Oz») 'Наконец убийца остается наедине с беспомощной жертвой, жирненьким поросеночком – и **вот я вижу**, как он набрасывается на невинную крошку и пожирает ее' [АПНКРЯ].

Указательные частицы *вот* и *вось* употребляются для выделения центра кульминации при описании последовательного развития событий, после чего наступает развязка: *Ён наступіў нагою на крыж, усміхнуўся: –* ***Вось*** *і ўсё. І няма твайго крыжа, дзікун* (Л. Дайнека. «Меч князя Вячкі») [БПНКРЯ]. В английском языке для этого используется указательное местоимение *that*: *Thank you very much, Miss.* ***That's all*** (E. Hemingway. «Farewell to Arms») 'Большое вам спасибо, мисс. **Вот и все**' [АПНКРЯ].

При переходе из плана настоящего в план прошедшего у частицы *вон* (*вунь*) ослабляется дейктичность. Она приобретает иллюстративный характер (*Я* ***вунь*** *вяртаўся ў Верамейкі з Арлоўшчыны, дык нагледзеўся – іхнія ўвесь час вісяць над дарогамі, бамбяць ды страляюць з кулямётаў, а нашых часцей і блізка няма, добра, калі артылерысты зеніткамі адгоняць* (І. Чыгрынаў. «Апраўданне крыві») [БПНКРЯ]) и употребляется для выражения итеративности как многократности, повторяемости действия (*А пакгаўз я ведаю, як свой вагон, мы* ***вунь*** *колькі разоў туды лазілі галубоў ганяць…* (М. Лынькоў. «Міколка-паравоз») [БПНКРЯ]. В английском языке для передачи итеративности действия используется наречия неопределенной частотности наподобие *always* 'всегда', *usually* 'обычно', *often* 'часто': *I have* ***always*** *gone to his little parlour, since that night; because his father returned the day after* (E. Brontë. «Wuthering Heights») 'С этого вечера я **всегда** приходила к нему в его маленькую гостиную, потому что на следующий день вернулся его отец' [АПНКРЯ].

2.3.3. Прилагательные

Темпоральный дейксис эксплицируется белорусскими и английскими прилагательными с:

1) субъективной ориентацией – относительно момента речи (белорус. *цяперашні*, англ. *present* ‘существующий теперь и имеющий отношение к современности’): *А якія цяжкасці перамаглі! Хіба* ***цяперашнія*** *маладыя ведаюць што-небудзь падобнае?* (К. Крапіва) [ТСБМ]; *«Computer», said Zaphod, «tell us again what our* ***present*** *trajectory is»* (D. Adams. «The Hitchhiker’s Guide to the Galaxy») ‘– Компьютер, – сказал Зафод, – скажи нам еще раз наш **нынешний** курс’ [АПНКРЯ];

2) объективной ориентацией – относительно другой точки отсчета (белорус. ***да****ваенны*, ***су****месны*, ***пасля****ваенны*, англ. ***pre****war*, ***со****operative*, ***post****war*): *Васюкоў, былы камандзір партызанскага атрада, былы* ***(даваенны)*** *і цяперашні старшыня Ружэвіцкага сельсавета* (Г. Далідовіч. «Жывы покліч») [БПНКРЯ]; *Вунь колькі год мінула, а ўсё ж не забываюцца тыя сустрэчы ў вулачцы і* ***сумесны*** *паход у поле* (М. Лупсякоў) [ТСБМ]; *Я часта прыгадваю далёкую,* ***паслявaенную*** *вясну* (М. Ракітны) [ТСБМ]; *This is from an old (or, as Mr Goodman would say,* ***prewar****) Jerome K. Jerome book* (V Nabokov. «The real Life of Sebastian Knight») ‘Это из старой (как сказал бы г-н Гудмэн, «**довоенной**») книги Джерома К. Джерома’ [АПНКРЯ]; *The work is the result of a* ***cooperative*** *venture of approximately 80 physicists from around the world* [CD] ‘Работа является результатом **совместного** предприятия примерно 80 физиков со всего мира’; *The* ***postwar*** *Top models all had state-of-the-art smoke scrubbers on their smokestacks, so people in Scipio, unlike the people living near Auschwitz, never knew that they had a busy corpse carbonize in the neighborhood* (K. Vonnegut. «Hocus Pocus») ‘**Послевоенные** модели крематориев Топфа были снабжены поглотителями дыма, так что жители Сципиона так и не догадывались о том, что рядом работает весьма продуктивная установка для превращения трупов в дым’ [АПНКРЯ].

2.3.4. Существительные

Темпоральный дейксис репрезентируется 27 белорусскими и 50 английскими существительными, производными от глаголов и прилагательных с:

1) субъективной ориентацией (белорус. *учора*, англ. *yesterday* ‘предыдущий, прошлый день’): ***Учора*** *не дагоніш, ад заўтра не ўцячэш* (пословица); ***Yesterday*** *being Sunday, Reverend Father, we weren’t required to keep silent, and at recreation I just answered the fellows’ questions* (W. M. Miller, Jr. «A Canticle For Leibowitz») ‘– **Вчера** было воскресенье, преподобный отец, нам не нужно было хранить молчание, и во время отдыха я только отвечал на вопросы братьев’ [АПНКРЯ];

2) объективной ориентацией, когда дейктический компонент осложнен назывным. Например, префикс *пярэд-* со значением ‘предыдущий’ в лексеме

***пярэд**адзень* ‘время, предшествующее какому-нибудь событию, явлению, дате’, ***pre**view* ‘предварительный просмотр’: ***Пярэдадзень** Вялікай французскай рэвалюцыі азнаменаваўся дзейнасцю філосафаў-асветнікаў* (Ю. Пшыркоў) [ТСБМ]; *A **preview** of its seventual tribulations in the catalogues of public libraries could not have deterred me* (V. Nabokov. «Look at the Harlequins!») ‘**Предвидение** ее возможных мучений в каталогах публичных библиотек меня не остановило’ [АПНКРЯ].

2.3.5. Фразеологизмы

Темпоральный дейксис репрезентируется 49 белорусскими и 52 английскими фразеологическими единицами, относящими действие или событие:

1) к прошлому с указанием отдаленности от точки отсчета:

а) давно (*за дзедам шведам* [СФ 1, с. 372], *in days of yore* ‘когда-то в прошлом, давно’ [CED]): *Шыкілёўскі млын быў стары, мусіць, пабудаваны яшчэ **за дзедам шведам*** (І. Новікаў) [СФ 1, с. 372]; *This was once a Roman road **in days of yore*** [CD] ‘**Когда-то** это была римская дорога’;

б) недавно, незадолго до (*перад тварам* [СФ 2, с. 513]; *in the face of* [CD] ‘непосредственно перед наступлением, приближением чего-нибудь’): *Coaequatio iurium – ураўнаванне правоў Літвы і Беларусі з каронаю – гэта было ўраўнаванне ўсіх **перад тварам** галоднай смерці* (У. Караткевіч) [БПНКРЯ]; *They are sworn to secrecy. Even **in the face of** death* (D. Brown. «The Da Vinci Code») ‘Они дали клятву хранить тайну. Молчать даже **перед лицом** смерти. – Вот именно, – сказал Лэнгдон’) [АПНКРЯ];

в) без указания отдаленности от точки отсчета (*за плячамі* ‘про пережитое’ [СФ 2, с. 229], *under one’s belt* [CD]: *Наперадзе бязмежны абсяг Дзвіны, чайкі, людскія ўсмешкі. **За плячамі** – сцяна, гісторыя, продкі… Паклон табе, родная зямля!* (Л. Дайнека. «Меч князя Вячкі») [БПНКРЯ]; *Now that you’ve got the required courses **under your belt**, you can take some electives* [CD] ‘Теперь, когда у вас есть необходимые курсы **за плечами**, вы можете взять какие-нибудь факультативы’).

Некоторые ФЕ (*закідваць наперад* [СФ 1, с. 449], *забягаць наперад* [СФ 1, с. 432], *nip on ahead* [ERDGL], *глядзець* (*заглядаць*) *<далёка> наперад* [СФ 1, с. 306], *look ahead* [CD], *як у ваду глядзеў* (*-ла*, *-лі*) [СФ 1, с. 306], *have a crystal ball* [FDI]) наряду с семантикой предшествования репрезентируют способность человека интуитивно предсказывать определенные события своей жизни с извлечением для себя пользы или выгоды, что сопровождается положительной коннотацией, как в следующих контекстах: *Як не дапамагчы суседу. **Закінеш наперад**, як знойдзеш* (І. Гурскі) [СФ 1, с. 449]; *Шаўкун, таксама брыгадзір, кладзе дрэнаж, але не на Жоўніцкім урочышчы, а недзе на сырых імхах. Брыгада яго часам **забягае наперад** Андрэевай.* (М. Воранаў) [СФ 1, с. 432]; *[Ева і Рыгор] паспелі ўжо шмат разоў перагаварыць і **заглянуць наперад**: а якая там хата будзе, дзе ім прыйдзецца жыць, і як яно ўсё пойдзе* (К. Чорны) [СФ 1, с. 307]; *Яечкаў*

колькі зберагла, нібы ведала... Раптам, думаю, госць які з'явіцца. І на табе, ***як у ваду глядзела****, – з'явіўся…* (І. Мележ) [СФ 2, с. 306]; *Unless we* ***have a crystal ball*** *that can tell us the future with absolute certainty, it will be difficult to hold a State responsible for not acting against a crime that has yet to be committed* 'Если мы не научимся **предсказывать** будущее с абсолютной точностью, будет непросто привлечь государство к ответственности за бездействие в ситуации, когда может совершится преступление' [ReversoContext];

2) к настоящему с указанием одновременности с точкой отсчета (*сённяшні дзень* 'современность, настоящее' [СФ 1, с. 375], *as of today* [FDI]: *Пісьменнік падкрэслівае непадзельнасць, цесную пераплеценасць праблем* ***сённяшняга дня*** [СФ 2, с. 375]; *That's how we stand,* ***as of today*** 'Вот, что мы имеем **на сегодняшний день**' [RiversoContext].

По мнению американского исследователя Э. Холла, временные параметры знаковой системы коммуникации определенного языкового сообщества предопределяют его отнесение к монохронному или полихронному типу культуры [Hall 1966]. Согласно автору, в странах монохронной культуры (США, Англии, Германии, государствах Скандинавии) время понимается как линеарная система (прошлое – настоящее – будущее). Эта система жестко регулирует поведение людей, отношения между ними и регламентирует занятие только одним видом деятельности в определенный период времени. Анализ фактического материала показал, что белорусская лингвокультура, в сравнении с английской, относится к полихронному типу, когда внимание индивидуума может быть сфокусировано на выполнении нескольких действий одновременно (*за адным заходам* [СФ 1, с. 474], *за адным махам* [СФ 2, с. 26], *за адным разам* [СФ 2, с. 295], *за адным швом* [СФ 2, с. 668], *at / in one go* [FDI]): *– Пасілкуешся з дарогі, і пагаварым* ***за адным заходам*** (А. Пальчэўскі) [СФ 1, с. 474]; *А то някепска было б* ***за адным махам*** *знесці і мой домік* (У. Шахавец) [СФ 2, с. 26]; *Слухай, тата, забяры мяне, а? Хоць адным вокам на тваю кампанію зірну. Ды і павячэраю* ***за адным разам****?* (І. Ласкоў) [СФ 2, с. 295]; *Бронік Літавар гаварыў, што збіраецца на кірмаш: павязе прадаваць цяля і* ***за адным****, як кажуць,* ***швом*** *мог бы падвезці каго-небудзь у Дварчаны* (В. Адамчык) [СФ 2, с. 668]; *You want the next two shipments* ***in one go****?* 'Вы хотите следующие две поставки **за один раз**?' [RiversoContext]; *We'll never be able to carry all these boxes out* ***at one go*** [FDI] 'Мы не сможем вынести все эти коробки **одним махом**'. Однако выполнение нескольких действий одновременно не всегда приводит к положительному результату и оценивается негативно. Это отражено в семантике белорус. *пагнацца за двума зайцамі* [СФ 2, с. 129] и англ. *try to kill two birds with one stone* [АН] 'добиваться двух разных целей одновременно': *Сама ты ва ўсім вінавата, бо* ***пагналася за двума зайцамі*** («Маладосць») [СФ 2, с. 129]; *«I perceive» said Jolyon, «that you are trying* ***to kill two birds with one stone****»* (J. Galsworthy. «To Let») '– Я вижу, – сказал Джолион, – ты хочешь **убить двух зайцев** сразу' [АПНКРЯ];

3) к будущему:

а) с указанием отдаленности событий после точки отсчета:

• скоро (*вось-вось* ‘в ближайшее время’ [СФ 1, с. 211], *any minute* [FDI]: ***Вось-вось*** *ужо будзе рака, і чаўны, і шлях да Нёмана, а там – да свабоды* (У. Караткевіч. «Чорны замак Альшанскі») [БПНКРЯ]; *Hurry up! He’ll be back* ***any minute*** *now* [FDI] ‘Поторопись! Он сейчас **вот-вот** будет через минуту’);

• нескоро. В ФЕ этой подгруппы (*на разбор шапак* [СФ 2, с. 297], *на шапачны разбор* [СФ 2, с. 297], *к шапачнаму разбору* [СФ 2, с. 298], *at the tail end* (*of a party <a meeting, etc.>*) [CD], *у свіныя галасы* [СФ 1, с. 292], *размахваць пасля бойкі кулакамі* [СФ 2, с. 26], *wise* (*bold*) *after the event* [CD], *it’s no use locking the barn door after the horse is gone* (*stolen*) [АН]) семантика последовательности ‘нескоро, под самый конец чего-нибудь’ осложнена семой несвоевременности и сопровождается негативной коннотацией, как в следующих контекстах: – *Прывет, хрэснічак! Ты чаго прыходзіш* ***на разбор шапак****? Памог бы бацьку свайго залатаць* (І. Шамякін. «Вазьму тваю боль») [БПНКРЯ]; *Тады Чубар сказаў, але ўжо нібыта ў злосці: –* ***На шапачны разбор****, лічы, прыйшоў!.. Зазыба пацёр левай далонню кончык шырокага носа, наморшчыў няголены твар* (І. Чыгрынаў) [ТСБМ]; *Паспяшайся, Шчарбацюк! – суха сказаў камандуючы. – А то паспееш – к* ***шапачнаму разбору****!..* (І. Мележ) [ТСБМ]; *Уставай. Заўсёды* ***ў свіныя галасы*** *выбіраемся…* (В. Карамазаў) [СФ 2, с. 292]; *[Шыгачоў] быў з тых людзей, якія не* ***размахваюць пасля бойкі кулакамі*** (І. Шамякін) [СФ 2, с. 26]; *In retrospect, we should have insisted on checking his calculations, but its easy to* ***be wise after the event*** [CD] ‘Оглядываясь назад, мы должны были настоять на проверке его расчетов, но **после драки кулаками не машут**’; *After the burglary they installed an alarm system, but* ***it’s locking the barn door*** [CD] ‘После кражи со взломом была установлена сигнализация, однако **после драки кулаками** не машут’;

б) без указания отдаленности от точки отсчета. ФЕ этой подгруппы *калі* (*як*) *рак <на гары> свісне* [СФ 2, с. 307], *пасля дожджыку* (*дожджычку*) *у чацвер* [СФ 1, с. 385], *на грэчаскія календы* [СФ 2, с. 540], *на святыя ніколі* [СФ 2, с. 100], *на святыя нігды* [СФ 2, с. 99], *віламі па / на вадзе пісана / пісаны* [СФ 2, с. 220]), *when hell freezes over* [CD], *till the sky falls*, *on a cold day in hell* (*in July*) [FDI], *when pigs might fly* [CD], *when* (*not until*) *the cows come home* [АН] с семантикой ‘никогда или неизвестно, когда что-то будет, произойдет’ указывают на неопределенность будущего времени, связанного с догадкой, интуицией. Яркая образность этих единиц, построенная на алогичности – факте или мысли, нарушающих законы и правила мышления, – усиливает их экспрессивность и эмотивность: *Толькі калі гэта будзе?* ***Калі рак на гарэ свісне?*** (Л. Левановіч) [СФ 2, с. 307]; *– А я з табой, толькі з табой. – Са мной* ***пасля дожджыку ў чацвер*** (В. Казько) [СФ 1, с. 385]; *– Пазыч сто рублёў. – А аддасі калі?* ***На грэ[ча]скія календы****?* (Я. Васілёнак) [СФ 2, с. 540]; *– Калі выйдзе твой зборнік?* ***На святое ніколі*** (А. Цяжкі)

[СФ 2, с. 100]; – *Пацярпі, некалі сходзім.* – ***На святыя нігды****?..* (У. Дамашэвіч) [СФ 2, с. 99]; *You badgers would have us wait till* ***the sky falls*** (C. S. Lewis. «The Chronicles of Narnia. Prince Caspian») ‘Вы, барсуки, хотите заставить нас ждать до тех пор, пока **рак на горе свистнет**’ [АПНКРЯ]; *Let me know* ***when hell freezes over*** ‘Заеду, как **только рак на горе свистнет**’ [RiversoContext].

Гипотетическое будущее может быть опасным и враждебным, поэтому говорящий считает своим долгом предупредить и предостеречь адресата о потенциальной опасности. Это отражено в семантике ФЕ *таго і глядзі* [СФ 2, с. 501] и *чаго добрага* [СФ 2, с. 637] со значением ‘может случиться что-нибудь неожиданное и неприятное’: ***Таго і глядзі****, Чырвоная Армія вернецца* (І. Чыгрынаў) [ТСБМ]; – *Во чорт! – вылаяўся Антон, услухоўваючыся ў неда-лёкія, на ўзлеску, галасы паліцаяў, – яшчэ,* ***чаго добрага****, кінуцца па слядах* (В. Быкаў. «Пайсці і не вярнуцца») [БПНКРЯ].

Проведенный сопоставительный анализ темпоральных дейктических белорусских и английских фразеологизмов показал, что в их семантике на первый план выходит не столько указание на структуру временной организации действительности – предшествование (прошлое), одновременность (настоящее) и следование (будущее), сколько аксиологическая значимость этой категории для носителей сопоставляемых языков: негативная оценка несвоевременного прошлого и гипотетического будущего и положительная коннотация полихронного настоящего как возможности выполнять несколько действий одновременно.

Белорусскими национально-специфическими особенностями фразеологической актуализации темпорального дейксиса является растяжимость времени, его текучесть – *fluid concept of time* (белорус. *шмат вады сплыло / сплыве* ‘давно’ [СФ 2, с. 601]: *Як даўно тое было.* ***Колькі вады сплыло*** *з таго часу* (У. Кузьмянкоў) [СФ 2, с. 601]) и значительная степень неопределенности будущих событий (*віламі па / на вадзе пісана / пісаны* ‘неизвестно, осуществится ли что-нибудь’ [ТСБМ]: – *Мне здаецца, Міша, рана яшчэ рабіць такія вывады: усё можа змяніцца, змяніцца ў лепшы бок. – Ну, гэта, друг ты мой,* ***віламі на вадзе пісана****, – панура адказаў Міхайла Іванавіч* (Я. Колас) [СФ 2, с. 302]). Для англоязычной культуры характерна концепция точного времени – *fixed concept of time*, где время – ценный ресурс, который можно компенсировать (*make up for lost time* [CD] ‘делать что-либо быстро из-за потерянного ранее времени’: *Now we can* ***make up for lost time*** ‘А теперь будем наверстывать упущенное’ [RiversoContext]), продать (*sell time* [CD] ‘предоставлять за плату возможность выступить по радио и телевидению’: *Organisations* ***sell*** *advertising* ***time*** *in the air of the channels belonging to U.A.* ‘Организации продают рекламное время в эфире каналов, входящих в состав U.A.’ [RiversoContext]) либо купить (*hire one’s time* [CD] ‘платить нанимателю за разрешение использовать свое время’) с возможностью изменения

будущего и его планирования (*ahead of time* ‘загодя’ [CD]: *I think I should tell you* ***ahead of time*** *I get 200 dollars* ‘Я думаю, следует сказать тебе **загодя**, я беру 200 долларов’ [RiversoContext]).

2.3.6. Глаголы

Темпоральный дейксис репрезентируется 33 белорусскими и 23 английскими глаголами. Для них характерен объективный тип ориентации (белорус. *супасці*, англ. *coincide* ‘произойти одновременно с чем-нибудь’). Корневая морфема называет действие, препозитивная морфема модифицирует значение глаголов во временном плане. Например, префиксы *прад-* и *fore-* со значением предшествования уточняют значение глаголов *бачыць* и *see* ‘познать органами зрения’ (белорус. ***прад****бачыць*, англ. ***fore****see* ‘предугадать то, что должно произойти’): *Гэта ж я вінаватая. Гэта я не дазволіла Аляхну аддаць табе Ірыну. Я не магла. – І я з жахам* ***прадбачыў*** *словы, якія зляцелі з яе вуснаў* (У. Караткевіч. «Сівая легенда») [БПНКРЯ]; *I* ***foresee*** *that we may yet involve your master in some dire catastrophe* (R. L. Stevenson. «The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde») ‘Я **предвижу**, что мы можем навлечь на вашего хозяина страшную беду’ [АПНКРЯ].

2.3.6.1. Глагольное время

Ранее временные формы глагола редко признавались актуализаторами функции указания. Однако результаты исследований [Бондарко 1971, 1996; Веселкова 2004; Кашкин 1991; Новожилова 2006; Рябова 1995; Braroe 1974; Needham 1975; Schopf 1987] свидетельствуют о наличии дейктической функции у глагольной категории времени.

В белорусском языке грамматическая категория времени глагола тесно связана с категорией вида. С учетом видовых противопоставлений выделяется 6 времен: *прошедшее время несовершенного вида синтетическое*, *прошедшее время совершенного вида синтетическое*, *прошедшее время совершенного вида аналитическое*, *настоящее время несовершенного вида синтетическое*, *будущее время совершенного вида синтетическое*, *будущее время несовершенного вида аналитическое.* В английском языке грамматическая категория времени глагола тесно связана с категорией аспекта. Аспектуальные оппозиции перфективности / имперфективности и прогрессивности / непрогрессивности кладутся в основу времен *Past Simple*, *Past Continuous*, *Past Perfect*, *Past Perfect Continuous*, *Present Simple*, *Present Continuous*, *Present Perfect*, *Present Perfect Continuous*, *Future Simple*, *Future Continuous*, *Future Perfect*, *Future Perfect Continuous*.

В современных белорусском и английском языках глагольные времена при прямом, абсолютном употреблении представляют действие, событие и явление как предшествующее (прошедшее время), одновременное (настоящее время) или последующее (будущее время) относительно момента речи.

П р о ш е д ш е е в р е м я в белорусском языке репрезентируется:

1) синтетически – глаголами прошедшего времени несовершенного вида (*прошедшее время несовершенного вида синтетическое*), выражающими:

а) действие, которое происходило в определенный момент в прошлом: – *Учора ў дзевяць гадзін раніцы я* ***збіраў*** *грыбы каля Старой Яліны* [А. Якімовіч. «Сем гісторый пра вожыка»]. В английском языке это значение выражается формой Past Continuous: *«What* ***were you doing*** *behind the curtain?» he asked. «I* ***was reading****»* (Ch. Brontë. «Jane Eyre») '– Что ты **делала** за шторой? – спросил он. – Я **читала**' [АПНКРЯ]. По мнению Ю. А. Пупынина, в подобных контекстах имплицитно представлена ситуация «Я – Здесь – Сейчас», соответствуюшая моменту продуцирования высказывания и являющаяся исходной точкой отсчета для эксплицитно выраженной ситуации «Я – Там – Вчера» [Пупынин 2000];

б) действие, которое началось в прошлом и длилось до определенного момента в прошлом: *Затым некалькі месяцаў* ***рабіў*** *шараговым шафёрам, пакуль ДАІ не* ***адабрала*** *правы* (В. Быкаў. «Ваўчыная яма») [БПНКРЯ]. В английском языке это значение передается формой Past Perfect Continuous: *There was a document up on the screen – maybe he really* ***had been working*** *and on the phone to America* (H. Fielding. «Bridget Jones's Diary») 'На экране я разглядела какой-то документ – может, Даниел и вправду **работал** и говорил по телефону с Америкой?' [АПНКРЯ];

в) регулярные действия в прошлом (несовершенное прошедшее обобщенного факта): *Я тут кожны дзень бяды якой* ***чакала****, ну, думаю, няўжо ж мне і далей будзе так шанцаваць?* (В. Быкаў. «Пакахай мяне, салдацік») [БПНКРЯ]. В английском языке значение регулярности, повторяемости действия в прошлом передается формой Past Simple или аналитической конструкцией *used to / would* + инфинитив: *I usually* ***went*** *up there in the morning while Catherine* ***stayed*** *late in bed* (E. Hemingway. «Farewell to Arms») 'Обычно я **ходил** туда утром, пока Кэтрин еще лежала в постели' [АПНКРЯ]; *I* ***used to*** *write for the paper in college, I thought to myself, and hell, I even had an essay published in a monthly magazine once in high school* (L. Weisberger. «The Devil Wears Prada») 'Я, **было дело**, тоже **писала** для школьной газеты, а когда училась в универе, у меня – черт побери! – даже взяли статью в «Хадасса нэшнл мэгэзин»' [АПНКРЯ]; *On occasion I* ***would be driving*** *up or walking my dog – when he was alive – and I* ***would see*** *the kids climbing up there* (M. Connelly. «City Of Bones») [АПНКРЯ] 'Иногда, **подъезжая** к дому или прогуливая собаку – пока она была жива, – я **наблюдал**, как они взбираются по склону';

2) синтетически – глаголами прошедшего времени совершенного вида (*прошедшее время совершенного вида синтетическое*), выражающими:

а) завершенное действие в прошлом: *Кананок* ***пабег*** *на агнявую, а я* ***вярнуўся*** *ў вестыбюль* (В. Быкаў. «Пакахай мяне, салдацік») [БПНКРЯ]. В английском языке это значение передается Past Simple: *I* ***ran*** *away* (M. Connelly. «City Of Bones») 'Я **сбежала**' [АПНКРЯ];

б) последовательные действия в прошлом: *Халодны восеньскі ліст упаў мне на лоб, і я* ***прачнуўся*** *і* ***ўбачыў****, што непадалёку ад мяне стаяць двое, стары і юнак* (Л. Дайнека. «След ваўкалака») [БПНКРЯ]. В английском языке это значение выражает форма Past Simple: *Finally, I* ***got up*** *and* ***went out*** *in the living room and* ***got*** *some cigarettes out of the box on the table and* ***stuck*** *some in my pocket* (J. D. Salinger. «The Catcher in the Rye») ‘Наконец я **встал**, **пошел** в гостиную, **взял** сигареты из ящика на столе и **сунул** в карман’ [АПНКРЯ];

в) законченное, результативное действие, которое произошло в прошлом, но его результат сохранился на момент речи: *– Я* ***купіў*** *раба. Яны тут не дорага каштуюць, – растлумачыў еўнух* (Л. Дайнека. «След ваўкалака») [БПНКРЯ]. В английском языке это значение передается формой Present Perfect: *– Look here, I* ***have bought*** *this bonnet* (J. Austen. «Pride and Prejudice») ‘Посмотрите, какую я себе **купила** шляпку’ [АПНКРЯ]. Специфическая двойственность формы Present Perfect как «соединение в одной предикативной (или свернуто-предикативной) единице двух так или иначе связанных между собой временных планов – предшествующего и последующего» [Маслов 1987, с. 195] приводит к различиям в интерпретации ее семантики, которое воспринимается либо как прошедшее время, либо как действие, предшествующее моменту речи;

3) аналитически – вспомогательным глаголом *быць* и глаголом совершенного вида прошедшего времени для выражения действия, которое совершилось до другого действия в прошлом (*прошедшее время совершенного вида аналитическое*): *Памятаеш тую італьянку? Што* ***папрасіла была*** *пранесці сабачку?* (П. Місько. «Грот афаліны») [БПНКРЯ]. В английском языке это значение передается формой Past Perfect: *– Nobody asked me how I* ***had done*** *on the exam* (K. Vonnegut. «Hocus Pocus») ‘Никто меня не спросил, как я **сдал** экзамен’ [АПНКРЯ].

Традиционно настоящее определяется как время, обозначающее действие или состояние в момент речи. Соответственно, референтом грамматического времени Past выступает период «до момента речи» («before now»), а референтом грамматического времени Future – период «после момента речи» («after now») [Bache 1982, 1985, 1995; Huddleston 1984, p. 143–144]. Такая «эгоцентрическая» модель временных отношений в языке, по мнению А. В. Кравченко, отражает стремление некоторых исследователей отождествить объективное физическое и грамматическое время и имеет существенные недостатки, поскольку точка отсчета в данном случае совпадает не с моментом речи, а с моментом наблюдения [Кравченко 1992, с. 42]. Автор полагает, что именно непосредственная чувственная данность объектов и явлений окружающей действительности позволяет наблюдателю локализовать их на временной оси как совпадающие или несовпадающие со временем наблюдения. Обязательность учета фигуры наблюдателя содержится в самих терминах *настоящее* от праславянского *stojati ‘стоять, быть на виду’ [ЭСРЯ] и *present* от причастия глагола *praeesse* со значением ‘быть на виду, под рукой’ [OETD].

В белорусском языке актуальное настоящее выражается глаголами несовершенного вида: *Зараз я **пытаю**, ці не ведаеце вы чалавека, мянушка якога «Лікол», проста «Лікол»?* (У. Караткевіч. «Дзікае паляванне караля Стаха») [БПНКРЯ]. В английском языке в этом значении употребляется форма Present Continuous: *I **am asking** if you believe in God* (D. Brown. «Angels and Demons») ‘Я **спрашиваю**: верите ли вы в Бога?’ [АПНКРЯ]. По мнению исследователя Г. Мэрченда, «прогрессивная форма выражает одно отдельное действие, наблюдаемое в динамическом процессе его развития» [Marchand 1955, p. 47]. В данном значении совпадение пространства наблюдателя и говорящего, времени наблюдения ситуации и говорения о ней является основой категориального значения настоящего актуального времени. Это качество особенно ярко проявляется в перформативных высказываниях, где время действия предиката высказывания и время продуцирования совпадают благодаря автореферентности, эквиакциональности и эквитемпоральности: ***Я абяцаю** вельмі ўважліва выслухаць кожнага з вас* (І. Шамякін. «Петраград – Брэст») [БПНКРЯ]; ***I promise** you that I won’t make a break for it* (E. S. Gardner. «The Case of the Daring Divorcee») ‘**Я обещаю** вам, что я не сделаю этого’ [АПНКРЯ]. Автореферентность, эквиакциональность и эквитемпоральность образуют единую системно-языковую основу «для экспликации дейктического центра» и создают возможность грамматической рефлексии – «потенциального возврата к исходной точке в системе дейктических координат из любой точки реального и всех воображаемых миров» [Пупынин 2000].

Глаголы настоящего времени несовершенного вида (*настоящее время несовершенного вида синтетическое*) также выражают:

а) постоянные, повторяющиеся действия: *Жыву я з табой трыццаць гадоў і кожны дзень **разгадваю** новую загадку* (І. Шамякін. «Атланты і карыятыды») [БПНКРЯ]. В английском языке для выражения этого значения употребляется форма Present Simple: *«I **patrol** past it* [the sculpture] *everyday» the guard said* (D. Brown. «Angels and Demons») ‘– Я **прохожу** мимо нее [скульптуры] каждый день, – продолжил солдат’ [АПНКРЯ]. По мнению исследователя А. Хэчера, именно эксплицитность семантического признака ‘указание на наблюдателя’, а не на говорящего, объясняет видовую немаркированность Present Simple и позволяет этой форме выступать в общефактическом значении, когда ситуация не является объектом непосредственной перцепции [Hatcher 1951, p. 259];

б) действия, которые начались в прошлом и продолжаются в момент речи (расширенное настоящее): *– Я больш як дваццаць год **чакаю**...* (У. Някляеў. «Лабух») [БПНКРЯ]. В английском языке это значение передается формой Present Perfect Continuous: *Something I **have been doing** a lot these last days* (J. Fowles. «The Collector») ‘Последние дни **занимаюсь** бог знает чем’ [АПНКРЯ];

в) события, имевшие место в прошлом, когда говорящий хочет придать живость и наглядность повествованию (Praesens Historicum): *І тут* ***чуем*** *з-за гары шорах нейкі* (А. Адамовіч [і інш.]. «Я з вогненнай вёскі...») [БПНКРЯ]; *Then the murderer was alone with her helpless victim, the fat piglet, and I* ***see*** *her pounce upon the innocent creature and eat it up* (L. Frank Baum. «Dorothy and the Wizard in Oz») ‘Наконец убийца остается наедине с беспомощной жертвой, жирненьким поросеночком – и вот я **вижу**, как он **набрасывается** на невинную крошку и пожирает ее’ [АПНКРЯ].

Существует несколько точек зрения на противоречие между формой настоящего Praesens Historicum и его семантикой. Согласно п е р в о м у подходу форма Praesens Historicum, будучи формально настоящим, имеет значение прошедшего, когда субъект речи стремится представить прошлые события так, чтобы слушающий стал их непосредственным участником или наблюдателем [Падучева 1996, с. 289]. Согласно д р у г о й точке зрения, настоящее историческое как вневременная форма выполняет дейктическую функцию отсылки к воображаемому (*deixis ad Phantasma*) [Бюлер 2001], когда говорящий как бы сам переносится в прошлое и выступает субъектом наблюдения, поскольку «в прошлое перенесен не момент речи, а момент наблюдения» [Падучева 2010]: *І* ***вось*** *я бачу, як гэта самая жонка моршчыцца пачынае, не падабаецца ёй, што я з голай галавою. «Э, – думаю, – абдымай паветра, жанчына». І пайшоў да іудзея* (Л. Дайнека. «След ваўкалака») [БПНКРЯ]; *Then one afternoon I* ***come*** *home from class an there* ***is*** *Jenny settin by hersef on the couch* (W. Groom. «Forrest Gump») ‘Как-то днем **прихожу** я с семинара, а Дженни **сидит** одна на кровати в полном одиночестве’ [АПНКРЯ]. Согласно т р е т ь е й точке зрения, которую разделяем и мы, обе редакции отражают главную идею настоящего исторического – «ментальную синхронизацию действия и наблюдения» [Гловинская 1996, с. 456]

Б у д у щ е е в р е м я выражает действие, которое произойдет после момента речи. В белорусском языке будущее выражается:

1) синтетически глаголами совершенного вида (*будущее время совершенного вида синтетическое*), которые обозначают:

а) завершенное будущее действие с семантикой результативности: – *Я веру, доктар,* ***прыйдзе*** *час, і вы будзеце спецыяльна пасылаць хворых на Месяц, дзе мы* ***пабудуем*** *санаторыі і лячэбніцы* (М. Гамолка. «Цытадэль неба») [БПНКРЯ]. В английском языке это значение передается формой Future Simple (*What matter? We* ***will build*** *another windmill. We will build six windmills if we feel like it* (G. Orwell. «Animal Farm») ‘Ну и что? **Построим** другую. **Построим** хоть десять мельниц, стоит нам только захотеть’ [АПНКРЯ]) или Future Perfect (*By the time you read this I* ***will have left*** *you* (M. Lee. «Fugitive Bride») ‘Когда ты будешь читать это письмо, я уже **уйду** от тебя’ [АПНКРЯ]);

б) будущее вневременное действие с обобщенным значением. Используется в поговорках и пословицах: *Не плюй у калодзеж –* ***давядзецца*** *вады*

напіцца [ТСБМ]. В английском языке это значение передается формой Future Simple: *Chickens* ***will*** *always* ***come*** *home to roost* ‘Не рой яму другому, сам в нее попадешь’ [CD];

2) аналитически сочетанием форм будущего времени вспомогательного глагола *быць* и инфинитива смыслового глагола несовершенного вида, (*будущее время несовершенного вида аналитическое*):

а) действия, которые будут происходить в определенный момент в будущем: – *Заўтра я* ***буду насіць*** *залатыя порты* [адзенне] *князя Рагвалода Свіслацкага* (Л. Дайнека. «Меч князя Вячкі») [БПНКРЯ]. В английском языке это значение передается формой Future Continuous: *Everybody* ***will be looking*** *for me* (H. G. Wells. «The Invisible Man») ‘Все **будут искать** меня теперь’ [АПНКРЯ].

Относительные глагольные времена английского языка – это сфера нарративного режима интерпретации или вторичного дейксиса. Нарративный режим интерпретации представляет собой «сдвиг» (shifting) – переключение с *сейчас* на *тогда.* Данная особенность находит отражение в правилах согласования времен (consecutio temporum) при переходе из прямой речи в косвенную речь в сложноподчиненных предложениях с придаточными дополнительными: если глагол-сказуемое главного предложения употребляется в одной из форм прошедшего времени (Past Simple, Past Continuous, Past Perfect, Past Perfect Continuous), то глагол-сказуемое придаточного предложения должен быть в одном из прошедших времен (Past Simple, Past Continuous, Past Perfect, Past Perfect Continuous) или в будущем с точки зрения момента в прошлом (Future-in-the-Past): *Well, my father looked in his drawer sand* ***said*** *that Arthur* ***had taken*** *clothes* (M. Connelly. «City of Bones») ‘Так вот, отец **заглянул** в ящики его комода и сказал, что Артур **забрал** свои вещи’ [АПНКРЯ]; *Vernet* ***said*** *he* ***would take*** *us a safe distance out of the city* (D. Brown. «The Da Vinci Code») ‘Верне **сказал**, что **отвезет** нас на безопасное расстояние от города’ [АПНКРЯ]. Однако правило согласования времен имеет исключения, когда в придаточном предложении глагол употребляется в настоящем времени при глаголе в одном из прошедших времен в главном предложении в случае, когда передаваемое в косвенной речи утверждение относится ко времени произнесения высказывания и является универсальной истиной: *The world is flat* ‘Мир плоский’ → *Ancient philosophers argued that the world is / was flat* ‘Древние философы утверждали, что мир является / был плоским’ [Leech & Svartvik 1975, p. 101–102]. Поэтому относительные времена нельзя рассматривать как простое механистическое преобразование при переводе из прямой речи в косвенную, так как высказывание с прямой речью, взятое вне контекста его употребления, не может иметь однозначного соответствия в высказываниях с косвенной речью, особенно в СМИ, где актуальность сообщаемой информации имеет первостепенную важность и правило согласования времен практически никогда не соблюдается [Leitner 1986, p. 197].

Мы полагаем, что речь идет не о согласовании как таковом, а о производном типе дейксиса, когда говорящий воссоздает ситуацию «с точки зрения того субъекта, о котором идет речь» [Бондарко 1971, с. 112–128]. В таком случае в английском языке происходит *полный дейктический сдвиг*, который:

1) *грамматикализован*, о чем свидетельствует наличие формы глагольного времени плюсквамперфект Past Perfect с семантикой события, предшествующего некоторому другому событию, которое принимается за точку отсчета: *The major **said** he **had heard** a report that I could drink* (E. Hemingway. «Farewell to Arms») ‘Майор **сказал**, что до него **дошли** слухи, что я умею пить’;

2) сопровождается обязательным смещением центра личного дейксиса (*I*, *you* → *he*, *she*, *we* → *they*), пространственного дейксиса (*here* → *there*, *this* → *that*, *these* → *those*) и темпорального дейксиса (*now* → *there*, *today* → *that day, tomorrow* → *next day*, *the day after tomorrow* → *2 days later, yesterday* → *the day before*, *the day before yesterday* → *2 days before*, *ago* → *before*; Present Simple → Past Simple, Present Continuous → Past Continuous, Present Perfect → Past, Simple, Past Perfect, Past Simple → Past Perfect, Present Perfect Continuous → Past Perfect Continuous, Future Simple → Future-in-the-Past) в придаточном предложении, если глагол главного предложения употребляется в одном из прошедших времен группы Past (Past Simple, Past Continuous, Past Perfect, Past Perfect Continuous): *I **moved here** two years **ago** → He **explained** that **he had moved** there two years **before*** [Leech & Svartvik, 1975]. В данном примере в придаточном предложении содержатся три дейктических элемента – *he* ‘он, *there* ‘там’ и глагол в форме Past Perfect *had moved* как пример смещения центра личного, пространственного и темпорального дейксиса относительно другого дейктического центра, принимаемого за точку отсчета, выраженную глаголом говорения *explained* в форме Past Simple в главном предложении. В белорусском языке переход в косвенную речь при глаголе-сказуемом прошедшего времени в главном предложении сопровождается *частичным дейктическим сдвигом* – смещением центра личного дейксиса с заменой местоимений 1-го и 2-го лица на 3-е лицо: *І мама **сказала**, што лепш **яна** ўжо сама не **пойдзе** ў кіно, але ж і дзіцяці марнаваць не **будзе*** (Я. Брыль. «Туга») [БПНКРЯ].

Таким образом, грамматические средства выражения темпорального дейксиса – видо-временные формы глагола сопоставляемых языков – в канонической речевой ситуации ориентированы относительно момента продуцирования высказывания. Установлено, что в белорусском языке переход в косвенную речь характеризуется смещением центра личного дейксиса с заменой местоимений 1-го и 2-го лица на 3-е в придаточном предложении сложноподчиненного предложения в отличие от английского языка, где происходит полный дейктический сдвиг с обязательным смещением не только личного, но и пространственно-темпорального указания, если глагол главного предложения употребляется в одном из прошедших времен группы Past.

2.3.6.2. Вид и аспект

Дейктичность вида и аспекта ранее отрицалась по причине характеризации им действия или состояния безотносительно к акту коммуникации. Однако современный этап развития лингвистики диктует назревшую необходимость исследования глагольного вида и аспекта в новом ракурсе, так как дейктические элементы иногда обнаруживаются в виде «скрытых категорий» в самых неожиданных участках языковой системы [Булыгина 1981, с. 335]. Данный подход приводит к пересмотру традиционной точки зрения, отрицающей наличие семантики указательности у категории вида, и постепенному признанию ее дейктичности [Апресян 1986; Бондарко 1987; Кравченко 1992; Успенский 2008; Lyons 1968] на основе связи вида с внутренней «темпоральной структурой действия» и ее интерпретации говорящим [Апресян 1986, с. 12; Маслов 2004, с. 500; Comrie 1976, p. 5]. Все это позволяет отнести глагольный вид к субъективно-интерпретационным категориям, которые устанавливают угол зрения на объективную внеязыковую действительность в формах языка [Маслов 2004, с. 23–24].

Мы не ставим перед собой задачу проведения всеобъемлющего анализа категории вида в белорусском языке и аспекта в английском языке, которым посвящено значительное количество исследований. Нашей целью является ответ на вопрос о дейктичности глагольного вида в этих языках с учетом перцептора, выступающего когнитивной основой языковых понятий, которые репрезентируют явления окружающего мира. Обязательность присутствия наблюдателя с его способностью зрительно воспринимать действительность как неотъемлемый интегральный признак глагольной категории вида отражена в этимологии самих терминов *вид* (греч. *eidos* ‘вид, фигура, то, что видимо’, лат. *videre* ‘видеть’ [ЭСРЯ]) и *аспект* (лат. *aspectus* ‘взгляд, взор; зрение’, *aspicere* ‘созерцать, наблюдать’ и протоиндоевропейский корень *spek- ‘наблюдать, замечать’ [ИЭС]). Сами видовые значения исторически развились как результат концептуального осмысления универсальной бинарной оппозиции «определенность – неопределенность» [Телин 1985], основанной на непосредственном перцептивном опыте индивидуума, когда чувственная данность объектов позволяет наблюдателю локализовать их на временно́й оси как совпадающие со временем наблюдения или не совпадающие с ним. Такой когнитивно-семантический ракурс представляет возможность рассматривать вид как сигнификативную категорию с ориентацией на обозначение понятия. С одной стороны, эта категория имеет объективную природу как реальный факт отдельного конкретного языка. С другой стороны, вид носит субъективный характер и отражает специфику осмысления окружающего мира представителями данной лингвокультуры, основанной на противопоставлении наблюдаемых состояний, действий, событий ненаблюдаемым [Кравченко 1992, с. 125].

В системе современного белорусского глагола традиционно выделяется две видовые формы: несовершенный (НСВ) и совершенный (СВ). Несовершенный вид (что делать?) указывает на нелимитированность действия

определенными рамками, его продолжительность, начало, повторяемость (*трапляць)*. Совершенный вид (что сделать?) обозначает достижение действием своего предела, результата, завершенности (*прыгатаваць*). Несмотря на относительную генетическую близость белорусского и английского языков, мы не находим аналогичной бинарной аспектуальной системы у английского глагола, а сам вид остается предметом ожесточенных споров в англистике. Так, некоторые исследователи отрицают наличие категории аспекта в английском языке, поскольку она получает не синтетическое, а идиоматическое выражение без последовательно функционирующего набора грамматических форм [Блумфилд 1968, с. 301]. Мы полагаем, что вид необходимо рассматривать в комплексе с грамматической категорией времени, поскольку категория времени дает внешнюю, объективную характеристику ситуации в отличие от аспекта, описывающего ситуацию изнутри [Comrie 1976, p. 5].

Несмотря на отсутствие единства взглядов на статус категории аспекта в английском языке, большинство исследователей выделяют общий (Indefinite), длительный (Continuous) и перфектный (Perfect) типы. Формы общего вида не придают действию определенной видовой характеристики, поскольку это действие может быть однократным (*I **smiled** at Catherine and she **smiled** at me* (E. Hemingway. «Farewell to Arms») ‘Я улыбнулся Кэтрин, и она **улыбнулась** мне’ [АПНКРЯ]), многократным (*I **always get up** as soon as the alarm sounds* (J. Fowles. «The Collector») ‘Я **всегда встаю** сразу, как будильник зазвонит’ [АПНКРЯ]), неограниченным во времени (*Physiognomy, like every other human science, **is** but a passing fable* (H. Melville. «Moby-Dick») ‘Физиогномика, как и всякая наука, – **есть** лишь преходящее измышление’ [АПНКРЯ]). Эти значения выявляются только в контексте как результат взаимодействия семантики глагола и значения сопровождающих его адвербиальных лексем. Поэтому в белорусском языке английским глаголам общего вида соответствуют как глаголы совершенного, так и несовершенного вида: *We **came** over the bridge and I **paused*** (S. King. «Night Surf») ‘Мы **вышли** на гребень холма, с которого начинался спуск к пляжу, и я остановился’ [АПНКРЯ]; *They were put into my pocket by Weena, when I **travelled** into Time* (H. G. Wells. «The Time Machine») ‘– Их положила мне в карман Уина, когда я **путешествовал** по Времени’ [АПНКРЯ].

Подобная аспектуальная немаркированность глагольных форм группы *Indefinite* объясняется отсутствием указания на наблюдателя в их семантике, так как ситуация не является объектом фактического наблюдения [Hatcher 1951, p. 259]. Это исключает возможность локализации перцептором описываемой ситуации в свое пространство и последующего ее включения в ряд наблюдаемых им событий в виде хронологической цепочки: *I usually **buy** a ham sandwich and about four magazines* (J. D. Salinger. «The Catcher in the Rye») ‘Обычно я **беру** сандвич с ветчиной и штуки четыре журналов’ [АПНКРЯ].

Длительный аспект характеризуется совпадением времени и места протекания действия и его наблюдения [Leech 1974, p. 16]: *But do not come in, please. I **am doing** secret ritual with crystal ball of mine* (L. Snicket. «The Carnivorous Carnival») ‘Не входить, пожалуйста. Я **провожу** тайный ритуал с моим хрустальным шаром’ [АПНКРЯ].

Если общий и длительный аспекты признаются большинством лингвистов, то перфект остается предметом научных дискуссий. Некоторые исследователи рассматривают вид как специфическую грамматическую категорию временной отнесенности [Смирницкий 1959, с. 312]. Мы разделяем точку зрения о перфекте как видовой форме, обязательно сопутствующей глагольной категории времени [Hatcher 1951]. Согласно классическим грамматикам основным значением совершенного вида в белорусском языке и перфекта в английском языке выступают ограниченность действия, его точечность, достижение цели и сохранение результата действия [Бондарко 1987, с. 47; Мацкевіч 1959, с. 82]. На наш взгляд, эти выделяемые исследователями категориальные признаки не содержат указания на дейктическую природу глагольного вида и аспекта. Специфика протекания действия не всегда может выступать понятийным содержанием этой грамматической категории, поскольку толкование ее значения происходит непосредственно в контексте [Серебренников 1988, с. 14]. Мы придерживаемся точки зрения исследователя Н. А. Луценко, который полагает, что «в перфектной форме актуализируется представление о субъекте как наблюдателе и как бы отодвигается на второй план представление о нем как деятеле. С этим связана дифференциация временных планов *действия* (оставленное позади, прошедшее) и *восприятия*, наблюдения его результатов (настоящее)» [Луценко 1989, с. 48]. Именно подход к виду с учетом позиции наблюдателя позволяет интерпретировать целостность восприятия действия, обозначенного перфектом: *Dear Madam Mina, I* ***have read*** *your husband's so wonderful diary* (B. Stoker. «Dracula») 'Дорогая мадам Мина, я **прочел** удивительный дневник вашего мужа' [АПНКРЯ]. Данная точка зрения перекликается с идеями Е. В. Падучевой о «моменте наблюдения» [Падучева 2017, с. 10] и Х. Мелига о «внешнем дейксисе» [Мелиг 1985, с. 229]. Рассмотрим высказывание *He has read a book* 'Он прочитал книгу'. Согласно терминологии ситуативной семантики [Barwise & Perry 1981, p. 669], в данном примере наличествуют две ситуации, где первый тип *s1* (situation 1) с объектами *he* 'он' и *book* 'книга' в месте *l1* (location 1) пересекается пространственно с ситуацией второго типа *s2* (situation 2), представленной объектами *говорящий*, *ситуация s1* в месте *l2* (location 2) (пространство говорящего) в момент наблюдения *w* (watch). Эту ситуацию можно представить следующей формулой: *s2 = <l2(S<l1, s1>w)>w* [Кравченко 1992, с. 136].

Таким образом, в семантике перфекта английского глагола формализовано пересечение пространственно-временной локализаций действия и его наблюдения, в результате чего происходит включение места и времени ситуации в личное пространство перцептора. Притом «временной охват действия, выраженный перфектом, может быть сколь угодно большим, но в центре внимания находится лишь конечная точка» [Kopečný 1958, s. 98–99]. По мнению А. В. Кравченко, результат как основное значение перфекта является имплицитным выражением прагматического фактора наблюдателя [Кравченко 1992, с. 135]. Его роль часто выполняет говорящий, поскольку процесс, выраженный глаголом совершенного вида, по мнению А. Достала, находится целиком в поле зрения говорящего и обозревается как бы извне

[Dostal 1954, p. 15, 18]: *Ты **зрабіў** сваю справу, прывёў нас да табой жа адкрытага сховішча* (У. Караткевіч. «Чорны замак Альшанскі») [БПНКРЯ]; *You **have done** much, but I need more* (J. R. R. Tolkien. «The Lord of the Rings: The Two Towers») ‘Вы **сделали** много, но нужно сделать еще больше’ [АПНКРЯ].

Доказательство необходимости учета наблюдателя в белорусском языке можно обнаружить в семантике приставки *у-* в словах типа ***у**цячы*, ***у**ехаць*, ***у**каціцца*, используемой для образования глаголов совершенного вида [ТСБМ], при ее сопоставлении с генетически родственной латинской приставкой *au-* в глаголах ***au**fero* ‘**у**ношу’, ***au**fugio* ‘**у**бегаю’ [БЛРС] с семантикой исчезновения субъекта или объекта действия из сенсорного поля наблюдателя, ведущего, по мнению А. В. Бондарко, к прекращению самого действия [Бондарко 1971, с. 99]. Эта особенность значения приставки в белорусском языке явилась основой для ее трансформации в словообразовательное средство выражения совершенного вида глаголов типа ***у**кусіць, **у**пісаць, **у**клеіць*, в семантике которых указание на исчезновение субъекта действия из поля зрения наблюдателя отсутствует.

Описание в совершенном виде и перфекте можно сравнить с изображением в прямой перспективе, когда художник как бы отделяет себя от изображаемого мира, занимает позицию наблюдателя, находящегося вне изображаемой действительности, и представляет описываемое событие извне. Результат действия предстает как переход в новое состояние в перспективе говорящего и воспринимается им как осуществившееся событие. По этой причине глаголы совершенного вида в белорусском языке выражают событийную цепочку и определяют динамику повествования: *Я **ўстаў** з канапкі, **аглядзеў** праз шыбкі гарадское навоколле* (В. Быкаў. «Пакахай мяне, салдацік») [БПНКРЯ]. Восприятие действия в его целостности [Рассудова 1982, с. 6] объясняет неупотребительность формы совершенного вида и перфекта в настоящем времени, когда говорящий или наблюдатель оказывается внутри обозначаемого им процесса, представляемого глаголами НСВ в белорусском языке и глаголами длительного аспекта в английском языке. Это формы, наоборот, фиксируют факт действия вне времени, помещают наблюдателя в процесс, имеют описательный характер и представляют окружающую действительность в обратной перспективе как описании того, что находится в поле зрения наблюдателя: *Вада клінам **уразалася** ў лагчынку між двума ўзгоркамі* (Я. Маўр. «Палескія рабінзоны») [БПНКРЯ]; *The moon **was shining** brightly. The Tombs – far bigger and nearer than he had thought they would be – looked grey in the moonlight* (C. S. Lewis. «The Chronicles of Narnia. The Horse and His Boy») ‘Луна ярко **светила**. Усыпальницы стали как будто больше, но казались не черными, а серыми’ [АПНКРЯ].

Возможность перцепции действия говорящим как понятийная основа белорусского вида и английского аспекта предопределяет выполняемые ими прагматические функции в коммуникации носителей этих языков. Так, императив с глаголом совершенного вида в белорусском языке, как и в русском, «является в общем менее произвольным, следовательно, менее властным и более вежливым, чем повелительное наклонение несовершенного вида» и, по наблюдениям А. А. Шахматова, в сочетании с отрицанием может иметь значение предостережения [Шахматов 2001, с. 474], представляющее собы-

тие скорее как результат, взгляд извне, а не само действие как таковое: – *Асцярожна,* ***не паслізніся****, – сказала я наўздагон* [М. Ларын. «Прышлы»]. Вместе с тем в приказах или военных командах, где от адресата требуется наблюдение за процессом выполнения действия без концентрации внимания на результате, обычно употребляется форма несовершенного вида: *Апантаны ад небяспекі і лютасці, я піхаю Задарожнага ботам у бок, крычу: «****Зараджай****!»* (В. Быкаў. «Трэцяя ракета») [БПНКРЯ]. В отличие от белорусского языка, английский императив не взаимодействует с глагольной категорией вида: *Buldeo,* ***heat*** *the gun-barrels!* (R. Kipling. «The Second Jungle Book: Mowgli Stories») ‘Бульдео, **заряжай** ружьё!’ [АПНКРЯ]; *«Just don’t* ***faint*** *into the pit,» his wife said* (L. Snicket. «The Carnivorous Carnival») ‘– Не **упади** в яму, – отозвалась жена’ [АПНКРЯ].

Таким образом, глагольный вид в белорусском и английском языках является дейктической категорией, которая зависит от особенностей восприятия перцептором окружающей действительности. В случае совершенного вида и перфекта происходит включение времени и пространства описываемого им события в его личный пространственно-темпоральный континуум. В случае несовершенного вида и длительного аспекта имеет место включение пространственно-темпоральной позиции перцептора в пространственно-темпоральный континуум описываемой им ситуации с возникновением эффекта присутствия, погруженности в процесс.

2.4. СИНКРЕТИЗМ ПРОСТРАНСТВЕННОГО И ТЕМПОРАЛЬНОГО ТИПОВ ДЕЙКСИСА

По мнению исследователей, становление пространственных представлений от наглядно-чувственных к более абстрактным в процессе эволюции позволило развить временные отношения по метафорическому (когнитивная метафора Дж. Лакоффа: ВРЕМЯ – это ПРОСТРАНСТВО [Lakoff 1980]) или метонимическому переносу [Падучева 2000]. Еще дальше идет Д. Беннет, высказывая мысль о существовании общего понятия локации (location), не являющейся ни специфически пространственной, ни временной категорией [Bennett 1975, p. 15]. М. Хаспельмат обнаружил подобный феномен в именной группе *nachder Biegung* ‘после поворота’ с семантикой темпорального и пространственного типов дейксиса [Haspelmath 1997]. На наш взгляд, подобный факт объясняется общими законами человеческого мышления и эволюцией представлений от пространственных к временным. Однако не все ученые разделяют гипотезу происхождения времени от пространственных понятий. Например, философ Г. Спенсер считает исходными представления о времени [цит. по: Кронгауз 2001]. Абсолютно противоположной первым и вторым выступает концепция И. Канта, согласно которой время и пространство вообще независимые от опыта априорные формы сознания человека [Кант 1994, с. 53].

Действительно, темпорально-пространственный дейксис является основным типом корреляции между местом и временем продуцирования высказывания и формой дейктика. Сюда относятся правила употребления указа-

тельных местоимений белорус. *гэта*, *гэты*, *гэтыя* и англ. *this*, *these* по отношению к объектам, находящимся в непосредственной пространственной или временной близости от перцептора, а употребление *той*, *тая*, *тое*, *тыя*, *that*, *those* – для указания на объекты, находящиеся в пространственном или временном отдалении от него. Концепцию пространственно-временного единства подтверждает употребление глаголов движения *go*, *come* в качестве маркеров темпорального дейксиса как указания на предстоящие события: ***We are going*** *to turn aside here out of the path of the slide* (J. R. R. Tolkien. «The Hobbit») ‘Сейчас мы **свернём** и окажемся в стороне от осыпи’ [АПНКРЯ]; *The In Auction* ***is coming*** *up, and I have to devote all of my energy to making sure it’s a success* (L. Snicket. «The Erzatz Elevator») ‘– Модный Аукцион уже **скоро**. На него я должна направлять всю свою энергию, чтобы обеспечить успех’ [АПНКРЯ].

Подобное совмещение дейктических темпоральных и пространственных сем получило название *хронотопа* – пространственно-временного единства [Бахтин 1975, с. 234] или *хронотопического дейксиса* [Виноградов 1990], в нашем исследовании – *синкретичный темпорально-пространственный дейксис* – совмещение указания на временные и пространственные координаты в семантике дейктической единицы, затрудняющей ее отнесение только к темпоральному или пространственному типу дейксиса [Клюева 2016, л. 32–33]. Подобная пространственно-временная дейктическая синкретичность характерна для 19 белорусских (4,2 %) и 17 английских (3,1 %) единиц: *А Брэст той не так ужо і* ***далёка*** *ад нас…* (Г. Далідовіч. «Жывы покліч») [БПНКРЯ]; *Але побач з рэлігійнымі асацыяцыямі ўзніклі і грамадзянскія: хоць кніжка і старая з выгляду, але вельмі можа быць, што чалавек гэты, паэт, быў прарокам і глядзеў* ***далёка*** *наперад* (І. Шамякін. «Гандлярка і паэт») [БПНКРЯ]; *She doesn’t live* ***far*** *from here* [CD] ‘Она живет **недалеко** отсюда’; *One day, perhaps* ***far*** *in the future, you’ll regret what you’ve done* [CD] ‘Однажды, возможно, в **далеком** будущем, вы пожалеете о том, что сделали’. Наличие подобных единиц в сопоставляемых языках свидетельствует о неразрывном диалектическом единстве пространства и времени, обусловленного целостностью материального мира.

2.5. РОЛЬ ДЕЙКСИСА В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСКУРСА

2.5.1. Дейксис в реализации коммуникативных тактик и стратегий

Коммуникативно-деятельностный подход к языку, получив свое начало в работах по телеологии как учении о целесообразности И. Канта [Кант 1994], аналитической философии Л. Витгенштейна [Витгенштейн 1985] и Б. Рассела [Рассел 2001], теории речевых актов Д. Остина [Остин 1986] и Д. Р. Сёрля [Searle 1970, 1980, 1982, 1992], коммуникативного намерения П. Стросона [Стросон 1986], логике речевого общения Г. П. Грайса [Grice 1981, 1991] и риторической прагматике Д. Лича [Leech 1983], сформировал концептуальный базис современной коммуникативистики как теории речевого воздействия для реализации коммуникативных целей.

Речевое воздействие – однонаправленный и однократный процесс в отличие от речевого взаимодействия – «основной реальностью языка» [Баранов и Крейдлин 1992], в которой адресант и адресат непосредственно взаимодействуют друг с другом. Они одновременно выполняют функции отправителя сообщения и реципиента, контролируют основные параметры коммуникации, адекватно реагируют на происходящие в ней изменения, поддерживают общий коммуникативный баланс и несут ответственность за результаты своего коммуникативного взаимодействия.

Коммуникативное взаимодействие конституируется субкатегориями *интенциональности*, *стратегичности* и *интерактивности.* Интенциональность определяет цели участников общения в соответствии с их коммуникативными установками и характером решаемых задач. Стратегичность позволяет участникам общения планировать свою дальнейшую речевую интеракцию на основе осведомленности о коммуникативной ситуации, мотивах и целях и осуществлять отбор лингвистических и паралингвистических средств их реализации. Планирование коммуникативного поведения характеризуется интерактивностью, поскольку адресат выступает не только реципиентом сообщения адресанта, но и его активным интерпретатором, реализующим собственную коммуникативную стратегию.

К настоящему времени сложились две наиболее распространенные концепции стратегии как:

а) плана, канвы, типа поведения, определяющих последовательность выбора речевых действий и языковых средств [Кашкин 2000, с. 39; Дейк и Кинч 1988; Третьякова 2003; Kellermann 1992];

б) совокупности практических ходов для достижения коммуникативной цели в процессе речевого взаимодействия [Клюев 2002, с. 19].

С нашей точки зрения, эти две концепции не противоречат друг другу. Они отражают дуалистическую сущность коммуникативной стратегии, которой свойственны *ригидность* и *пластичность*. Ригидность манифестирует конвенциональность речевого поведения участников в типичных коммуникативных ситуациях. Пластичность стратегии наделяет говорящего способностью эвристично контролировать решение комплекса задач в рамках цели, определять наиболее приоритетные из них и обеспечивать их реализацию разноуровневыми ресурсами языка.

Разнообразие языковых средств реализации коммуникативных стратегий объясняет отсутствие в прагмалингвистике их исчерпывающей классификации. Обзор работ показал, что основой классификации могут выступать:

1) систематизация целевых установок участников общения, направленных на а) изменение компонентов коммуникативной ситуации (*регулятивная стратегия*); б) осведомление собеседника о фактах и событиях действительности (*диктальная стратегия*); в) выражение чувств, эмоций и оценки (*модальная стратегия*) [Борисова 1999];

2) степень глобальности коммуникативной цели, которая варьируется от локальной коммуникативной задачи в конкретной речевой ситуации, (*частные стратегии*) до глобальной цели, не ограниченной рамками этой ситуации (*когнитивно-семантические стратегии*). Последние подразделя-

ются на *основные* и *вспомогательные*. Основные стратегии контролируют достижение главной цели речевого взаимодействия. Вспомогательные стратегии способствуют эффективной организации речевого взаимодействия посредством *коммуникативно-ситуационных* (автор, адресат, канал связи, коммуникативный контекст), *диалоговых* (мониторинг темы и степени понимания) и *риторических* (эффективное воздействие на адресата) стратегий [Иссерс 2008, с. 104–109];

3) результат речевого взаимодействия, который соотносится с двумя глобальными принципами общения – принципом кооперации и принципом соперничества (*конфронтации*). По мнению американского исследователя Э. Гоффмана, в основе этих принципов лежат два мотива: защита от вторжения на свою личностную территорию и установление связи с себе подобными [Goffman 1999]. В процессе речевого взаимодействия говорящий вынужден вторгаться на территорию собеседника и одновременно сохранять свое лицо. Для *кооперативного* речевого поведения характерны тактики интеграции, солидаризации и интимизации для повышения статуса адресата и создания конструктивной атмосферы общения. *Конфронтационное* поведение организуется тактиками доминирования адресанта и понижения коммуникативного статуса собеседника для создания деструктивной тональности общения и ответной отрицательной эмоционально-поведенческой реакции адресата. *Стратегия негативной вежливости* как набор конвенциональных тактик минимизирует прямое воздействие на адресата и способствует его социальному дистанцированию посредством создания коммуникативных барьеров между собеседниками [Brown 1987, p. 17–21].

Коммуникативная стратегия подразумевает отбор фактов и их подачу в определенной последовательности. Это обусловливает выбор языковых средств субъектом речи и побуждает его адекватно структурировать свою речь посредством тактик. Сегодня тактика трактуется как:

1) отдельное речевое действие, соответствующее определенному этапу в процессе реализации определенной стратегии [Копнина 2008, с. 48];

2) совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия [Иссерс 2008, с. 125; Клюев 2002, с. 18];

3) «локальная интенция, задающая актуальный смысл конкретного речевого поступка в разворачивающемся ситуационном, социальном и культурном контексте» [Михайлова 2008, с. 7]. Эта интенция распознается только в конкретном коммуникативном контексте, обладает инвариантной семантической структурой и репрезентируется определенными клишированными репликами [Верещагин, Ротмайр и Ройтер 1992].

Тактики характеризуются полифункциональностью – способностью «встраиваться» одновременно в несколько стратегий. В ходе речевого взаимодействия глобальная цель может уходить на задний план и становится второстепенной по причине невозможности ее достижения на данном этапе коммуникации. И тогда на первый план выходит второстепенная цель и становится основной.

Сам процесс коммуникации регулируется рядом правил – максим вежливости. Сегодня не существует общепризнанного определения самого

понятия вежливости и единого взгляда на эту теорию. Вежливость трактуется как 1) категория этики [Рисинзон 2010; Kasper 1990]; 2) оценка статуса человека [Гольдин 1978]; 3) сохранение лица [Brown & Levison 1987; Goffman 1999; Leech 1983]; 4) такт [Janney 1992]; 5) договор о ведении диалога [Fraser 1990]). Все вышеуказанные подходы предусматривают соблюдение в общении принципа кооперации (Cooperative Principle), когда коммуникативный вклад каждого участника должен быть соразмерен общей цели – коллективной интенциональности (*shared intentionality*) в терминологии Дж. Р. Сёрля [Сёрль 2004, с. 75].

В нашем исследовании мы придерживаемся концепции категории вежливости, разработанной Дж. Личем [Leech 1983, p. 104–130] с максимами 1) такта (Tact) – соблюдение границ личной сферы и учет интересов собеседника; 2) великодушия (Generosity) – защита от доминирования в коммуникации; 3) одобрения (Approbation) – положительная оценка собеседника; 4) скромности (Modesty) – отрицание комплиментов; 5) согласия (Agreement) – консентное завершение коммуникации; 6) симпатии (Sympathy) – выражение благожелательности и предотвращение разногласий.

Анализ функционирования дейктических маркеров сопоставляемых языков показал, что, помимо первичной прагматической функции – указания на компоненты речевой ситуации – участников, место и время речевого события, белорусские и английские дейктические единицы выступают актуализаторами тактико-стратегической организации дискурса. Например, указательные местоимения *гэты* и *that* используются говорящим для существенного понижения статуса референта и реализации тактики пейоративного отчуждения адресата: *– Ён і цяпер піша? – Хто? – праслухаў Коля. – Ну*, ***гэты*** *твой… Макс Мілер?* [М. Адам. «Мястэчка»]; *And* ***this*** *constituent, does he have any other matters that* ‘А **этот** твой доверитель, он что, не может другим делом себя озаботить?’ [RiversoContext].

Способность дейктической единицы участвовать в тактико-стратегической организации дискурса зависит от положения дейктического компонента в ее значении. Периферийное положение дейктической семы в значении полудейктических единиц – существительных, глаголов, фразеологизмов – обусловливает их невысокий прагматический потенциал. Ядерное положение дейктического компонента в значении полных дейктиков – личных, притяжательных и указательных местоимений, указательных наречий – обусловливает разнообразный спектр выполняемых ими вторичных прагматических функций с маркированием 1) стратегии конфронтации с тактиками элиминации адресата, демонстрации личного превосходства, понижения коммуникативного статуса адресата, пейоративного отчуждения, критики, угрозы, контраста, принуждения, 2) стратегии негативной вежливости с тактиками дистанцирования и деперсонализации, 3) стратегии кооперации с тактиками интеграции и сочувствия, представленных в табл. 10. Возникновение данных функций обусловлено процессами *прагматикализации* – перехода данных единиц на коммуникативно-прагматический уровень языка для выражения различных реакций говорящего на окружающую действительность и последующей *дидейксикализации* – ослаблением дейктической семы и изменением ее положения с ядерного на перифейное.

Таблица 10

Функционирование дейксиса в тактиках и стратегиях

Стратегия	Тактика	Цель	Максима	Средства выражения	
				белорусский язык	английский язык
1. Конфронтация	1. Тактика элиминации адресата для общественного порицания и дискредитации	Адресант целенаправленно выводит адресата из коммуникации	Нарушение максимы такта и симпатии	Транспонирование 2-го лица личным местоимением 3-го лица для введения фиктивного адресата или наблюдателя дефокализация [Fraser 1980]: – *Дараженькая, я вырашыў болей ніколі з табой не сварыцца! – Не, вы толькі паглядзіце* ***на яго****! ...Ён вырашыў... А ў мяне ты спытаў!?* [Калі жонка кажа…]	Транспонирование 2-го лица личным местоимением 3-го лица для введения фиктивного адресата или наблюдателя: *«Mr. Wonka doesn't seem to think so!» cried Mrs. Gloop. «Just look* ***at him****! How dare you laugh like that when my boy's just gone up the pipe!»* (R. Dahl. «Charlie and the Chocolate Factory») '– Но мистер Вонка, кажется, так не думает! – снова закричала миссис Глуп, взмахнув зонтиком. – Ты только посмотри **на него**! Как вы смеете хохотать, когда мой мальчик там, в трубе?' [АПНКРЯ]
	2. Тактика демонстрации личного превосходства	Адресант подчеркивает свое коммуникативное преимущество адресату	Нарушение максим скромности, симпатии, великодушия	1) указательное наречие *тут* с формой глагола 3-го лица мн. ч. для обозначения адресата: ***Ходзяць тут*** *усякія з фотаапаратамі…* [Навагрудак: рыцарскі фэст, дзень першы, частка першая]; 2) местоимение 1-го лица в Д. п. *мне* и указательного местоимения *гэты*, *гэтыя*: *А да тутэйшых пайдзі – адразу пачастунак і абавязкова гарэлка. Ох,* ***гэты мне*** *звычай! Няшчасце гэта наша!* (І. Шамякін. «Крыніцы») [БПНКРЯ]	1) не характерно; 2) указательные местоимения *this/ these* в английском языке: *«****These*** *hack artists», Eugene would sigh disconsolately* (T. Dreiser. «The Genius») '– Ох уж **эти** мне горе-художники, – сокрушенно вздыхал Юджин' [АПНКРЯ]

Продолжение таблицы 10

	3. Тактика понижения коммуникативного статуса адресата	Адресант целенаправленно понижает статус партнера или предмета речи	Нарушение максим такта, согласия, симпатии	Указательные местоимения *гэты, гэта, той, тая, тыя* с притяжательными местоимениями 2-го лица *твой*, *ваш*: *– Ён і цяпер піша? – Хто? – праслухаў Коля. – Ну, **гэты** твой... Макс Мілер?* [М. Адам. «Мястэчка»]	Указательные местоимения *this, these*: *Where the hell was Tongue Ring Boy through **all of this?*** (L. Weisberger. «The Devil Wears Prada») ‘И где шлялся **этот** твой Парень с Колечком?’ [АПНКРЯ]
	4. Тактика пейоративного отчуждения	Адресант отстраняется от адресата	Нарушение максим такта и великодушия	1) личные и притяжательные местоимения 1-го лица *мы*, *наш* и 3-го лица *яны*, *іх* (*іхні*) или указательные местоимения *той*, *тыя* для выражения семиотической оппозиции *свои – чужие*: *– Я вам кажу. І вы лепей не на **наш** разумны гуманізм навальвайцеся, а на **тых**, хто труціць азёры, рэкі, лясы, хто не сёння-заўтра атруціць акіяны. **Мы** – усё для ўнукаў, хаця рукі ў нас часам бываюць у крыві. У **тых** – усё для кішэні і пуза, а рукі чысценькія* (У. Караткевіч. «Чазенія») [БПНКРЯ]; 2) притяжательное местоимение *свой*, *свае* «со знаком минус»: *– Ты проста жыцця не даеш людзям **сваімі** допытамі* (І. Шамякін. «Крыніцы») [БПНКРЯ].	1) личные и притяжательные местоимения 1-го лица *our*, *ours* и 3-го лица *their*, *theirs* для выражения семиотической оппозиции *«свои – чужие»*: ***Their*** [terrorists] *aim is to seize power in Iraq <...>. **They** have miscalculated: **We** love **our** freedom, and we will fight to keep it* [Obama’s state of the Union transcript 2010: Full text] ‘**Их** (террористов) цель – захватить власть в Ираке <...>. Но **они** просчитались: **мы** любим **нашу** свободу, и **мы** будем бороться, чтобы ее сохранить’; 2) притяжательное местоимение, коррелирующее с лицом субъекта действия: ***You’re** wasting my time with **your** shenanigans* ‘Вы мне порядком надоели **своими** баснями’ [RiversoContext]

Продолжение таблицы 10

	5. Тактика критики	Адресант выражает критическое отношение к личностным качествам адресата или его поступкам	Нарушение максим согласия и великодушия	Указательные местоимения с семантикой близости *гэтыя*: *Сябры смяюцца: «Выкінь* ***гэты*** *хлам, Купі "Самсунг" ці "Шарп", прачніся, соня!»* [Р. Серыкаў. «Верш пра тэлевізар»]	Указательные местоимения с семантикой удаленности *that / those*: *Miranda Priestly! Take* ***that*** *rag off this second* (L. Weisberger. «The Devil Wears Prada») '– Миранда Пристли! Немедленно снимите **это** барахло! В **этом** платье вы похожи на потаскуху!' [АПНКРЯ]
	6. Тактика угрозы	Адресант намеревается причинить вред дресату	Нарушение максим такта, одобрения, великодушия	1) посессивная конструкция с местоимением 1-го лица: *Аддзелены шырокаю лужынай, Зайкоўскі пакуль заставаўся недасяжны. – Ну, падла,* ***ты ў мяне*** *дачакаесься! Я на цябе абоймы не пашкадую* (В. Быкаў. «Жоўты пясочак») [БПНКРЯ]; 2) дательный падеж местоимения 2-го лица *табе*: *Па беразе кульгаў прыгорблены Максім Герасімавіч Блонак, папросту Блонька, старшы лагерны важаты і баяніст, які злосна зыркаў на кожнага, хто набліжаўся да сеткі, і адразу кідаўся ў пагрозлівы крык: Я* ***табе*** *падплыву! Я* ***табе*** *падныpну!* (У. Някляеў. «Лабух») [БПНКРЯ]	1) не характерно 2) местоимение 2-го лица в объектном падеже: *I'll show* ***you****, you silly ass, – hoaxing me!* (H. G. Wells. «The Invisible Man») 'Вот она, газета, тут все сказано. Я **тебе** покажу, нахал этакий!' [АПНКРЯ]
	7. Тактика контраста	Адресант противопоставляет себя адресату	Нарушение максимы согласия	Генитив 1-го лица *мяне / нас* и 2-го лица *цябе / вас* для разграничения личных сфер коммуникантов на основе семантической оппозиции «мое, наше хорошо – твое, ваше плохо»: *– Дурняў слухаць – розуму не займець. – Такі звычай, – настойваў поп. – Трэба шанаваць. –* ***Тое ў вас****.* ***У нас*** *дурных не шануюць* (У. Тарасаў. «Пагоня на Грунвальд») [БПНКРЯ]	Сочетание глагола *have* с местоимениями 1-го лица *I*, *we: Well,* ***you*** *have a ton of money, and* ***we have*** *a ton of friends* 'Ну денег **у тебя** куры не клюют, а **у нас** зато куча друзей' [RiversoContext].

Продолжение таблицы 10

	8. Тактика принуждения	Адресант заставляет адресата выполнить определенные действия в своих интересах	Нарушение максимы великодушия и такта	1) глаголы перемещения с семантикой удаления от говорящего *ісці*, *валіць*, *тэпаць* в сочетании с указательной частицей *вон*, наречием *прэч*, междометием *марш* и наречием *адсюль* для передачи негативного отношения субъекта речи к адресату и желания избавиться от него, поскольку адресат нарушает личное пространство говорящего и воспринимается как угроза: – ***Пайшоў адсюль вон!*** (У. Някляеў. «Лабух») [БПНКРЯ]; 2) замена Д. п. 2-го лица *табе* 3-м лицом с целью отстранения приказа от конкретного носителя с приданием большей категоричности: *Спыні каня! Чуеш?* ***Каму кажуць!*** (У. Гніламёдаў. «Вяртанне») [БПНКРЯ]; 3) императив совершенного вида глагола для повышения конфликтогенности высказывания: ***Сядзь!*** *– колка бліснуў позіркам скрозь акуляры ўсяго хвіліну таму мяккі і клапатлівы Мікалай Іванавіч* (У. Някляеў. «Лабух») [БПНКРЯ]	1) глаголы перемещения с семантикой удаления от говорящего *go*, *get*, *run* в сочетании с предлогом *out* и наречием *here* для передачи негативного отношения субъекта речи к адресату и желания избавиться от него, поскольку адресат нарушает личное пространство говорящего и воспринимается как угроза: *I want to sleep!* ***Get out of here*** (K. Vonnegut. «Slaughterhouse-Five or the Children's Crusade») '**Убирайся**! Я спать хочу!' [АПНКРЯ]; 2) не характерно; 3) императив с местоимением 2-го лица *you* для придания высказыванию негативной эмоциональной окраски: *«We have to do everything we can.» «**You do it**» he said. «I'm tired»* (E. Hemingway. «The Snows of Kilimanjaro») '– Мы должны сделать все, что в наших силах. – **Делай ты**, – сказал он. – А я устал' [АПНКРЯ]

Продолжение таблицы 10

2. Негативная вежливость	Тактика дистанцирования и деперсонализации	Адресант минимизирует степень вмешательства в дела адресата	Максима такта	1) смещение временного плана: а) употребление будущего вместо настоящего: *Я вось аб чым* ***папрашу*** *Вас, Тарас Якаўлевіч, вы тут ужо не кідайце пачатае справы* (І. Чыгрынаў. «Апраўданне крыві») [БПНКРЯ]; б) прошедшего вместо настоящего: *Я тут* ***падумаў****: можа, не лішне было б вам з вашым сябрам спаткацца?..* (У. Някляеў. «Лабух») [БПНКРЯ]; 2) не характерно	1) смещение временного плана: а) употребление будущего (Future Simple) вместо настоящего (Present Simple): *When the manuscript is ready* ***I will ask*** *you to read it, if I may* (I. Asimov. «The Gods Themselves») ‘И если это вас не слишком затруднит, сэр, **не смогли бы вы** ознакомиться с рукописью?’ [АПНКРЯ] ; б) прошедшего вместо настоящего: *We dine nearly always alone here to get her on Sunday evening, so* ***I thought it would be*** *nice if you came just to be alone with us* (Th. Dreiser. «An American Tragedy»); ‘– По воскресеньям мы почти всегда ужинаем дома, **и я думала**, что будет очень приятно, если мы с вами встретимся в тесном семейном кругу’ [АПНКРЯ]; 2) замена 1-го лица ед. ч. на 1-е лицо мн. ч. (эксклюзивное *мы*, *we*) для исключения адресата из личностной сферы адресанта и фокусирования внимания слушающего на высоком социальном положении субъекта речи с буквальным значением *мы* ‘мы (я) без тебя/без вас’ (мы королевское – pluralis majestatis): ***We*** *have become a grandmother* [«British Prime Minister Margaret Thatcher, addressing reporters outside 10 Downing Street, 1989»] ‘**Мы** (= премьер-министр Великобритании М. Тэтчер) стали бабушкой’

Окончание таблицы 10

3. Кооперация	1. Тактика интеграции	Адресант включает адресата в свою личностную сферу	Максима симпатии, одобрения и великодушия	1) элиминация местоимений 2-го лица *ты*, *вы* во вводных конструкциях с ментальными глаголами *ведаць*, *разумець* и т.п. для интимизации сообщения: ***Ведаеш**, тут, можа, лёс такі. Можа, якая выпадковасць* (В. Быкаў. «Пакахай мяне, салдацік») [БПНКРЯ]; 2) посессив *свой* в ударной, рематической позиции: – *Аткрой, мамаша.* ***Сваі*** (В. Быкаў. «Знак бяды») [БПНКРЯ].	1) не характерно: ***You know**, it would have been good to keep her as an ally* (M. Connelly. «City Of Bones») ‘**Знаешь**, Тересу хорошо бы иметь в союзниках’; [АПНКРЯ]; 2) не характерно
	2. Тактика сочувствия	Адресант разделяет отрицательные эмоции адресата	Максимы такта и великодушия	Не характерно	Наречие *there* и *now*: ***There, there**, close friend.* <…> ***Now, now**, Lulu* (L. Snicket. «The Carnivorous Carnival») ‘Ну, будет, будет, наш близкий друг. <…> Ну, **будет, будет**, Лулу’ (L. Snicket. «The Carnivorous Carnival») [АПНКРЯ]

2.5.2. Дейксис и коммуникативные неудачи

Дейктические единицы, осуществляя указание на участников, место и время речевого события, создают прагматическую пресуппозицию высказывания. Прагматические пресуппозиции предполагают общность мировоззрения коммуникантов [Николаева 1985, с. 82; Silverstein 1976, p. 33] и знание фактов, относящихся непосредственно к ситуации общения [Попова 2014, с. 78], что обеспечивает уместность высказывания в данном контексте [Падучева 1985, с. 58]. Их аномальное употребление и некорректная интерпретация приводит к коммуникативной неудаче – «неосуществлению или неполному осуществлению коммуникативного намерения говорящего» и «возникающему в процессе общения не предусмотренному говорящим эмоциональному эффекту: обиде, раздражению, изумлению» [Ермакова и Земская 1993, с. 31]. Данная часть исследования проводилась на фактическом материале контекстов, отобранных из художественных произведений на белорусском и английском языках из БПНКРЯ и АПНКРЯ, Британского национального корпуса [BNC], интернет-ресурсов. С целью интерпретации результатов мы использовали модель речевого акта обращения Л. В. Кожуховой [Кожухова 2007] с включением следующих блоков:

(1) дейктическая пресуппозиция адресанта с оценкой ситуации, места и времени речевого события, ролей и статусов участников, степени включенности предмета речи и адресата в личностную сферу адресанта, его фоновых знаний и самооценкой своего образа;

(2) интенция адресанта;

(3) пропозиция высказывания;

(4) пресуппозиция адресата;

(5) перлокутивный эффект как достижение желаемого результата коммуникации.

Совпадение дейктических пресуппозиций адресанта и адресата приводит к соответствию перлокутивного эффекта ожиданиям адресанта, подтверждению его коммуникативной гипотезы и признанию акта коммуникации успешным, о чем свидетельствуют гармоничное внутреннее состояние адресата и его ответный коммуникативный акт. Расхождение дейктических пресуппозиций участников общения обусловливает отсутствие перлокутивного эффекта как невосприятия адресатом иллокуции высказывания адресанта, что приводит к коммуникативной неудаче с последующей корректировкой исходной коммуникативной гипотезы или выдвижением новой. Например, в контексте *Я ведаю, бо бачу яго толькі я і часам яшчэ ахмістрыня. Берман бачыў* ***яго***. – ***Каго*** «***яго***»? – *Малога Чалавека Балотных Ялін* (У. Караткевіч. «Дзікае паляванне караля Стаха») [БПНКРЯ] (1) адресант осуществляет указание на предмет речи при помощи личного местоимения 3-го лица *ён*; (2) его интенцией выступает подтверждение факта, известного адресату; (3) пропозиция свидетельствует о достоверности увиденного адресантом; (4) дейктическая пресуппозиция свидетельствует об

отсутствии предварительной осведомленности адресата о предмете речи, что приводит к (5) несовпадению дейктических пресуппозиций адресанта и адресата по причине расплывчатости референта, выраженного местоимением 3-го лица, отсутствию перлокутивного эффекта и выдвижению новой гипотезы адресата о предмете речи в форме квестисива *каго «яго»?*. Модель функционирования дейктической единицы, разработанная нами на основе модели речевого акта обращения [Кожухова 2007], представлена на рис. 5.

Рис. 5. Модель функционирование дейктической единицы

Рассмотрим возможные варианты расхождения прагматических пресуппозиций адресанта и адресата, приводящие к коммуникативным неудачам. Как показал анализ фактического материала, в большинстве случаев (55,1 %) коммуникативные неудачи обусловлены непониманием пресуппозиций, выраженных лексическими маркерами личного дейксиса – местоимениями 3-го лица. Они указывают на лиц, прямо не участвующих в речевом событии. В этом случае для осуществления дейктической функции необходимо наличие общего фонда знаний участников и дополнительных сведений об объекте указания. Следовательно, для корректировки субъекту речи необходимо произвести дополнительную конкретизацию референта личного

местоимения 3-го лица тактикой переспроса, как в следующих примерах: *– Адчыніце,* ***яго*** *спаць трэба пакласці! Пачуўшы незнаёмага, за дзвярыма трохі памаўчалі. –* ***Каго яго****? Тэмбр голасу на маё здзіўленне раптам скінуўся з візготкі да зусім нармальнага. –* ***Ігара Львовіча****, каго яшчэ…– А, Ігара…* (У. Някляеў. «Лабух») [БПНКРЯ]; *«Didn't you like* ***them****?» «****Them****?» said the wiggle. «Who's* ***them****? I only saw one»* (C. S. Lewis. «The Chronicles of Narnia. The Silver Chair») '– Тебе **они** что, не понравились? – **Они**? Кто **они**? Я только одного человека видел' [АПНКРЯ]. Мы, вслед за Е. А. Поповой, апробировавшей метод когнитивного моделирования коммуникативных неудач в англоязычной диалогической речи, представляем процесс интерпретации прагматических пресуппозиций адресатом в данных примерах в виде когнитивной модели, под которой подразумевается «символическая репрезентация процесса обработки и понимания имплицитной информации, залеженной в высказывании» [Попова 2014, с. 78]: PPP → ?, где PPP (Pragmatic Person Presupposition) – прагматическая пресуппозиция лица, → – процесс семантического вывода имплицитной информации ? – непонимание данной пресуппозиции адресатом.

На втором месте по частотности (26 %) находятся случаи некорректной интерпретации прагматических пресуппозиций, основанных на пространственном дейксисе, как в следующих примерах: *А як* ***там*** *наш хлопчык? – Дзе* ***там****?..* (У. Някляеў. «Лабух») [БПНКРЯ]; *«Mammy, do you hear* ***that****? – Hear* ***what,*** *child?» Fannie moved closer to her mother and said, «It's somebody else coming!»* [C. Arbogast. «Hobnail»] '«Мамочка, ты слышишь **это**?» «Слышишь **что**, милый?» Фанни подошла ближе к матери и сказала: «Кто-то идет!»'. Процесс интерпретации данного типа пресуппозиций можно представить в виде когнитивной модели PSP → ?, где PSP (Pragmatic Space Presupposition) – прагматическая пространственная пресуппозиция, → процесс семантического вывода имплицитной информации, ? – непонимание данной пресуппозиции адресатом. Это связано с наличием указательного наречия *там* и указательного местоимения *that*, вводимых адресантом без соответствующих референтов, что затрудняет или делает невозможной адекватную интерпретацию высказывания адресатом. Более того, непонимание может быть обусловлено отличием перцептивных возможностей участников коммуникации и, как следствие, нахождением различных явлений в фокусе внимания собеседников, что приводит к утрате адресатом прагматических пресуппозиций, заложенных говорящим.

Аномальная интерпретация темпоральных прагматических пресуппозиций (18,9 %) обусловлена расплывчатой референцией и ономасиологической неопределенностью дейктических единиц, вследствие чего слушающий вынужден осуществлять поиск референта среди лексических микро- и макропоказателей времени одновременно, что приводит к аномальной трактовке высказывания, как в следующем контексте: «*Tigger», he* [Piglet] *said solemnly, «what happened just* ***now****?» «Just* ***when****?» said Tigger a little uncomfortably* (A. A. Milne. «The House at Pooh Corner») '– Тигра, – сказал он

[Пятачок] торжественно, – будь любезен, объясни нам, что **сейчас** произошло? – Когда **сейчас**? – ответил Тигра, слегка смутившись' [АПНКРЯ]. Этот случай можно представить когнитивной моделью PTP → ?, где PTP (Pragmatic Time Presupposition) – прагматическая темпоральная пресуппозиция, → – процесс семантической интерпретации, ? – непонимание адресатом темпоральных пресуппозиций, заложенных говорящим. Таким образом, фактором, обусловливающим возникновение коммуникативных неудач, является частичное или полное несовпадение прагматических персональных и темпорально-пространственных пресуппозиций участников коммуникации, возникающее вследствие расплывчатости семантики дейктических единиц. Непонимание прагматической пресуппозиции восполняется контекстом, фоновыми знаниями собеседников или устраняется тактиками переспроса, уточнения и объяснения.

Глава 3. БЕЛОРУССКО-АНГЛИЙСКИЙ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ДЕЙКТИЧЕСКИЙ ИЗОМОРФИЗМ И АЛЛОМОРФИЗМ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ И ПРИКЛАДНОМ АСПЕКТАХ

3.1. МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ДЕЙКТИЧЕСКАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ И ЕЕ ТИПЫ

Проблема определения основных критериев эквивалентности и ее типов является одной из важных проблем современной сопоставительной лингвистики. Благодаря работам М. Бейкер [Baker 1992], Ж. П. Вине и Ж. Дарбильне [Vinay & Darbelnet 1995], Дж. Кэтфорда [Catford 1965], Ю. Найды [Nida 2003], Я. И. Рецкера [Рецкер 1973, 2004], А. Д. Швейцера [Швейцер 2009] сегодня существуют четыре основные концепции эквивалентности.

1. Эквивалентность в репликативной концепции Ж. П. Вине и Ж. Дарбильне – «репликация (повторение) одной и той же ситуации с использованием абсолютно других слов» [Vinay & Darbelnet 1995].

2. Эквивалентность в текстуальной концепции Дж. Кэтфорда – возможность окончательного текста заменить исходный текст с сохранением функционально релевантных признаков конкретной ситуации [Catford 1965, p. 94].

3. Эквивалентность в динамично-прагматической концепции Ю. Найды – общее восприятие сообщения с пониманием его смыслового содержания, эмоциональных установок, адаптацией лексики и грамматики языка – цели для передачи идеи текста языка-источника и его прагматического потенциала [Nida 2003, p. 12].

4. Эквивалентность в лингвокоммуникативной концепции М. Бейкер – соответствие на лексическом (морфемы или слова), грамматическом (грамматические категории), текстовом (эквивалентность текстов по форме и по содержанию) и прагматическом уровнях. Прагматическая эквивалентность соотносится с внутренним содержанием текста и импликацией. Импликация – это намерение или идея автора, не лежащая на поверхности. При переводе с языка-источника необходимо восстановить эту импликацию таким образом, чтобы она стала ясной и очевидной для носителей языка-цели [Baker 1992, p. 212–260].

Обычно эквивалентность понимается как максимально возможная семантическая близость разноязычных текстов независимо от того, какими средствами происходит передача содержания. Однако мы разделяем мнение Л. И. Исмагиловой о важности трансляции не только всей информации, заключенной в значении языковой единицы, но и передачи этой информации на уровне равноценных по форме словесных знаков [Исмагилова 1984, с. 5].

Одним из главных критериев межъязыковой эквивалентности является переводимость – т.е. возможность наличия эквивалента языковой единицы исходного языка в языке перевода. Проблема межъязыковой эквивалентности лексико-фразеологических систем не получила однозначного толкования, о чем свидетельствует разнообразие определений этого понятия в работах лингвистов, где наряду с терминами *эквивалент* и *аналог* используются термины *межъязыковые соответствия* [Стернин 2006], *абсо-*

лютно тождественные и *семантически-тождественные единицы* [Глазырин 1972], *идентичные* и *частично идентичные параллели* [Турсунова 1979], *аналоги* [Мамулия 1971].

Количество типов межъязыковых эквивалентов может варьироваться от 2 до 6. Двухчастная классификация В. С. Виноградова включает *полные* эквиваленты с совпадением передаваемой экстралингвистической информации и *неполные* с частичным совпадением смысловой информации [Виноградов 2001, с. 80–81]. Трехчастные классификации состоят из *полных эквивалентов*, *ограниченных эквивалентов*, *межъязыковых омонимов* [Стернин 2006, с. 21–22]) или *близких*, *приблизительных* и *допустимых соответствий* [Солодухо 2008]. Четырехчастные стратификации характеризуются наличием *абсолютных*, *неполных*, *относительных*, *«индивидуальных эквивалентов»* [Влахов 1980, с. 183] или *полных*, *частичных*, *абсолютных* и *относительных соответствий* [Влахов и Флорин 1987]. Н. А. Данилович выделяет пять типов межъязыковых лексико-фразеологических параллелей: *фразеологические эквиваленты*, *фразеологические аналоги*, *безэквивалентные фразеологизмы*, *фразеологические омонимы*, *фразеологические паронимы* [Даніловіч 2011]. Шестиразрядную классификацию межъязыковых лексико-фразеологических паралеллей мы находим у Л. К. Байрамовой (*межъязыковые фразеологические эквиваленты*, *абсолютно тождественные эквиваленты*, *полные фразеологические эквиваленты*, *неполные или частичные фразеологические эквиваленты*, *фразеологические аналоги*, *фразеологические полукальки*, *заимствованные фразеологизмы*) [Байрамова 1982] и В. С. Виноградова (*прямые*, *синонимические*, *гипо-гиперонимические*, *дескриптивные*, *функциональные* и *престационные соответствия*) [Виноградов 2001, с. 99].

Очевидно, что даже простое перечисление типов межъязыковых лексико-фразеологических соответствий в работах лингвистов свидетельствует о довольно значительных расхождениях в их определении и стратификации. Как правило, при сопоставлении разноязычных лексических единиц авторы вышеупомянутых классификаций обращают внимание на семантику, структуру, стилистическую отнесенность разноязычных единиц и практически не учитывают образную составляющую разноязычных фразеологизмов. Тем не менее образная основа ФЕ – один из важных факторов в установлении межъязыковых семантических контрастов и соответствий. Совпадение образности у ФЕ наряду с лексическим составом является существенным показателем высокой степени эквивалентности разноязычных единиц в совокупности с их семантическим, структурным и прагматическим критериями, значительно влияющим на подбор наиболее полных межъязыковых эквивалентов [Dobrovol'skij & Piirainen 2005, p. 78].

В результате сопоставления белорусских и английских словообразовательных, лексических и фразеологических средств выражения дейксиса установлены следующие типы межъязыковых дейктических параллелей:

1) *полные дейктические эквиваленты* максимально схожи по составу ядерных и периферийных сем, тождественны по лексико-грамматической структуре, что обеспечивает адекватный перевод во всех контекстах;

2) *дейктические соответствия* характеризуются полным или частичным совпадением семантики с отличием в грамматическом или функционально-стилистическом аспектах;

3) *безэквивалентные дейктические единицы* не имеют межъязыкового дейктического соответствия в языке сопоставления. Единица исходного языка определяется как *безэквивалентная*, если она представлена лакуной в языке сопоставления. Термин *лакуна* (лат. *lacuna* ‘пробел, пропуск’) впервые был введен французскими лингвистами Ж. Вине и Ж. Дарбильне [Vinay & Darbelnet, 1995, p. 65–66].

На практике подобная типология помогает эксплицировать различия в семантике, структуре и прагматике дейктических единиц разноструктурных языков. Это особенно важно при составлении двуязычных словарей, где часто разноязычные единицы постулируются как эквивалентные, несмотря на наличие у них существенных функциональных несоответствий.

3.1.1. Полные дейктические эквиваленты

Под полными дейктическими эквивалентами мы понимаем белорусские и английские единицы, совпадающие по значению, по лексическому составу, стилистической направленности, грамматической структуре для лексических единиц и образности для ФЕ: белорус. *тут* и англ. *here* имеют одинаковое значение ‘в этом месте, в этот момент’, являются указательными наречиями и относятся к общеупотребительному слою лексики.

Что касается фразеологических единиц, то большинство из них редко имеют полные эквиваленты в других языках вследствие несовпадения техники вторичной номинации [Добровольский 1997]. Результатом такого несовпадения являются близкие по значению, но с отличиями в компонентном составе межъязыковые фразеологические параллели. Так, белорус. *адтуль-адсюль* [СФ 1, с. 77] и англ. *from far and near* (букв. ‘издалека и вблизи’) [ODCIE 2, p. 179] имеют одинаковое значение ‘из разных мест’, функционально-стилистическую характеристику и сходную образную составляющую: перемещение как с близкого расстояния относительно перцептора (отсюда), так и с дальней дистанции (оттуда). Белорусская ФЕ состоит из компонентов – наречий *адсюль* и *адтуль*. Ее англоязычный фразеологический эквивалент имеет другую структуру: предлог *from* ‘с’ + наречие *far* ‘далеко’ + союз *and* ‘и’ + наречие *near* ‘рядом, близко’. Мы полагаем, что указанные фразеологические параллели также необходимо рассматривать как полные фразеологические эквиваленты, поскольку «различия в структурно-языковом оформлении единиц не могут выступать препятствием для семантико-функциональной эквивалентности единиц при сопоставлении и часто обусловливаются национальными особенностями и тенденциями развития языковых систем в целом» [Стернин 2006, с. 37–39]. Распределение полных белорусско-английских дейктических эквивалентов по подгруппам представлено в табл. 11.

Таблица 11

Количественная наполняемость тематических подгрупп в белорусском и английском языках

Микрополе	Семантическая группа	Номер п/п семантической подгруппы	Кол-во белорусских единиц подгруппы	Кол-во белорусских единиц с полными дейктическими эквивалентами	Индекс межъязыковой дейктической эквивалентности	Кол-во дейктических эквивалентов с национальной спецификой	Индекс национальной дейктической специфики	Кол-во безэквивалентных дейктических единиц	Индекс дейктической безэквивалентности
I. Личный дейксис	1. Адресант	1) 1-е лицо	4	4	1	–	–	–	–
	2. Адресат	2) 2-е лицо	4	4	1	–	–	–	–
	3. Некоммуникативные лица	3) 3-е лицо	8	8	1	–	–	–	–
			16	**16**	**1**	**–**	**–**	**–**	**–**
II. Пространственный дейксис	4. Местонахождение с указанием расстояния	4) близко	60	42	0,7	17	0,28	1	0,02
		5) недалеко	11	6	0,55	5	0,45	–	–
		6) далеко	31	19	0,61	12	0,39	–	–
	5. Местонахождение без указания расстояния	7) местонахождение без указания расстояния	80	67	0,84	12	0,15	1	0,01
	6. Перемещение	8) от перцептора	230	66	0,29	160	0,69	4	0,02
		9) к перцептору	105	38	0,36	63	0,6	4	0,04
		10) от / к перцептору	24	12	0,5	12	0,5	–	–
			541	**250**	**0,46**	**281**	**0,52**	**10**	**0,02**

Окончание таблицы 11

III. Темпоральный дейксис	7. Предшествование	11) задолго до	27	12	0,44	15	0,56	–	–
		12) незадолго до	7	4	0,6	2	0,3	1	0,1
		13) без указания отдаленности	118	100	0,85	11	0,09	7	0,06
	8. Одновременность	14) одновременность	38	28	0,74	10	0,26	–	–
	9. Следование	15) скоро	16	7	0,43	9	0,57	–	–
		16) нескоро	4	1	0,25	3	0,75	–	–
		17) без указания отдаленности	32	26	0,81	4	0,13	2	0,06
			242	**178**	**0,74**	**54**	**0,22**	**10**	**0,04**
Всего			**799**	**444**	**0,55**	**335**	**0,42**	**20**	**0,03**

Всего среди 799 белорусских и 624 английских дейктических единиц было выявлено 444 полных эквивалента, составляющих 55 % от общего количества белорусских дейктических единиц.

Самое значительное количество полных дейктических эквивалентов (> 70%) наблюдается в подгруппах *адресат* (100 %), *адресант* (100 %), *некоммуникативные лица* (100 %), *предшествование без указания отдаленности* (85 %), *одновременность* (73,6 %), *следование без указания отдаленности* (81,2 %), *местонахождение близко* (70 %) и *без указания расстояния* до объекта (83,7 %).

В подгруппах *адресат* (100 %), *адресант* (100 %) и *некоммуникативные лица* (100 %) абсолютная межъязыковая белорусско-английская дейктическая эквивалентность обусловлена универсальностью обозначения участников коммуникации в сопоставляемых языках.

Значительное количество межъязыковых белорусско-английских дейктических параллелей в подгруппах *предшествование без указания отдаленности* (85 %), *одновременность* (73,6 %) и *следование без указания отдаленности* (81,2 %) связано с идентичным восприятием прошедших, одновременных и последующих событий носителями сопоставляемых языков.

В подгруппах *местонахождение с указанием близкого расстояния* до объекта (70 %) и *без указания расстояния* (83,7 %) высокий уровень межъязыковой эквивалентности связан с общностью процессов категоризации пространства в сопоставляемых языках, в основе которого лежит универсальный принцип расположения объектов в соответствии с тремя осями тела человека – сагиттальной, фронтальной и горизонтальной (*правы*, *right*, *левы*, *left*, *вертыкальны*, *vertical*, *гарызантальны*, *horisontal*) и восприятие пространственных характеристик зрительным, соматосенсорным (мышечное чувство) и тактильным анализаторами. Об этом свидетельствуют соматические корневые морфемы белорусских дейктических единиц (*по**руч***, *по**бач***) и лексемы-соматизмы в структуре белорусских и английских дейктических ФЕ, наиболее частотными из которых являются *нога*, англ. *foot* ‘нога’, *рука*, англ. *hand* ‘рука’, *нос* и *глаз / глаза*, англ. *eye / eyes* ‘глаз / глаза’.

3.1.2. Дейктические соответствия

Национальная специфика белорусских и английских дейктических единиц определяется частичным совпадением их лексического и структурно-языкового мегакомпонентов значения. Например, белорусское дейктическое наречие *удалечы* и его английский эквивалент *far* со значением ‘вдалеке’ характеризуются несовпадением функционально-территориального микрокомпонента: *удалечы* – областное, *far* – общеупотребительное.

При сопоставлении дейктических белорусских и английских ФЕ с полной или частичной идентичностью лексического и структурно-языкового мегакомпонентов значения необходимо учитывать несовпадение их образ-

ных составляющих. Например, белорус. *з усіх бакоў* [СФ 1, с. 98] и англ. *from all quarters* (буквально ‘из всех кварталов’) [БАРФС, с. 613] имеют одинаковое значение ‘из разных мест’, но наблюдается различие образа. В белорусском фразеологизме – это перемещение к перцептору с четырех сторон света. В английской ФЕ *from all quarters* образной составляющей выступает перемещение из части или районы города, где живут и работают люди определенной национальности или социального статуса – *quarters*. Считать их межъязыковыми фразеологическими соответствиями позволяет тот факт, что внутренний образ фразеологизмов практически не осознается носителями языка и в большинстве случаев не влияет на употребление ФЕ.

Всего было выявлено 335 белорусско-английских дейктических соответствий. Они составляют 42 % от общего числа единиц с дейктической семантикой. Распределение белорусско-английских соответствий по подгруппам отражено в табл. 11 (см. с. 125–126).

3.1.3. Белорусские безэквивалентные дейктические единицы

Межъязыковая дейктическая безэквивалентность, представленная 19 белорусскими единицами (3 %), является результатом действия следующих факторов:

а) наличием лексем-реалий жизни белорусского народа: *пайсці на сяло* ‘отправиться бесцельно ходить’ [СФ 1, с. 298], где *сяло* в белорусской лингвокультуре – большая деревня, хозяйственный и административный центр для окружающих поселений [ТСБМ];

б) специфическими историческими эпохами: *дакастрычніцкі* ‘относящийся ко времени, предшествующему Великой Октябрьской социалистической революции’ [ТСБМ], *дапятроўскі* ‘относящийся ко времени, которое предшествует царствованию Петра I’.

Исследователь А. С. Аксамитов связывает наличие лакун в языке сопоставления с несущественностью для этой культуры определенного денотата исходного языка [Аксамітаў 1999]. Однако лингвоспецифическое понятие исходного языка может существовать в языке сопоставления на других языковых уровнях, что делает возможной передачу семантики безэквивалентных белорусских единиц на английский язык. Как показывает обзор литературы по проблеме межъязыковой безэквивалентности [Арсентьева 2006; Быкова 2003; Влахов 1980; Гудков 2003; Кунин 1964; Степанов 2003; Стернина 2003], основные приемы для передачи значения безэквивалентных единиц исходного языка на язык сопоставления можно свести к следующим.

1. Полное или частичное калькирование – дословный или частично дословный перевод ЛЕ и ФЕ исходного языка на язык сопоставления. При полном калькировании морфемный состав лексемы и лексемный состав ФЕ исходного языка калькируются без каких-либо изменений. Например, белорусскую ФЕ *куды ногі нясуць / панясуць* [СФ 2, с. 104] со значением ‘перемещение от перцептора в неопределенном направлении’ можно передать на английский язык при помощи полного фразеологического кальки-

рования *where / wherever one's feet / legs carry / take one*, поскольку она легко будет пониматься носителями английского языка. При частичном калькировании наблюдаются некоторые изменения в лексемном составе или структурно-грамматической организации кальки языка-рецептора по сравнению с ФЕ языка-оригинала: например, англ. *sleeping policeman* – белорус. *ляжачы паліцэйскі*.

2. Выборочный перевод – это выбор среди словарных соответствий ЛЕ или ФЕ языка сопоставления, которая максимально соответствует по всем показателям ЛЕ или ФЕ исходного языка. Например, белорусской ЛЕ *вышэйзгаданы* соответствуют пять англоязычных аналогов *aforementioned*, *foregoing*, *forementioned*, *aforesaid*, *said* [РАФС], белорусской ФЕ *вытыркаць нос* 'выходить откуда-нибудь, показываться' – три англоязычных эквивалента *poke one's nose out of place* (букв. 'высовывать нос из места'), *stick one's nose out of doors* (букв. 'высовывать нос из-за двери'), *show one's face in the street* (букв. 'показывать свое лицо на улицу' [РАФС]). Англоязычным соответствием белорусской ЛЕ *вышэйзгаданы* по всем параметрам является *forementioned*, ФЕ *вытыркаць нос – show one's face in the street.*

3. Трансформационный перевод – это передача единицы исходного языка на язык сопоставления с опущением, дополнением или перастановкой компонентов местами. Так, значение английской ФЕ *catch somebody red-handed* [CID] (букв. 'поймать кого-нибудь с красными руками') с указанием одновременности наблюдения и процесса совершения противозаконного деяния можно передать на белорусский язык фразеологизмом *злавіць каго-небудзь на месцы злачынства / на гарачым.*

4. Контекстуальный перевод – это передача содержания ЛЕ и ФЕ исходного языка на язык сопоставления в зависимости от контекста при отсутствии однопорядковых эквивалентов и аналогов [Кунин 1964, с. 11]. Английскому *you* в белорусском языке соответствуют *ты* и *вы*. Поэтому при переводе необходимо соблюдать логику развития человеческих взаимоотношений и принятых в данном обществе социокультурных норм: ***You*** *should not have run* (D. Brown. «The Da Vinci Code») [АПНКРЯ] '**Ты** не павінен бегчы'; ***You*** *do not understand, Mr. Langdon* (D. Brown. «The Da Vinci Code») [АПНКРЯ] '**Вы** не зразумелі, містар Лэнгдан'.

5. Комбинированный перевод – сочетание двух или более способов передачи значения ЛЕ и ФЕ исходного языка на язык сопоставления. Так, значение английского ФЕ *have swallowed a / the dictionary* можно передать комбинацией калькирования *проглотить словарь* или дескриптивным переводом *сыпать учеными словами* [Аюпова 2004, с. 6].

6. Лексический способ перевода – это способ передачи значения единицы исходного языка словом или переменным словосочетанием в языке сопоставления. Значение белорусской ФЕ *вецер у спіну* 'пожелание избавиться от кого-нибудь, пусть идет, куда хочет' [СФ 2, с. 321] можно передать в английском языке переменным словосочетанием *have a good trip.* На основе анализа лексикографических источников значения следующих 7 безэкви-

валентных белорусских единиц (35 % от общего количества белорусских безэквивалентных единиц) передаются на английский язык словом или переменным словосочетанием:

1) белорус. *не прымусіць <доўга> сябе чакаць* ‘скоро, тут же появиться, прийти’ [СФ 2, с. 261] – англ. *not keep someone waiting* (букв. ‘не заставлять кого-нибудь ждать’) [РАФС, с. 172];

2) белорус. *тут як тут* ‘сразу появиться’ [СФ 2, с. 538] – англ. *there someone is* (букв. ‘есть кто-нибудь’) [РАС, с. 651];

3) беларус. *як тут і быў / была / былі* ‘сразу появиться’ [СФ 1, с. 160] – *there someone is* (букв. ‘есть кто-нибудь’) [РАС, с. 651];

4) белорус. *забываць дарогу да каго, куды / забыць дарогу да каго, куды* ‘перестать появляться’ [СФ 1, с. 431] – англ. *stop visiting somebody, stop going to somewhere* (букв. ‘перестать навещать кого-нибудь’) [БРАФС, с. 202];

5) белорус. *за плячыма* ‘очень близко, рядом’ [ФС, с. 100; СФ 2, с. 229] – англ. *behind someone* (букв. ‘за кем-нибудь’) [БРАФС, с. 465];

6) белорус. *на месца* ‘туда, куда надо (положить, спрятать и под.; выехать, отправиться куда-нибудь и под.)’ [СФ 2, с. 34] – англ. *<put sth.> in its proper place* [БРАФС, с. 364];

7) белорус. *не па адрасе* ‘не туда, куда надо; не к тому, к кому надо (заходить, обращаться) [СФ 1, с. 75] – англ. *to the wrong person / address / place / quarter / door* [РАС, с. 28].

7. Дескриптивный (описательный, экспликативный) перевод – передача семантики единицы исходного языка при помощи словосочетаний или развернутых описаний в языке сопоставления [Влахов и Флорин 1980, с. 196]. Например, англ. *jet lag* можно передать словосочетанием ‘нарушение суточного ритма организма в связи с перелетом через несколько часовых поясов’. Этот способ использован при передаче значений 13 белорусских лексем (65 %) от общего числа безэквивалентных единиц:

1) белорус. *заранні* – англ. *too early*;
2) белорус. *заўчора* – англ. *two days before*;
3) белорус. *дакастрычніцкі* – англ. *before October Revolution*;
4) белорус. *дапятроўскі* – англ. *before Peter I*;
5) белорус. *напрыязджаць* – англ. *come in big numbers*;
6) белорус. *паслязаўтра* – англ. *the day after tomorrow*;
7) белорус. *перадвыхадны* – англ. *before weekend*;
8) белорус. *перадвячэрні* – англ. *before evening*;
9) белорус. *перадмайскі* – англ. *before May Day*;
10) белорус. *пераднавагодні* – англ. *before the New Year Eve*;
11) белорус. *пераднядзельны* – англ. *before Sunday*;
12) белорус. *перадсвітальны* – англ. *before dawn*;
13) белорус. *напаслязаўтра – the day after tomorrow.*

Преимущество лексического способа передачи семантики белорусских безэквивалентных дейктических единиц на язык сопоставления обусловлено аналитическим типом английского языка: эти понятия присутствуют в английской языковой картине мира и могут быть переданы при помощи ЛЕ, словосочетаний или дескриптивного перевода.

3.2. ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ БЕЛОРУССКИХ ДЕЙКТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Степень проявления национальной специфики семантики дейктических слов исходного языка на фоне языка сопоставления в рамках конкретных груп может получить количественную оценку в виде индексов [Стернин 2006; Стернина 2014 Чубур 2005]. Сопоставление индексов национальной специфики дейктических единиц сравниваемых языков во всех подгруппах позволяет установить универсальные характеристики дейксиса, строящиеся на одинаковых когнитивных принципах, а на их фоне – идиоэтнические особенности языковой репрезентации этой категории с яркой национальной спецификой. Степень проявления национальной специфики семантики дейктических единиц исходного языка на фоне языка сопоставления в рамках конкретных подгрупп можно оценить с учетом количественных параметров. Согласно апробированной нами межъязыковой дейктической типологии, включающей *полные дейктические эквиваленты*, *дейктические соответствия*, *безэквивалентные единицы*, формами проявления национальной специфики дейктиков исходного языка в сопоставлении с единицами языка сопоставления являются 1) *полная межъязыковая дейктическая эквивалентность*, 2) *дейктическая национальная специфика*, 3) *дейктическая безэквивалентность*. Эти типы представляют шкалу варьирования национальной специфики от минимальной (полная эквивалентность) до максимальной (безэквивалентность). Данные показатели апробированы на разноязычном лексико-фразеологическом материале [Зимина 2007; Поталуй 2004; Харитонова 1987; Чубур 2005]. Индексы могут варьироваться от 0 (минимум) до 1 (максимум). Сумма всех типов вышеупомянутых индексов степени проявления национальной специфики конкретной семантической подгруппы, если они установлены, должна составлять 1.

Три типа проявления национальной специфики позволили представить три количественных показателя степени проявления национальной специфики категории дейксиса в сопоставляемых языках: 1) *индекс межъязыковой дейктической эквивалентности*, 2) *индекс дейктической национальной специфики*, 3) *индекс дейктической безэквивалентности*.

Индекс межъязыковой дейктической эквивалентности (Имдэ) – отношение количества дейктических единиц с полными дейктическими эквивалентами в языке сопоставления к общему числу дейктических единиц исходного языка в определенной подгруппе. Он выражается следующей формулой:

$$Имдэ = Nпдэ : Nде,$$

где Nпдэ – количество дейктических единиц, которые имеют полные дейктические эквиваленты в подгруппе; Nде – общее количество дейктических единиц исходного языка определенной подгруппы.

Индексы межъязыковой дейктической эквивалентности всех 17 семантических подгрупп представлены в табл 11 (см. с. 125–126). Сопоставление

выделенных нами индексов дейктической эквивалентности для 17 подгрупп показало, что самые высокие показатели межъязыкового дейктического изоморфизма (> 0,7) наблюдаются в подгруппах *адресант* (1), *адресат* (1), *неучастники коммуникации* (1), *одновременность* (0,74), *предшествование без указания на отдаленность* (0,85), *местонахождение с указанием на расстояние – близко* (0,7) и *без указания на расстояние* от перцептора (0,84). Это позволяет трактовать их как универсальные семантические параметры дейксиса, получающие идентичную манифестацию в белорусском и английском языках.

Индекс дейктической национальной специфики (Иднс) – отношение количества дейктических соответствий с национальной спецификой к общему числу дейктических единиц определенной подгруппы. Индекс дейктической национальной специфики вычисляется по формуле:

Иднс = Nденс : Nде,

где Nденс – количество дейктических единиц с национальной спецификой; Nде – общее количество дейктических единиц определенной подгруппы исходного языка.

Индексы национальной специфики всех семантических подгрупп представлены в табл. 11 (см. с. 125–126). Высокие показатели индекса национальной специфики (> 0,7) белорусских дейктических единиц в сопоставлении с английскими выявлены в подгруппе *с указанием на нескорое следование событий* (0,75).

Индекс дейктической безэквивалентности (Идбэ) – отношение количества безэквивалентных дейктических единиц к общему числу дейктических единиц определенной подгруппы исходного языка. Индекс безэквивалентности выражается формулой:

Идбэ = Nбде : Nде,

где Nбде – количество безэквивалентных дейктических единиц; Nде – общее количество дейктических слов определенной подгруппы исходного языка.

Низкие показатели индекса безэквивалентности 17 белорусских семантических подгрупп на фоне английских (< 0,1) обусловлены высокой степенью идентичности репрезентации дейксиса в сопоставляемых языках.

Представляется возможным вычисление интегрального уровня межъязыковой дейктической эквивалентности единиц сопоставляемых языков – обобщенного индекса межъязыкового дейктического изоморфизма (ОИмди) как отношения совокупности полных дейктических эквивалентов всех подгрупп касательно общего количества единиц дейктического корпуса исходного языка. Он выражается формулой:

ОИмди = Nдэ : Nде,

где Nдэ – общее количество дейктических единиц, которые имеют полные дейктические эквиваленты всех подгрупп; Nде – общее количество дейктических единиц исходного языка. Он составляет 0,55 и свидетельствует о высоком уровне тождества языковой белорусской и английской репрезен-

тации категории дейксиса, обусловленной универсальными механизмами познания окружающего мира, общими индоевропейскими корнями сопоставляемых языков и принадлежностью этих этносов к европейскому лингвокультурному ареалу.

Наряду с уровнем межъязыкового дейктического изоморфизма возможно подсчитать уровень национальной специфики дейктических единиц исходного языка на фоне дейктических единиц языка сопоставления в виде обобщенного индекса межъязыкового дейктического алломорфизма (ОИмда) – отношения совокупности безэквивалентных дейктических единиц и дейктических соответствий исходного языка к общему числу единиц дейктического корпуса. Этот показатель определяется по следующей формуле:

$$\text{ОИмда} = (\text{Nденс} + \text{Nбде}) : \text{Nде},$$

где ОИда – обобщенный индекс дейктического алломорфизма; Nденс – общее количество дейктических единиц с национальной спецификой всех подгрупп; Nбде – общее количество безэквивалентных дейктических единиц всех подгрупп; Nде – общее количество единиц дейктического корпуса исходного языка.

Обобщенный индекс межъязыкового дейктического алломорфизма составляет 0,45 и свидетельствует о значительной степени этноспецифичности категории дейксиса в белорусском языке, которая обусловливается интра- (структурная разнотипность сопоставляемых языков) и экстралингвистическими факторами (культурно-исторические, географические условия проживания носителей сопоставлямых языков). Количественные характеристики по всем подгруппам представлены в табл. 11 (см. с. 125–126).

3.3. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДВУЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОСТАВЛЕНИЯ «БЕЛАРУСКА-АНГЛІЙСКАГА ІДЭАГРАФІЧНАГА СЛОЎНІКА ДЭЙКСІСУ»

Прикладным аспектом сравнительно-сопоставительного исследования разноязычных систем является составление двух- и многоязычных лексикографических справочников. На современном этапе исследованы определенные аспекты соотношения лексико-фразеологических систем белорусского и русского языков [Иванов 2007; Киселёв 1991], белорусского и польского языков [SBPPB], белорусского и немецкого языков [Іваноў 2006; БНС]. Белорусские пословицы в отношении паремиологических единиц латыни, русского, французского, немецкого и английского языков описаны в «Шасцімоўным слоўніку прыказак, прымавак і крылатых слоў: Proverbia et dicta» [Ганчарова 1993]. Частично описаны белорусские и английские лексико-фразеологические параллели [Іваноў 2009; Корсак 1984; Суша 2004]. Тем не менее сопоставительная лексикология белорусского и английского языков

остается пока мало разработанной в теоретическом и прикладном аспектах, о чем свидетельствует отсутствие двуязычных лексико-фразеологических справочников в белорусской лингвистической традиции.

В XXI в. в связи с возрастанием интереса к изучению языковой категоризации и концептуализации мира все большую значимость приобретают переводные лексико-фразеологические словари другого типа – идеографические, где ЛЕ и ФЕ группируются не в алфавитном порядке, а по тематическому принципу на основе их значения. Научной идеей создания подобных словарей является тезис о семантических полях как основной форме «упаковки» и «хранения» языковых единиц в памяти говорящего [Лакофф 1988; Минский 1979; Скрэгг 1983; Чейф 1983]. Выделяются три основных типа идеографических словарей.

1. Словарь-тезаурус с рациональной логико-философской классификацией предметов и действительности.

2. Аналогический словарь, где алфавитный принцип размещения слов совмещается с тематической организацией лексики.

3. Тематический словарь с актуальными темами для усвоения определенного языка и учебной направленностью [Караулов 1981; Морковкин 1977].

На современном этапе развития лексикографии существуют одноязычные идеографические словари английского [Roget 1964], испанского [Robert 2004], французского [Boissiere 1862; Robert 2004] языков. Среди многоязычных идеографических справочников необходимо отметить англо-французско-испанский словарь [Diccionario ideográfico polígloto]. Обычно в таких справочниках ЛЕ и ФЕ распределяются по логическим категориям. Главная цель идеографического словаря – подсказать правильную единицу для выражения необходимого понятия в определенном контексте. В отличие от алфавитного порядка, который разрушает семантические связи ЛЕ и ФЕ с контекстами, тематический принцип позволяет их выявить и эксплицировать в виде многоуровневой системы, которая отражает организацию внеязыковой действительности. Подобная система создает у пользователя целостное представление о языковой картине мира определенного этноса, информирует об установках и стереотипах его культуры. Также тематическая организация материала позволяет избежать необходимости выделения опорного слова в структуре ФЕ – проблемы, возникающей при составлении алфавитно-гнездовых фразеологических справочников и не имеющей однозначного решения. Таким образом, лексико-фразеологическая идеография может быть определена «как стыковой участок современного языкознания (идеография + лексикология + фразеология + лексикография), предметом которого является изучение лексико-фразеологической картины мира и разработка теории составления словарей идеографического типа» [Эмирова 1971, с. 61].

Отметим, что идеографическая классификация русской лексики представлена в «Идеографическом словаре русского языка» О. М. Баранова [ИСРЯ] и «Русском семантическом словаре» Н. А. Шведовой [РСС], фра-

зеологии – во фразеологическом справочнике А. М. Баранова и Д. О. Добровольского «Словарь-тезаурус современной русской идиоматики» [СТСРИ]. Однако в белорусском языке не существует отдельного лексико-фразеологического идеографического тезауруса. Тем не менее появляются попытки идеографического описания некоторых фрагментов белорусской лексико-фразеологической системы. А. С. Аксамитов разработал ономасиологическую классификацию белорусских ФЕ и распределил их по категориям качества, количества, состояния, предметности, отношений, взаимодействия, движения [Аксамитов 1987]. Н. Г. Брейво подготовила проект фразеологического идеографического словаря английского и белорусского языков на материале ФЕ с компонентом – имя собственное [Брэйво 2005].

Главная цель лингвистического анализа, по мнению Е. С. Кубряковой, – «выявление и детальное описание структур знаний, суждений, оценок, которые стоят буквально за каждой языковой единицей» [Кубрякова 2006, с. 29]. Опираясь на собственно лексикографический опыт, связанный со словарной параметризацией результатов сравнительно-сопоставительного исследования категории дейксиса в белорусском и английском языках, мы решаем важную проблему реконструкции дейктического фрагмента языковой картины мира носителей сопоставляемых языков в виде «Беларуска-англійскага ідэаграфічнага слоўніка дэйксісу». Такой словарь имеет определенные преимущества перед традиционными двуязычными справочниками, поскольку дает возможность пользователю составить целостное представление об отраженной в белорусской и английской лексико-фразеологических системах дейксиса, увидеть особенности мировосприятия носителей этих языков и выявить универсалии и уникалии в языковой репрезентации дейксиса сопоставляемых лингвокультур.

Актуальность подобного справочника также обусловлена потребностью современной отечественной лексикографии в разработке точных лингвистических параметров для представления отдельных семантических групп белорусских ЛЕ и ФЕ в одно- и двуязычных словарях, что позволит представить весь лексико-фразеологический фонд белорусского языка как стройную систему взаимосвязанных элементов. На основе анализа работ по теоретической и практической лексикографии [Аксамитов 1978, 1987, 1999; Аюпова 2004; Бабенко 2009, 2010; Бабкин 1964, 1981; Байрамова 1982; Бушуй 1982; Влахов 1987; Даніловіч 2011, 2018; Добровольский 1997; Иванов 2006; Караулов 1981; Квеселевич 1975; Киселёв 1985, 1991; Кунин 1964; Ляшчынская 2007; Мельчук 1995; Морковкин 1970, 1977; Сабурова 2003; Стернин 2006; Хайруллина 1996; Шанский 1978; Щерба 1940; Юлдашева 1985; Эмирова 1971, 1988; Hallsteinsdóttir 2004; Landau 2003; Moon 1998; Siepmann 2008; Svensen 2003; Zgysta 2003] нами были решены следующие спорные теоретические и практические вопросы составления «Беларуска-англійскага ідэаграфічнага слоўніка дэйксісу».

1. Отнесение дейктической единицы к определенной группе, что связано с ее многозначностью. Например, единицы *недалёка* [ТСБМ] и *не за гарамі* [СФ 1, с. 540] имеют два значения: указание на время ‘скоро’ и указание на

расстояние ‘близко’. В идеографическом белорусско-английском словаре эти дейктические единицы подаются в двух значениях – пространственном и темпоральном. В перспективе при составлении тезаурусов белорусского лексико-фразеологического фонда проблема многозначности может быть решена при помощи парадигматических отсылок. Единицы *недалёка* [ТСБМ] и ФЕ *не за гарамі* [СФ 1, с. 540] будут находиться в таксоне ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ДЕЙКСИС в значении ‘близко по расстоянию’ и в таксоне ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ДЕЙКСИС в значении ‘близко по времени’.

2. Неполное лексикографическое представление семантических, грамматических, функционально-стилистических и прагматических характеристик ЛЕ и ФЕ в белорусских и английских лексикографических справочниках, что усложняет их описание, сопоставление и подбор межъязыковых эквивалентов и аналогов.

3. Нерепрезентативность корпуса белорусско-английских параллельных текстов, что значительно ограничивает количество адекватных контекстов для сопоставления белорусских и английских ЛЕ и ФЕ. Вот почему все английские иллюстративные контексты словаря нами переводились на белорусский язык самостоятельно.

4. Неточность подобранных авторами словарей английских соответствий.

5. Использование разнообразных систем обозначения типов эквивалентности. На основе анализа набора символов эквивалентности математической логики Н. И. Кондакова [Кондаков 1975, с. 467–471], успешно опробованного на разноязычном лексико-фразеологическом материале Е. Е. Ивановым [Иванов 2006], мы предлагаем использовать следующие графические маркеры эквивалентности белорусских дейктических единиц и их англоязычных аналогов:

= (символ абсолютной равнозначности) – для маркирования англоязычных полных фразеологических эквивалентов;

≌ (символ сильной эквивалентности) – для маркирования англоязычных дейктических соответствий;

≠ (символ неэквивалентности) для маркирования белорусских безэквивалентных дейктических единиц. В подготовленном нами словаре англоязычные соответствия безэквивалентных белорусских дейктических единиц подаются жирным курсивом без условных обозначений.

Указанные символы позволяют не только дифференцировать типы межъязыковых дейктических соответствий и показать их графически, но также эксплицировать формы проявления национальной специфики конкретной белорусской единицы по сравнению с английской.

Решение вышеизложенных теоретических и практических вопросов позволило нам разработать макро- и микроструктуру «Беларуска-англійскага ідэаграфічнага слоўніка дэйксісу».

Макроструктура словаря базируется на тематической сегментации белорусского и английского семантических полей дейксиса (см. рис. 4, с. 32) и состоит из таксона ДЕЙКСИС как общего семантического критерия

и 17 подтаксонов. Например, белорусская дейктическая единица *тут* и ее англоязычный эквивалент *here* ‘здесь’ представлены в нашем словаре в одной группе со значением ДЕЙКСИС. Такая группа единиц, объединенных близостью семантики, называется таксоном, а смысловой компонент, общий для них, выносится в название таксона. Далее этот таксон может делиться на подтаксоны [Баранов и Добровольский 2008, с. 5–11]. В таксоне ДЕЙКСИС выделяются подтаксоны ЛИЧНЫЙ ДЕЙКСИС, ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ДЕЙКСИС, ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ДЕЙКСИС. Каждый подтаксон может дробиться дальше. Например, подтаксон ЛИЧНЫЙ ДЕЙКСИС подразделяется на подтаксоны с указанием на АДРЕСАНТА, АДРЕСАТА и НЕКОММУНИКАТИВНЫХ ЛИЦ. Внутри каждого подтаксона белорусские дейктические единицы располагаются по алфавиту первых компонентов. Проведенное исследование показало, что дейксис в белорусском и английском языках представляет собой древовидный таксон с достаточно разветвленной логической структурой – совокупностью подтаксонов. Каждый подтаксон имеет свою *продуктивность*, под которой нами понимается количество единиц, представленных в нем [Баранов и Добровольский 2008, с. 406]. Продуктивность подтаксонов – важный фактор оценки значимости определенных семантических противопоставлений в белорусской и английской лексико-фразеологических системах. Количественное распределение дейктических единиц по подтаксонам представлено на рис. 6.

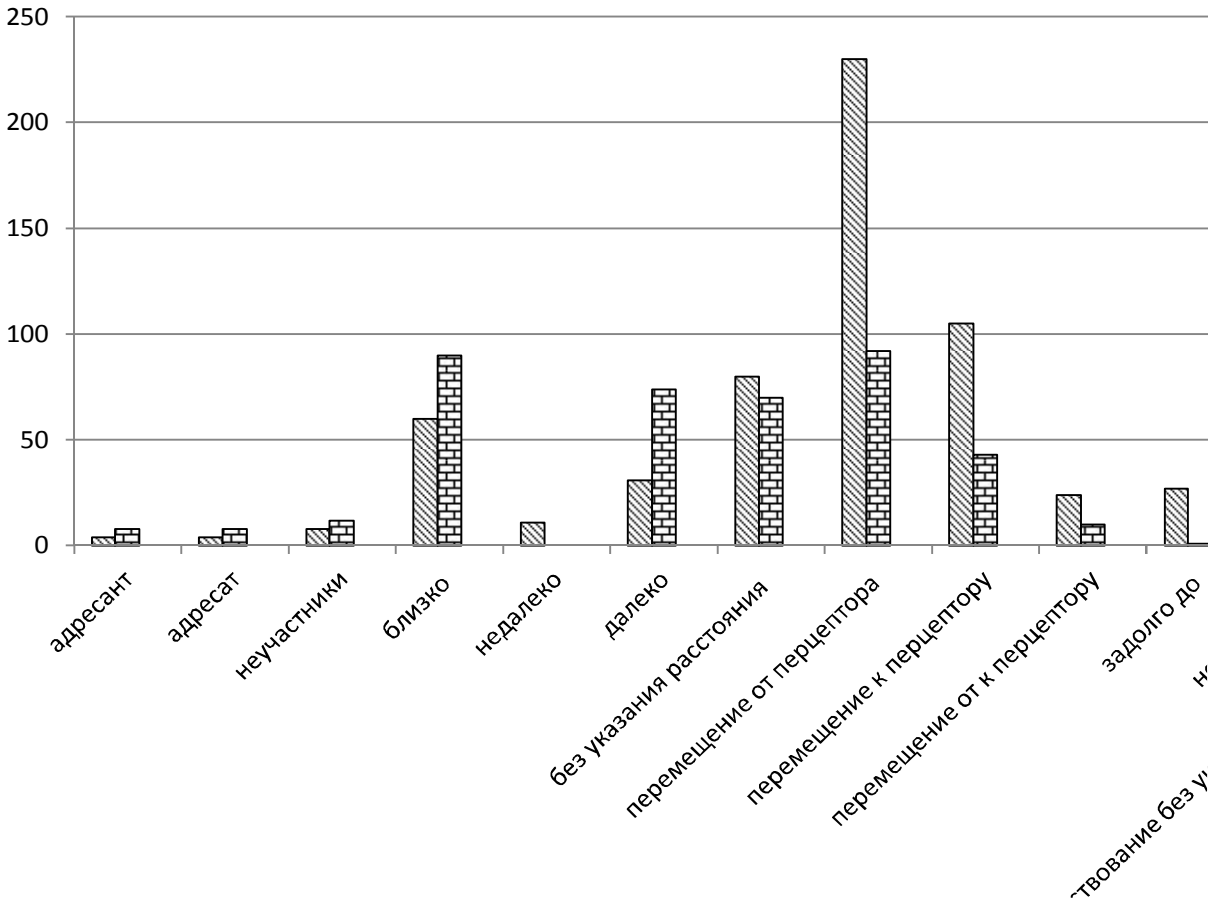

Рис. 6. Количественное распределение дейктических единиц по подтаксонам

Компаративный анализ продуктивности 17 подтаксонов, представленный на рис. 6, показал что главными дейктическими оппозициями для носителей белорусского и английского языков выступают *локативные* («близкое расположение объекта – отдаленное расположение объекта»: 102 белорусские и 164 английские единицы), *кинетические* («перемещение от перцептора – перемещения к перцептору»: 359 белорусских и 145 английских единиц) и *таксисные* («указание на предшествование – указание на следование»: 204 белорусские и 181 английская единица) дейктические противопоставления. Эта когнитивная триада отражает связь пространства, времени и движения и соответствует концептуальным схемам современного теоретического естествознания, «где пространство и время предстают как свойства материи, которая движется, а движение – как свойство материи, обладающей пространственно-временной структурой» [Акулов 2011, с. 64].

Микроструктура лексикографического справочника – это словарная статья, состоящая из следующих разделов: белорусская единица с грамматической, структурной и функционально-стилистической характеристикой; толкование значения на белорусском языке; ближайший английский эквивалент в семантическом, лексико-грамматическом и функционально-прагматическом аспектах; иллюстративные примеры употребления белорусской единицы и ее англоязычного эквивалента с переводом на белорусский язык. Статья представляется следующим образом:

ВЫ. Займеннік.

Ужываецца пры звароце да некалькіх асоб, а таксама як форма ветлівага звароту да адной асобы.

= you

– Даўно ж ***вы*** *прыехалі ў Цельшына? – запытаў Лабановіча Кірыл* (Я. Колас. У палескай глушы) [БПНКРЯ];

Dr. Meade is in there now. I'm glad ***you****'ve come, Scarlett* (M. Mitchell. Gone with the Wind) [АПНКРЯ] 'Там зараз доктар Мід. Я рады, што **вы** прыехалі, Скарлет'.

Подобная структура словарной статьи является, на наш взгляд, оптимальной, отвечает требованиям времени и делает этот словарь пригодным для широкого круга пользователей. Его могут использовать не только носители белорусского и английского языков в качестве справочника для перевода, но и ученые, исследующие белорусский язык в сравнительно-сопоставительном аспекте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современное состояние теории дейксиса в языкознании характеризуется сосуществованием семантико-полевого, синтактико-дискурсивного, прагмакоммуникативного, психологического и культурологического подходов, которые различаются по маштабности анализируемых проблем и качеству научной обработки объекта исследования. В монографии предложено авторское определение категории дейксиса как указания на лица, предметы, явления действительности и их пространственно-временную локализованность относительно перцептора и ключевых темпорально-пространственных координат канонической (конкретной) или неканонической (воспроизведенной) речевой ситуации. Эта категория эксплицируется дейктической семой в значении белорусских и английских *словообразовательных* (префиксы), *грамматических* (категория лица, видо-временные формы глагола) и *лексико-фразеологических* (личные, притяжательные, возвратные и указательные местоимения, частицы, наречия, предлоги, прилагательные, глаголы, существительные, фразеологизмы) единиц, которые характеризуются следующими категориальными признаками: высокой степенью обобщенности значения, коммуникативно-прагматической обусловленностью, эгоцентричностью, ситуативностью и относительностью. На основании приведенных категориальных признаков в исследовании предложена стратификация указательных средств сопоставляемых языков на *полные дейктические единицы*, обладающие всеми выделенными категориальными признаками, и *полудейктические единицы*, в которых дейктическая сема сочетается с назывной.

Дейксис представляет собой систему с полицентрический структурой и конституируется тремя инвариантными семантическими параметрами – 1) персональностью (участники коммуникации: адресант / адресат / некоммуникативные лица), 2) пространственностью (местонахождение: *с указанием расстояния – близко / недалеко / далеко* и без указания расстояния; перемещение – *от перцептора / к перцептору / от-к перцептору*), 3) темпоральностью (предшествование *с указанием отдаленности – давно, недавно* и *без указания отдаленности*, одновременность, следование с *указанием отдаленности – скоро, нескоро* и *без указания отдаленности*).

Способ актуализации дейктического компонента значения зависит от структурного типа языка. Преимущественно *аналитический* строй английского языка предопределяет *эксплицитно-аналитическое* выражение: 1) личного дейксиса с облигаторным использованием личных местоимений и ограничением возможности их опущения при финитной форме глаголе, обязательной экспликацией категории определенности притяжательными местоимениями, полной корреляцией лица возвратных местоимений с лицом кореферетного личного местоимения; 2) пространственного дейксиса предлогами и наречиями с глаголами движения; 3) темпорального дейксиса аналитическими видо-временными формами глагола; 4) полного дейктического сдвига при переходе из

прямой речи в косвенную, сопровождаемого *грамматикализацией* (Past Perfect) и смещением центра личного, пространственного и темпорального дейксиса в придаточном предложении сложноподчиненного предложения, если глагол-сказумое главного предложения употребляется в одном из прошедших времен группы Past (Past Simple, Past Continuous, Past Perfect, Past Perfect Continuous).

Преимущественно *флективный* строй белорусского языка обусловливает *эксплицитно-синтетическое* выражение: 1) личного дейксиса, о чем свидетельствуют допустимость элиминации личных местоимений 1-го и 2-го лиц при финитной форме глаголе – *дейктический эллипсис*, факультативная экспликация категории определенности притяжательными местоимениями, отсутствие двойного дейктического маркирования лица; 2) пространственного дейксиса префиксами со значением приближения к перцептору и удаления от него в глаголах движения, степень выраженности семантики перемещения в которых обратно пропорциональна их способности быть префигированными направительными формантами, поскольку они содержат в своем значении две факультативные валентности исходного и конечного пунктов; 3) темпорального дейксиса синтетическими видовременными формами глагола; 4) частичного дейктического сдвига при переходе из прямой речи в косвенную со смещением центра личного дейксиса в придаточном предложении сложноподчиненного предложения, если глагол-сказуемое главного предложения употребляется в форме прошедшего времени.

Категория вида в белорусском языке и аспекта в английском языке указывают на соотношение пространственно-темпоральной локализации перцептора и пространственно-темпоральных координат описываемого им события. Сказуемые, представленные глаголами совершенного вида в белорусском языке и перфектного аспекта в английском языке, включают время и место описываемого перцептором события в его пространственно-темпоральный континуум. При употреблении глагола-сказуемого несовершенного вида в белорусском языке и длительного аспекта в английском языке происходит включение пространственно-темпоральной позиции перцептора в пространственно-темпоральный континуум описываемой им ситуации с возникновением эффекта ее непосредственного наблюдения и погруженности в процесс.

Наряду с первичной прагматической функцией указания на компоненты речевой ситуации и актуализации денотативного содержания высказывания, дейктические единицы выполняют вторичные прагматические функции, диапазон которых определяется положением дейктической семы в их значении. Периферийность дейктической семы в значении полудейктических единиц – существительных, глаголов, фразеологизмов – обусловливает их невысокий прагматический потенциал. Ядерное положение дейктического компонента в значении полных дейктических единиц – личных, притяжательных и указательных местоимений, указательных наречий – наделяет их богатым спектром вторичных прагматических функций с маркированием:

1) стратегии конфронтации с тактиками элиминации адресата, демонстрации личного превосходства, понижения коммуникативного статуса адресата, пейоративного отчуждения, критики, угрозы, контраста, принуждения, 2) стратегии негативной вежливости с тактиками дистанцирования и деперсонализации, 3) стратегии кооперации с тактиками интеграции и сочувствия, которые обусловлены процессами *прагматикализации* – переходом данных единиц на коммуникативно-прагматический уровень языка для выражения различных реакций говорящего на окружающую действительность и последующей *дидейксикализацией* – ослаблением дейктической семы и изменением ее положения с ядерного на перифейное.

Ядерное положение дейктического компонента в значении полных дейктических единиц – личных местоимений 3-го лица, указательных местомений и наречий – обусловливает непонимание адресатом прагматической пресуппозиции высказывания и повышает вероятность возникновения коммуникативной неудачи. Количественное преобладание случаев неверной трактовки коммуникантами персональных дейктических пресуппозиций (55,1 %) над пространственными (26 %) и темпоральными (18,9 %) в сопоставляемых языках, впервые установленное в исследовании, свидетельствует об системообразующей роли личного дейксиса в формировании прагматической системы координат речевого события. Непонимание прагматической пресуппозиции высказывания устраняется тактиками переспроса, уточнения и объяснения.

Положение дейктического компонента в значении обусловливает степень межъязыкового квантитативно-квалитативного дейктического изоморфизма и алломорфизма. Ядерность дейктической семы обеспечивает *полную эквивалентность* 55 % дейктических единиц сопоставляемых языков. Периферийное положение дейктической семы предопределяет *частичный межъязыковой параллелизм* (42 %) и *безэквивалентность* (3 %), манифестирующих национально-специфическую *перцептивную*, *аксиологическую*, *социокультурную* и *лингвокультурную* маркированность пространственного дейксиса в сопоставляемых языках. Перцептивные различия характеризуются преобладанием зрительного восприятия в определении местоположения объекта (*за вачыма* ‘далеко’) в белорусском языке. Носители английского языка локализуют объект зрением (*before one’s eyes* ‘близко’) и слухом (*within earshot* – букв. ‘в пределах слуха’ – ‘недалеко’). Белорусская аксиологическая идеоэтничность проявляется положительной оценкой наречной репрезентации близкого местоположения объекта (*бліз**ютк**а*, *блізен**ечк**а*) и отрицательной коннотацией фразеологической объективации его удаленного нахождения (*халера ведае дзе*). Английская социокультурная специфика манифестируется фразеологической репрезентацией строго регламентированной структуры личной сферы перцептора (*keep smb at a distance* ‘держать на расстоянии, не подпускать к себе’), зависимостью узуса демонстративов *this*, *that*, *these*, *those* от коммуникативного статуса источника информации (сам говорящий или 3-е лицо) и единства пространства

участников общения при разговоре по телефону. Лингвокультурное своеобразие репрезентируется преобладающей *мифологизацией* пространственного дейксиса в белорусском языке и его преимущественной *христианизацией* в английском языке. Об этом свидетельствуют лексемы с семантикой белорусских мифологических феноменов *грымоты*, *кадук*, *ліха*, *пярун*, *халера* (*халера ведае дзе*) в структуре дейктических белорусских ФЕ и христианских антиподов Бога – *dickens*, *devil*, *deuce* – в структуре английских ФЕ (*god knows where*).

Впервые установленные обобщенный индекс белорусско-английского межъязыкового дейктического изоморфизма (0,55) и обобщенный индекс белорусско-английского дейктического алломорфизма (0,45) эксплицируют количественное равновесие универсальности и этноспецифичности в репрезентации дейксиса и свидетельствуют о параллельном взаимодействии *межъязыковой конвергенции*, обусловленной универсальными механизмами познания действительности, принадлежностью белорусского и английского этносов к европейскому лингвокультурному ареалу, общими индоевропейскими корнями этих языков, и *межъязыковой дивергенции*, предопределенной гетерогенными географическими и культурно-историческими условиями развития сопоставляемых языков, ведущими к их структурной разнотипности.

Эксплицированная семантико-прагматическая организация дейксиса в сопоставляемых языках обусловила синопсис идеографического словаря белорусских и английских единиц с дейктической семантикой. Впервые в отечественной лексикографии проведена тематическая дифференциация и параметризация белорусских и английских дейктических единиц, составлен «Беларуска-англійскі ідэаграфічны слоўнік дэйксісу», компаративный анализ 17 подтаксонов которого эксплицирует совмещение в семантике языковых единиц временного и пространственного указания – *синкретичного пространственно-темпорального дейксиса* и относительное количественное равновесие *кинетических* («перемещение от перцептора – перемещение к перцептору»), *таксисных* («предшествование событий – следование событий») и *локативных* («близкое расположение объекта – удаленное расположение объекта») дейктических оппозиций в сопоставляемых языках, что свидетельствует о фундаментальном единстве пространства, времени и движения, где пространство и время – атрибуты движущейся материи, а движение – свойство материи с пространственно-временной структурой.

Установленная нами семантико-прагматическая организация дейксиса представляет собой один из возможных способов лингвистического анализа этой категории. Надеемся, данное исследование послужит дальнейшей разработке теоретических и прикладных проблем языковой категоризации и концептуализации объективной действительности в славянских и германских языках, решению актуальных вопросов лингвистической типологии и межъязыковой корелляции разноструктурных языков, а также уточнению теоретических и практических основ двуязычной лексикографии.

ЛИТЕРАТУРА

Абашилова, А. М. Лексико-грамматические средства выражения семантики пространства в аварском языке в сопоставлении с английским : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. М. Абашилова. – Махачкала, 2002. – 145 л.

Азиева, С. О. Выражение темпорального дейксиса в системе указателей в английском и аварском языках / С. О. Азиева // Совр. проблемы науки и образования. – 2007. – № 3. – С. 56–63.

Аксамітаў, А. С. Беларуска-славянскія і беларуска-неславянскія ізафраземы – падабенства і адрозненне / А. С. Аксамітаў // Slavia Orientalis. – 1999. – Т. XLVIII, № 2. – С. 269–279.

Аксамітаў, А. С. Беларуская фразеалогія / А. С. Аксамітаў. – Мінск : Выш. шк., 1978. – 222 с.

Аксамитов, А. С. О некоторых принципах построения идеографического фразеологического словаря: на материале белорусской идиоматики / А. С. Аксамитов // Фразеологизм и его лексикографическая разработка : сб. науч. тр. – Минск, 1987. – С. 49–53.

Акулов, В. Н. Основы философии : сокращ. курс лекций / В. Л. Акулов. – 2-е изд. – Минск : Минск. гос. лингвист. ун-т, 2011. – 224 с.

Алёхина, М. И. О классификации местоимений / М. И. Алёхина // Рус. яз. в шк. – 1982. – № 1. – С. 63–68.

Алфёров, А. В. Интеракциональный дейксис как средство организации речевого взаимодействия (на материале французского языка) : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.05 / А. В. Алфёров. – Пятигорск, 2001. – 327 л.

Амирова, П. А. Дейктические системы и средства их выражения в дагестанских и германских языках : дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 / П. А. Амирова. – Махачкала, 2006. – 156 л.

Андреева, О. С. Актуализационный потенциал базовых языковых дейктиков пространственно-временной семантики : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / О. С. Андреева. – Барнаул, 2005. – 141 л.

Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика : сб. науч. ст. / Всерос. ин-т науч. и техн. информ. – М., 1986. – Вып. 28. – С. 5–33.

Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1974. – 368 с.

Апресян, Ю. Д. Прагматика и лексикография: прагматическая информация для толкового словаря / Ю. Д. Апресян // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспектах : тез. рабоч. совещания. – М., 1987. – С. 6–10.

Арсентьева, Е. Ф. Национально-культурная специфика фразеологических единиц / Е. Ф. Арсентьева // III Междунар. Бодуэновские чтения : И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания : тр. и материалы, Казань, 23–25 мая 2006 г. : в 2 т. / Казан. гос. ун-т ; под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань, 2006. – Т. 2. – С. 122–124.

Арутюнова, Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. / сост.: Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева ; ред. Е. В. Падучева. – М., 1985. – Вып. XVI : Лингвист. прагматика. – С. 3–42.

Арутюнова, Н. Д. Лингвистические проблемы референции / Н. Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. / сост. Н. Д. Арутюнова – М., 1982. – Вып. XIII : Логика и лингвистика (Проблемы референции). – С. 5–40.

Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.

Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 356–367.

Ахапкин, Д. Н. Когнитивный дейксис и проблемы анализа художественного текста [Электронный ресурс] / Д. Н. Ахапкин. – Режим доступа : http: // www.ksu.ru/ss/cogsci04/science/cogsci04/21.doc. – Дата доступа : 10.09.2016.

Аюпова, Р. А. Проблемы сопоставительной фразеологии английского и русского языков : учеб.-метод. пособие / Р. А. Аюпова. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2004. – 24 с.

Бабенко, Л. Г. Синопсис идеографического описания русской лексики как форма репрезентации категоризации мира / Л. Г. Бабенко // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство : сб. в честь Е. С. Кубряковой / редкол.: В. А. Виноградов [и др.]. – М., 2009. – С. 592–613.

Бабкин, А. М. Идиоматика и грамматика в словаре / А. М. Бабкин // Современная русская лексикография / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; ред.: А. М. Бабкин (отв. ред.), В. Н. Сергеев. – Л., 1981. – С. 5–43.

Бабкин, А. М. Фразеология и лексикография / А. М. Бабкин // Проблемы фразеологии: исследования и материалы : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. М. Бабкина. – М. ; Л., 1964. – С. 9–20.

Байрамова, Л. К. Фразеология и перевод / Л. К. Байрамова [и др.] // Фразеология и синтаксис. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982. – С. 3–42.

Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Studia philologica, 2008. – 656 с.

Баранов, А. Н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин // Вопр. языкознания. – 1992. – № 2. – С. 84–99.

Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – С. 234–407.

Беларускі фальклор : у 6 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2005. – Т. 1. – 828 с.

Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1998. – 447 с.

Бердник, О. В. Интерактивность указательных местоимений в языках разных систем в синхронном и диахронном освещении : автореф. дис. канд. филол. наук : 10.02.09 / О. В. Бердник. – Ростов н/Д., 2009. – 23 с.

Березко, М. Д. Функционирование субстантивных заместителей в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. Д. Березко ; Моск. гос. ин-т иностр. яз. – М., 1988. – 24 с.

Бесшапошникова, О. А. Временной и пространственный дейксис в семантике фразеологических единиц современного английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. А. Бесшапошникова ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1987. – 22 с.

Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд. – М. : Прогресс, 1968. – 607 с.

Бондаренко, О. Г. Функционально-семантическое поле дейксиса в современном английском языке : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / О. Г. Бондаренко. – Ростов н/Д., 1998. – 180 л.

Бондарко, А. В. Вид и время русского глагола / А. В. Бондарко. – М. : Просвещение, 1971. – 239 с.

Бондарко, А. В. Категория временного порядка и функции глагольных форм вида и времени в высказывании / А. В. Бондарко // Межкатегориальные связи в грамматике / А. В. Бондарко [и др.] ; отв. ред А. В. Бондарко. – СПб., 1996. – С. 6–21.

Бондарко, А. В. Лингвистика текста в системе функционально-семантических категорий / А. В. Бондарко // Текст. Структура и семантика. – М., 2001. – Т. 1. – С. 4–13.

Бондарко, А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени / А. В. Бондарко. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. – 260 с.

Бондарко, А. В. Полевые структуры в системе функциональной грамматики / А. В. Бондарко // Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры / А. В. Бондарко [и др.] ; отв. ред А. В. Бондарко. – СПб., 2005. – С. 12–28.

Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / А. В. Бондарко [и др.] ; отв. ред. А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1987. – 348 с.

Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость / А. В. Бондарко [и др.] ; отв. ред. А. В. Бондарко – СПб. : Наука, 1991. – 369 с.

Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1990. – 262 с.

Борисова, И. Н. Категория цели и аспекты текстового анализа / И. Н. Борисова // Жанры речи. – Саратов, 1999. – Вып. 2. – С. 81–96.

Брэйво, Н. Г. Тэарэтычныя асновы фразеалагічнага ідэаграфічнага слоўніка / Н. Г. Брэйво // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2005. – № 2. – С. 18–25.

Бугорская, Н. В. Антропоцентризм как категория современного языкознания / Н. В. Бугорская // Вопросы психологии. – 2004. – № 2. – С. 18–25.

Булыгина, Т. В. О границах и содержании прагматики / Т. В. Булыгина // Изв. Акад. наук СССР, Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 333–342.

Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М. : Яз. рус. культуры, 1997. – 576 с.

Бурлакова, В. В. Дейксис / В. В. Бурлакова // Спорные вопросы английской грамматики / отв. ред. В. В. Бурлакова. – Л., 1988. – С. 74–88.

Бурлакова, В. В. Семантика в анафоре и дейксисе / В. В. Бурлакова // Трехаспектность грамматики (на материале английского языка) : сб. науч. ст. / С.-Петерб. гос. ун-т ; отв. ред. В. В. Бурлакова. – СПб., 1992. – С. 39–51.

Бурлакова, В. В. Семантическое значение дейктических элементов в тексте / В. В. Бурлакова // Содержательные аспекты предложения и текста : межвуз. темат. сб. / отв. ред. И. П. Сусов. – Калинин, 1983. – С. 141–145.

Бушуй, А. М. Лексикографическая и библиографическая репрезентация фразеологии : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19 / А. М. Бушуй. – Самарканд, 1982. – 455 л.

Быкова, Г. В. Лакунарность как категория лексической системологии / Г. В. Быкова. – Благовещенск, 2003. – 313 с.

Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – М. : Прогресс, 2001. – 528 с.

Вайнтрауб, Р. М. Опыт сопоставления соматической фразеологии в славянских языках / Р. М. Вайнтрауб // Тр. Самарканд. гос. ун-та. Нов. сер. / Самарканд. гос. ун-т ; редкол.: Л. И. Ройзензон [и др.]. – Самарканд, 1975. – Вып. 288, ч. 9. – С. 157–162.

Вайнтрауб, Р. М. О соматических фразеологизмах в русском языке / Р. М. Вайнтрауб // Лексические единицы русского языка и их изучение / Р. М. Вайнтрауб. – Ташкент, 1980. – С. 51–55.

Вайс, Д. Смысловой потенциал посессивного отношения и его текстуальная обусловленность в современном русском языке / Д. Вейс // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура : сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М., 2004. – С. 283–295.

Вайсгербер, Л. Родной язык и формирование духа / Л. Вайсгербер. – М. : Либроком, 2009. – 232 с.

Вакк, Ф. О соматической фразеологии эстонского языка / Ф. Вакк // Вопр. фразеологии и составления фразеологических словарей / Ф. Вакк. – Баку, 1968. – С. 152–155.

Варгина, Н. В. К вопросу о месте слова-заместителя *one* в системе частей речи английского языка / Н. В. Варгина // Исслед. по англ. филологии / Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1971. – Сб. 4. – С. 95–101.

Васильев, Л. М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики : сб. избр. ст. / Л. В. Васильев. – Уфа : РИО БашГУ, 2006. – 524 с.

Верещагин, Е. М. Речевые тактики «призыва к откровенности». Еще одна попытка проникнуть в идиоматику речевого поведения и русско-немецкий контрастивный подход / Е. М. Верещагин, Р. Ротмайр, Т. Ройтер // Вопр. языкознания. – 1992. – № 6. – С. 82–94.

Весёлкова, О. Н. Темпоральная организация немецкого нарратива (дейктическая трактовка претерита) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. Н. Весёлкова. – Архангельск, 2004. – 258 л.

Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М. : Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

Виноградов, В. А. Дейксис / В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 128.

Виноградов, С. И. Культура русской речи [Электронный ресурс] / С. И. Виноградов [и др.]. – 2010. – Режим доступа : http://uchebnik-online.com/sodezhanie/textbook_22.html. – Дата доступа : 10.05.2012.

Виноградов, В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов ; под ред. Г. А. Золотовой. – М. : Рус. яз., 2001. – 720 с.

Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн ; пер. с нем. С. А. Крылова // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. / сост.: Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева ; ред. Е. В. Падучева. – М., 1985. – Вып. XVI : Лингвист. прагматика. – С. 79–128.

Влахов, С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – М. : Междунар. отношения, 1980. – 340 с.

Влахов, С. К. К составлению идеографического переводного словаря русской фразеологии: на материале русской и богарской идиоматики / С. К. Влахов // Фразеологизм и его лексикографическая разработка : материалы IV Междунар. симп. в рамках заседания Междунар. комис. по проблемам славян. фразеологии при Междунар. ком. славистов / Совет. ком. славистов ; Белорус. ком. славистов ; ред.-сост. А. С. Аксамитов. – Минск, 1987. – С. 20–23.

Волков, Н. Н. Семантика и дейктические функции личных местоимений в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. Н. Волков. – М., 1984. – 174 л.

Вольф, Е. М. Грамматика и семантика местоимений / Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1974. – 224 с.

Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М.: Наука, 1985. – 232 с.

Вундт, В. Психология народов / В. Вундт. – СПб. : Изд-во «Terra Fantastica Либроком», 2002. – 864 с.

Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология / В. Г. Гак. – М. : Междунар. отношения, 1977. – 262 с.

Ганчарова, Н. А. Шасцімоўны слоўнік прыказак, прымавак і крылатых слоў : Proverbia et dicta / Н. А. Ганчарова [і інш.]. – Мінск : Універсітэцкае, 1993. – 255 с.

Гаўрош, Н. Семантыка-функцыянальныя тыпы намінатыўных сказаў / Н. Гаўрош, І. Савіцкая // Роднае слова. – 2014. – № 2. – С. 55–57.

Глазырин, Р. А. Сопоставительный анализ компаративных фразеологических единиц в современных германских языках: на материале немецкого, английского и шведского языков : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.10 / Р. А. Глазырин ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1972. – 51 с.

Гловинская, М. Я. Две загадки praesens historicum / М. Я. Гловинская // Русистика. Славистика. Индоевропеистика : сб. ст. к 60-летию А. А. Зализняка. – М., 1996. – С. 451–458.

Гольдин, В. Е. Этикет и речь / В. Е. Гольдин. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1978. – 112 с.

Горицкая, О. С. Вторичные прагматические функции показателей лица (на примере обозначения говорящего и слушающего в диалогической речи) : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / О. С. Горицкая. – Минск, 2009. – 118 л.

Горицкая, О. С. Совмещение дейктических проекций ситуации в высказывании (на примере конструкции «Вот он я») / О. С. Горицкая // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2006. – № 3. – С. 80–86.

Гришина, Е. А. Частица *вот*: варианты используемые в непринужденной речи [Электронный ресурс] / Е. А. Гришина // Инструментарий русистики: корпусные подходы. – Хельсинки, 2008. – С. 63–91. – Режим доступа : www.helsinki.fi/ slavicahelsingiensia/preview/sh34/pdf/5.pdf. – Дата доступа : 10.02.2016.

Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2003. – 288 с.

Гулыга, А. В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / А. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. – М. : Просвещение, 1969. – 184 с.

Гуреев, Е. А. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания / Е. А. Гуреев // Вопр. языкознания. – 2004. – № 2. – С. 57–67.

Даниэль, М. А. Типология ассоциативной множественности : дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 / М. А. Даниэль. – М., 2000. – 195 л.

Даніловіч, М. А. Недахопы семантычнай ідэнтыфікацыі фразеалагізмаў у слоўніках / М. А. Даніловіч // Актуальныя праблемы мовазнаўства і лінгвадыдактыкі (да 80-годдзя з дня нараджэння праф. Г. М. Малажай) : зб. навук. арт. : у 2 ч. / Брэсц. дзярж. ун-т. – Брэст, 2018. – Ч. 1. – С. 86–90.

Даніловіч, М. А. Тыпы міжмоўных фразеалагічных адпаведнасцей / М. А. Даніловіч // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. – 2011. – № 2. – С. 56–64.

Дейк, Т. А. ван. Вопросы прагматики текста / Т. А. ван Дейк // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. / сост. Т. М. Николаева. – М., 1978. – Вып. VIII : Лингвистика текста. – С. 259–336.

Дейк, Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван. Дейк ; пер. с англ. : Е. А. Кожемякин, Е. В. Переверзев., А. М. Аматов. – М. : Либроком, 2013. – 344 с.

Дейк, Т. А. ван. Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. / сост.: В. В. Петров, В. И. Герасимов. – М., 1988. – Вып. XXIII : Когнитивные аспекты языка. – С. 153–211.

Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван. Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.

Джоунс, П. Философские и теоретические вопросы в исследовании дейксиса / П. Джоунс // Актуализация предложения. – СПб., 1997. – Т. 1 : Категории и механизмы. – С. 82–104.

Доброва, Г. В. Онтогенез персонального дейксиса: личные местоимения и термины родства : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19 / Г. В. Доброва. – СПб., 2005. – 496 л.

Добровольский, Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии / Д. О. Добровольский // Вопр. языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37–48.

Доннеллан, К. С. Референция и определенные дескрипции / К. С. Доннелан // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. / сост. Н. Д. Арутюнова. – М., 1982. – Вып. XIII : Логика и лингвистика (Проблемы референции). – С. 134–160.

Дрига, С. С. Социальный дейксис дискурса массовой коммуникации: на материале ток-шоу : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / С. С. Дрига. – Сургут, 2008. – 136 л.

Дымарский, М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX в.) / М. Я. Дымарский. – СПб. : СПбГУ, 1999. – 284 с.

Ельмслев, Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике : сб. ст. / сост. В. А. Звегинцев – М., 1962. – Вып. II. – С. 117–136.

Ерзинкян, Е. Л. Временной дейксис в разных частях речи в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. Л. Ерзинкян ; Ереван. гос. ун-т. – М. ; Ереван, 1979. – 22 с.

Ерзинкян, Е. Л. Дейктическая семантика слова / Е. Л. Ерзинкян. – Ереван : Изд-во Ереван. ун-та, 1988. – 172 с.

Ерзинкян, Е. Л. Семантика и прагматика дейктического слова (на материале современного английского языка) : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.04 / Е. Л. Ерзинкян ; Ереван. гос. ун-т. – Ереван, 2012. – 54 с.

Ермакова, О. Н. К построению типологии коммуникативных неудач / О. Н. Ермакова, Е. А. Земская // Русский язык в его функционировании. – М., 1993. – С 30–64.

Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс] / Т. В. Жеребило. – Режим доступа : http://linguistics_dictionary.academic.ru. – Дата доступа : 10.04.2016.

Жура, В. В. Эмоциональный дейксис в вербальном поведении английской языковой личности : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В. В. Жура ; Волгоград. гос. ун-т. – Волгоград, 2000. – 22 с.

Задворная, Е. Г. Дискурсивная обусловленность реализации речевой тактики (на примере тактики мультипликации в обыденно-разговорном и научном дискурсе) / Е. Г. Задворная // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам : материалы VI Междунар. конф., посвящ. 91-летию образования БГУ, Минск, 30 окт. 2012 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск, 2012. – С. 85–87.

Задворная, Е. Г. Метакоммуникативная организация диалога: социоролевой аспект / Е. Г. Задворная // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам : материалы V Междунар. конф., посвящ. 90-летию образования БГУ, Минск, 28 окт. 2011 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск, 2011. – С. 10.

Зайцава, Л. У. Саматычныя лексемы як кампаненты беларускіх і англійскіх фразеалагізмаў / Л. У. Зайцава // Беларуская фразеалогія і еўрапейскі моўны кантэкст : зб. навук. арт. : у 2 т. / Брэсц. дзярж. ун-т ; рэдкал.: М. М. Аляхновіч [і інш.]. – Брэст, 2009. – Т. 1. – С. 73–78.

Зимина, Л. И. Национальная специфика фразеологической семантики : на материале фразеологизмов с наименованиями частей лица в немецком и русском языках : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. И. Зимина. – Воронеж, 2007. – 238 л.

Иванов, В. В. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем / В. В. Иванов. – М. : Сов. радио, 1978. – 184 с.

Иванов, Е. Е. Русско-белорусский паремиологический словарь / Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко. – Могилёв : Могилёв. гос. ун-т, 2007. – 244 с.

Иванов, Е. Е. Типы межъязыковых сходств и различий паремиологических единиц: на материале белорусского и немецкого языков / Е. Е. Иванов, Н. К. Романова // Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica : матэрыялы VII Міжнар. навук. канф. «Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, культуралогія» / Віцеб. дзярж. ун-т ; пад рэд. Г. М. Мезенка. – Віцебск, 2006. – С. 161–164.

Иванова, В. И. Содержательные аспекты предложения-высказывания / В. И. Иванова. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1997. – 162 с.

Іваноў, Я. Я. Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : Магілёўс. дзярж. ун-т, 2009. – 237 с.

Іваноў, Я. Я. Беларуска-нямецкі парэміялагічны слоўнік / Я. Я. Іваноў, Н. К. Раманава. – Магілёў : Магілёўс. дзярж. ун-т, 2006. – 105 с.

Исмагилова, Л. А. Безэквивалентная глагольная лексика русского и немецкого языков : автореф. дис … канд. филол. наук : 10.02.20 / Л. А. Исмагилова ; Калинин. гос. ун-т. – Калинин, 1984. – 15 с.

Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.

Исхакова, З. З. Эмотивный дейксис и его декодирование в семиосфере : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19 / З. З. Исхакова ; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2012. – 53 с.

Кант, И. Критика способности суждения / И. Кант. – М. : Искусство, 1994. – 367 с.

Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М. : Мысль, 1994. – 591 с.

Караулов, Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1981. – 367 с.

Карпилович, Т. П. Коммуникативные категории научного дискурса / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2018. – 160 с.

Кассирер, Э. Философия символических форм : в 3 т. / Э. Кассинер. – М. ; СПб., 2002. – Т. 1 : Язык. – С. 135–137.

Кацнельсон, С. Д. Содержание слова, значение и обозначение / С. Д. Кацнельсон. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 108 с.

Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1972. – 216 с.

Кашкин, В. Б. Введение в теорию коммуникации : учеб. пособие / В. Б. Кашкин. – Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с.

Кашкин, В. Б. Функциональная типология перфекта / В. Б. Кашкин. – Воронеж : ВГУ, 1991. – 128 с.

Квеселевич, Д. И. Основные проблемы лексикографической разработки фразеологии в русско-английском фразеологическом словаре : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 / Д. И. Квеселевич ; Акад. наук УССР, Ин-т языкознания. – Киев, 1975. – 25 с.

Кибрик, А. А. Местоимения: морфологические, синтаксические и дискурсивные аспекты / А. А. Кибрик // Теория грамматики: лексико-грамматические классы и разряды слов : сб. обзоров / ИНИОН АН СССР. – М., 1990. – С. 139–201.

Кибрик, А. А. Об анафоре, дейксисе и их соотношении / А. А. Кибрик // Разработка и применение лингвистических процессоров : сб. науч. тр. / Вычисл. центр СО АН СССР. – Новосибирск, 1983. – С. 107–129.

Кибрик, А. Е. Опыт фронтального корпусного исследования конструкций с внутренним и внешним посессором / А. Е. Кибрик, М. М. Брыкина, А. Н. Хитров // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : тр. междунар. конф. Диалог-2004. – М., 2004. – С. 265–275.

Кирвалидзе, Н. Г. Дейктические средства в системе современного английского языка и их роль в организации текста. : дис. … д-ра. филол. наук : 10.02.04 / Н. Г. Кирвалидзе. – Тбилиси, 1991. – 379 л.

Кирвалидзе, Н. Г. Прагматический аспект дейктических средств языка / Н. Г. Кирвалидзе // Науч. докл. высш. шк. Сер. Филол. науки. – 1988. – Вып. 6. – С. 58–64.

Киселёв, И. А. Русско-белорусский фразеологический словарь / И. А. Кисёлев. – Минск : Нар. асвета, 1991. – 192 с.

Киселёв, И. А. Фразеологический словарь русского языка / И. А. Киселёв. – Минск : Нар. асвета, 1985. – 128 с.

Клюев, Е. В. Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия / Е. В. Клюев. – М. : Рипол-классик, 2002. – 317 с.

Клюева, Е. В. Актуализация пространственно-временного дейксиса в языке электронного общения (на материале немецкоязычных интернет-дневников) : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Клюева. – Н. Новгород, 2016. – 179 л.

Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

Кожухова, Л. В. Речевой акт обращения [Электронный ресурс] / Л. В. Кожухова // Вестн. Ставропол. ун-та. Сер. Филол. науки. – 2007. – Режим доступа : vestnik.stavsu.ru/48-2007/12.pdf. – Дата доступа : 06.12.2016.

Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1990. – 100 с.

Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – М. : Наука, 1975. – 720 с.

Конюшкевич, М. И. Модализация как категория прагматики / М. И. Конюшкевич // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках : материалы VII Междунар. науч. конф., Гродно, 14–15 апр. 2000 г. – Гродно, 2000. – С. 315–319.

Конюшкевич, М. И. Экспликация транзитивной семантики в славянских языках / М. И. Конюшкевич // Славянская историко-культурная и языковая ситуация. – Славянск-на-Кубани, 2012. – С. 230–238.

Копнина, Г. А. Речевое манипулирование : учеб. пособие / Г. А. Копнина. – М. : Флинта, 2008. – 176 с.

Коровина, И. В. Параметры дейктической процедуры в англоязычной научной коммуникации : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / И. В. Коровина. – Саранск, 2002. – 190 л.

Королёв, В. Д. Освоение детьми предложно-падежных наречных средств выражения локативного и темпорального дейксиса : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / В. Д. Королёв. – СПб., 2011. – 271 л.

Корсак, Л. Д. Англа-беларускі слоўнік фразеалагізмаў параўнальнага тыпу / Л. Д. Корсак, Л. С. Марціновіч. – Мінск : Выш. шк., 1984. – 122 с.

Кравцова, Е. И. Функционально-семантические поля дейксиса как средство организации дискурса персонажа: на материале драматических произведений М. И. Цветаевой «Приключение» и «Ариадна» : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. И. Кравцова. – Барнаул, 2002. – 215 л.

Кравченко, А. В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность / А. В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1992. – 210 с.

Кравченко, А. В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1996. – 159 с.

Кронгауз, М. А. Семантическая типология: время и пространство / М. А. Кронгауз // Язык и культура. Факты и ценности: к 70-летию Ю. С. Степанова / Рос. акад. наук, Отд-ние лит. и яз. ; отв. ред.: Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. – М., 2001. – С. 325–333.

Крылов, С. А. К типологии дейктических систем / С. А. Крылов // Лингвист. исслед. Типология. Диалектология. Этимология. Компаративистика. – М., 1984. – Ч. 1. – С. 138–148.

Кубрякова, Е. С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разуму человека / Е. С. Кубрякова // Междунар. конгр. по когнитивной лингвистике = Intern. congr. of cognitive linguistics : сб. материалов, Тамбов, 8–10 окт. 2006 г. / Тамбов. гос. ун-т. – Тамбов, 2006. – С. 26–31.

Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М. : Высш. шк. ; Дубна : «Феникс», 1996. – 381 с.

Курлянд, Э. Н. Сравнительный анализ средств выражения субъективной модальности в английском и русском языках / Э. Н. Курлянд // Сопоставительный анализ языковых единиц : межвуз. сб. науч. тр. – Барнаул, 1986. – С. 83–89.

Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. / сост.: В. В. Петров, В. И. Герасимов. – М., 1988. – Вып. XXIII : Когнитивные аспекты языка. – С. 12–52.

Луценко, Н. А. Взаимоотношение значений настоящего и будущего форм перфективного презенса в русском и других славянских языках / Н. А. Луценко // Филол. науки. – 1989. – № 4. – С. 45–51.

Ляшчынская, В. А. Слоўнік мовы фразеалагізмаў твораў Янкі Купалы / В. А. Ляшчынская, З. У. Шведава ; Гомел. дзярж. ун-т. – Гомель : ГДУ, 2007. – 312 с.

Магомедова, А. К. Лексические средства выражения пространственного и темпорального дейксиса даргинского и немецкого языков : дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 / А. К. Магомедова. – Махачкала, 2009. – 149 л.

Майсак, Т. А. Семантика и статика: глагол *идти* на фоне других глаголов движения / Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина // Логический анализ языка. Языки динамического мира / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; Междунар. ун-т природы, общества и человека «Дубна» ; отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский. – Дубна, 1999. – С. 53–66.

Майтинская, К. Е. Местоимения в языках разных систем / К. Е. Майтинская. – М. : Наука, 1969. – 307 с.

Мамедова, Р. В. Особенности функционирования указательных местоимений : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Р. В. Мамедова. – Баку, 1992. – 135 л.

Мамулия, Э. В. Идиоматические выражения в турецком языке: в сопоставлении с грузинским : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 / Э. В. Мамулия ; Ереван. гос. ун-т. – Тбилиси, 1971. – 24 с.

Маслов, Ю. С. Избранные труды : Аспектология. Общее языкознание / Ю. С. Маслов ; сост. и ред. : А. В. Бондарко, Т. А. Майсак, В. А. Плунгян. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 841 с.

Маслов, Ю. С. Перфектность / Ю. С. Маслов // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. – Л., 1987. – С. 195–209.

Мацкевіч, Ю. Ф. Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове / Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск : Акад. навук БССР, 1959. – 292 с.

Мелиг, Х. Р. Семантика предложения и семантика вида в русском языке (к классификации глаголов Зино Вендлера) / Х. Р. Мелиг // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. / сост.: Е. А. Земская, Т. В. Булыгина, А. Е. Кибрик. – М., 1985. – Вып. XV : Современная зарубежная русистика. – С. 227–249.

Мельчук, И. А. Курс общей морфологии : в 5 т. / И. А. Мельчук – М. : Яз. рус. культуры ; Вена : Венский славистический альманах, 1998. – Т. 2. – 544 с.

Мельчук, И. А. О синтаксическом нуле / И. А. Мельчук // Типология пассивных конструкций : Диатезы и залоги / под ред. А. А. Холодовича. – Л., 1974. – С. 343–360.

Мельчук, И. А. Русский язык в модели «Смысл – Текст» / И. А. Мельчук. – М. ; Вена : Яз. рус. культуры, 1995. – 682 с.

Минский, М. А. Фреймы для предоставления знаний / М. А. Минский ; под ред. Ф. М. Кулакова ; пер. с англ. О. Н. Гринбаума. – М. : Энергия, 1979. – 152 с.

Михайлова, О. А. Словарь терминов по дисциплине «Лингвокультурологические проблемы толерантности» [Электронный ресурс] / О. А. Михайлова, Н. С. Павлова. – Екатеринбург, 2008. – Режим доступа : elar.urfu.ru/bitstream/10995/30862/1/978-5-7996-1406-5.pdf. – Дата доступа : 04.05.2017.

Мифология. Энциклопедия / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Большая рос. энцикл., 2003. – 736 с.

Морковкин, В. В. Идеографические словари / В. В. Морковкин. – М. : МГУ, 1970. – 71 с.

Морковкин, В. В. Опыт идеографического описания лексики: анализ слов со значением времени в русском языке / В. В. Морковкин. – М. : МГУ, 1977. – 165 с.

Натуральнова, Г. А. Пространственный дейксис в русском и эрзянском языках (сопоставительный анализ) / Г. А. Натуральнова // Интеграция образования. – Саранск, 2012. – № 2 (67). – С. 114–119.

Ніканенка, С. А. Прадстаўленне катэгорыі сістэм займеннікавасці ў агульнай тэорыі сістэм / С. А. Ніканенка // Чтения, посвящ. памяти проф. В. А. Карпова, Минск, 17 мар. 2007 г. : сб. материалов / редкол.: А. И. Головня (отв. ред.) [и др.] – Минск, 2007. – С. 64–67.

Николаева, Т. М. Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих частиц») / Т. М. Николаева. – М. : Яз. слав. культур, 2008. – 689 с.

Николаева, Т. М. От звука к тексту / Т. М. Николаева. – М. : Яз. рус. культуры, 2000. – 680 с.

Николаева, Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков) / Т. М. Николаева. – М. : Наука, 1985. – 169 с.

Никонова, Ж. В. Когнитивные основы иллокутивного дейксиса (на материале современного немецкого языка) : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19 ; 10.02.04 / Ж. В. Никонова ; Тамбов. гос. ун-т. – Тамбов, 2016. – 40 с.

Новожилова, А. А. Временная референция. Дейксис и анафора / А. А. Новожилова // Актуальные проблемы лингвистики XXI века : материалы междунар. науч. конф., Киров, 6–7 дек. 2006 г. / Вят. гос. гуманит. ун-т. – Киров, 2006. – С. 182–188.

Норман, Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков) : курс лекций [Электронный ресурс] / Б. Ю. Норман. – Минск : БГУ, 2009. – 183 с. – Режим доступа : http://elib.bsu.by/handle/123456789/1690. – Дата доступа : 10.01.2016.

Норман, Б. Ю. О притяжательных местоимениях в славянских языках / Б. Ю. Норман // Slavia Orientalis / Б. Ю Норман ; Pol. Akad. Nauk, Wydz. Nauk Społecznych, Kom. Słowianoznawstwa. – Kraków, 1999. – Т. XLVIII, № 4. – С. 599–616.

Обнорский, С. П. Очерки по морфологии русского глагола / С. П. Обнорский. – М. : АН СССР, 1953. – 253 с.

Оксенчук, А. Е. О роли соматической фразеологии в репрезентации эталонов и стереотипов наивной картины мира / А. Е. Оксенчук // Весн. Віцеб. дзярж. ун-та. – 1998. – № 1. – С. 52–55.

Остин, Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. / сост.: И. М. Кобозева, В. З. Демьянков, Б. Ю. Городецкий. – М., 1986. – Вып. XVII : Теория речевых актов. – С. 48–97.

Павловская, Н. Ю. Модальность с позиций лингвопрагматики [Электронный ресурс] / Н. Ю. Павловская // Карповские научные чтения : сб. науч. ст. / редкол.: А. И. Головня (отв. ред.) [и др.]. – Минск , 2016. – Вып. 10 : в 2 ч. – Ч. 1. – С. 47–51.

Падучева, Е. В. В. В. Виноградов и наука о языке художественной прозы / Е. В. Падучева // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. – 1995. – Т. 54, № 3. – С. 39–48.

Падучева, Е. В. Возвратное место с косвенным антецедентом и семантика рефлексивности / Е. В. Падучева // Семиотика и информатика. – М., 1983. – Вып. 21. – С. 3–33.

Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е. В. Падучева. – М. : Наука, 1985. – 272 с.

Падучева, Е. В. Глаголы движения и их стативные дериваты / Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Языки динамического мира / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; Междунар. ун-т природы, общества и человека «Дубна» ; отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский. – Дубна, 1999. – С. 87–107.

Падучева, Е. В. Дейксис : общетеоретические и прагматические аспекты / Е. В. Падучева, С. А. Крылов // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. – М., 1992. – 281 с.

Падучева, Е. В. Дейктические компоненты в семантике глаголов движения / Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. – М., 2002. – С. 121–136.

Падучева, Е. В. К интерпретации видо-временных форм в нарративном режиме: настоящее историческое [Электронный ресурс] / Е. В. Падучева. – 2010. – Режим доступа : http: //www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/57.htm. – Дата доступа : 23.04.2017.

Падучева, Е. В. К семантике дейктических элементов в повествовательном тексте / Е. В. Падучева // Вопросы кибернетики: Язык логики и логика языка. – М., 1990. – С. 168–185.

Падучева, Е. В. Пространство в обличии времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) / Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Языки пространств : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М., 2000. – С. 239–254.

Падучева, Е. В. Режим интерпретации как контекст, снимающий неоднозначность / Е. В. Падучева // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы ежегодной междунар. конф. «Диалог», Бекасово, 4–8 июня 2008 г. / Рос. гос. гуманит. ун-т. – М., 2008. – Вып. 7 (14). – С. 412–418.

Падучева, Е. В. Семантика вида и точка отсчета (В поисках инварианта видового значения) / Е. В. Падучева // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1986. – Т. 45, № 5. – С. 413–424.

Падучева, Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 464 с.

Падучева, Е. В. Эгоцентрические языковые единицы [Электронный ресурс] / Е. В. Падучева. – 2017. – Режим доступа : http://www.rusgram.ru/Эгоцентрические_языковые_единицы. – Дата доступа : 24.03.2018.

Паўлоўская, Н. Ю. Метадалогія навуковага даследавання: тыпалагічны аспект : вучэб.-метад. дапам. для студэнтаў устаноў выш. адукацыі, якія навучаюцца па спецыяльнасцях «Сучасныя замежныя мовы», «Лінгвістычнае забеспячэнне міжкультурных камунікацый» / Н. Ю. Паўлоўская, В. А. Арцёмава, В. М. Гапеева. – Мінск : МДЛУ, 2018. – 148 с.

Переход, О. Б. Глаголы движения и перемещения в белорусском и русском языках : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / О. Б. Переход ; Акад. наук БССР, Ин-т языкознания. – Минск, 1989. – 24 с.

Переход, О. Б. Приставочные глаголы движения-перемещения в белорусском и русском языках / О. Б. Переход // Рус. яз. – Минск, 1990. – Вып. 10. – С. 43–52.

Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Яз. слав. культуры, 2001. – 544 с.

Пивоварчик, Т. А. Персонализация в русском и белорусском речевом общении : дис. … канд. филол. наук : 10.02.02 / Т. А. Пивоварчик. – Минск, 2003. – 176 л.

Пирс, Ч. С. Логические основания теории знаков / Ч. С. Пирс. – СПб. : Алетейя, 2000. – 672 с.

Плунгян, В. А. Общая морфология. Введение в проблематику / В. А. Плунгян. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.

Подлесская, В. И. Лицом к лицу / В. И. Подлесская, Е. В. Рахилина // Логический анализ языка. Языки пространств : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М., 2000. – С. 98–107.

Попова, Е. А. Причины коммуникативных неудач в англоязычной диалогической речи / А. Е. Попова // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2014. – № 25 (711). – С. 75–88.

Поталуй, В. В. Национальная специфика лексико-фразеологических полей «наименования руководителей» в русском и английском языках : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / В. В. Поталуй ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2004. – 16 с.

Пупынин, Ю. А. О роли перцептора в функционировании грамматических категорий вида, залога и времени в русском языке / Ю. А. Пупынин // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. – СПб., 2000. – С. 36–52.

Рассел, Б. Человеческое познание. Его сфера и границы / Б. Рассел. – Киев : Ника-Центр ; М. : Ин-т общегуманит. исслед., 2001. – 556 с.

Рассудова, О. П. Употребление видов глагола в современном русском языке / О. П. Рассудова. – М.: Рус. яз., 1982. – 149 с.

Рахилина, Е. В. Мы едем, едем, едем [Электронный ресурс] / Е. В. Рахилина // Языки мира. Типология. Уралистика: памяти Т. Ждановой : ст. и воспоминания. – М., 2002. – Режим доступа : http://www.rakhilina.ru/files/exat.pdf. – Дата доступа : 20.04.2016.

Рахимов, С. С. Проблема дейксиса как категории типологической лингвистики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / С. С. Рахимов ; Воен. ин-т. – М., 1990. – 45 с.

Резник, И. В. Функционально-семантическое поле темпоральности: логико-семантическая категория и способы ее языкового выражения : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / И. В. Резник. – М., 1988. – 178 л.

Рецкер, Я. И. Пособие по переводу с английского языка на русский / Я. И. Рецкер. – Л. : Просвещение, 1973. – 392 с.

Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика : очерки лингвист. теории пер. / Я. И. Рецкер. – М. : Р. Валент, 2004. – 237 с.

Ризен, Н. Г. Семантико-прагматические особенности дейктических отношений, выражаемых немецкими глаголами с наречиями-приставками типа *hinaus*-, *heraus*- : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04. / Н. Г. Ризен ; Моск. гос. пед. ун-т. – М., 1990. – 17 с.

Рисинзон, С. А. Общее и этнокультурное в русском и английском речевом этикете : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19 / С. А. Рисинзон ; Сарат. гос. техн. ун-т. – Саратов, 2010. – 56 с.

Ройзензон, Л. И. Русская фразеология : учеб. пособие / Л. И. Ройзензон. – Самарканд : Самарканд. ун-т, 1977. – 119 с.

Рябова, М. Ю. Временная референция в английском языке : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.04 / М. Ю. Рябова. – СПб., 1995. – 459 л.

Сабурова, Н. А. Категория пространства в русской фразеологии : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. А. Сабурова. – М., 2003. – 235 л.

Селивёрстова, О. Н. Местоимения в языке и речи / О. Н. Селивёрстова. – М. : Наука, 1988. –151 с.

Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – 242 с.

Сёрль, Дж. Рациональность в действии / Дж. Сёрль; пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. – М. : Прогресс-Традиция, 2004. – 336 с.

Скаличка, В. О грамматике венгерского языка / В. Скаличка ; пер. с нем. Н. Н. Семенюк // Пражский лингвист. кружок : сб. ст. / сост.-ред. Н. А. Кондрашов. – М., 1967. – С. 128–195.

Скрэгг, Г. Семантические сети как модели памяти / Г. Скрэгг // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. / сост.: В. А. Звегинцев, Б. Ю. Городецкий. – М., 1983. – Вып. XII : Прикладная лингвистика. – С. 228–271.

Скурат, К. У. Даўнія беларускія меры: лексічны аналіз / К. У. Скурат. – Мінск : Навука і тэхніка, 1974. – 190 с.

Смирницкий, А. И. Морфология английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. – 440 с.

Соколова, Е. М. Фукционально-семантическая специфика немецких модальных частиц как маркеров пресуппозиционального дейксиса : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. М. Соколова. – Волгоград, 2006. – 239 л.

Солнцев, В. М. Язык как системно-структурное образование / В. М. Солнцев. – 2-е изд., доп. – М. : Наука, 1977. – 341 с.

Солодухо, Э. М. Теория фразеологического сближения: на материале языков славянской, германской и романской групп / Э. М. Солодухо. – 2-е изд., доп. – М. : URSS, 2008. – 294 с.

Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр // Труды по языкознанию / Ф. Соссюр ; пер. с фр. А. А. Холодовича. – М., 1977. – С. 31–285.

Сребрянская, Н. А. Дейксис и его проекции в художественном тексте / Н. А. Сребрянская. – Воронеж : ВГПУ, 2005. – 255 с.

Сребрянская, Н. А. Нарративный дейксис и его корреляция с категориями художественного текста / Н. А. Сребрянская // Вестн. ТГПУ. Сер. Гуманит. науки (филология). – 2005. – Вып. 3 (47). – С. 69–74.

Старичёнок, В. Д. Образ человека в белорусском языковом континууме / В. Д. Старичёнок. – Минск : Колорград, 2018. – 292 с.

Степанов, Ю. С. В поисках прагматики (Проблема субъекта) / Ю. С. Степанов // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 325–332.

Степанов, Ю. С. Имена, предикаты, предложения / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1981. – 360 с.

Степанов, Ю. С. Французская стилистика / Ю. С. Степанов. – М. : Эдиториал УРСС, 2003. – 359 с.

Стернин, И. А. Значение слова и его компоненты / И. А. Стернин. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 28 с.

Стернин, И. А. Контрастивная лингвистика: проблемы теории и методики исследования / И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2006. – 288 с.

Стернин, И. А. К проблеме дейктической функции слова : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / И. А. Стернин ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М., 1973. – 18 с.

Стернина, М. А. Лакуны и концепты / М. А. Стернина // Лакуны в языке и речи: сб. науч. тр. / под ред. Ю. А. Сорокина, Г. В. Быковой. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2003. – С. 205–223.

Стернина, М. А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований / М. А. Стернина. – Воронеж : Истоки, 2014. – 115 с.

Стросон, П. Намерение и конвенция в речевых актах / П. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. / сост.: И. М. Кобозева, В. З. Демьянков, Б. Ю. Городецкий. – М., 1986. – Вып. XVII : Теория речевых актов. – С. 130–150.

Стросон, П. В. О референции / П. В. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. / сост. Н. Д. Арутюнова. – М., 1982. – Вып. XIII : Логика и лингвистика. Проблемы референции. – С. 55–86.

Суша, Т. М. Англійска-беларуска-рускі слоўнік / Т. М. Суша, А. К. Шчука. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2004. – 399 с.

Сянкевіч, В. І. Семантыка і прагматыка рэферэнцыяльных адносін у беларускай мове : аўтарэф. дыс. … д-ра філал. навук : 10.02.01 / В. І. Сянкевіч ; Акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства. – Мінск, 1996. – 34 с.

Телин, Н. Б. Вид и способ действия в русском языке / Н. Б. Телин, Н. Б. Нильс // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. / сост. : Е. А. Земская, Т. В. Булыгина, А. Е. Кибрик. – М., 1985. – Вып. XV : Современная зарубежная русистика. – С. 250–260.

Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 298 с.

Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 284 с.

Толстой, Н. И. Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1995–2012. – Т. 3. – 2004. – 698 с.

Третьякова, В. С. Речевой конфликт и аспекты его изучения [Электронный ресурс] / В. С. Третьякова. – 2003. – Режим доступа : http://irbis.asu.ru/mmc/juris5/11.ru.shtml. – Дата доступа : 25.01.2017.

Турсунова, Х. С. Сопоставительный анализ фразеологических параллелей таджикского и узбекского языков: на материале романа С. Айни «Фуломон-Куллар» : дис. … канд. филол. наук : 10.02.02 / Х. С. Турсунова. – Душанбе, 1979. – 174 л.

Успенский, Б. А. Вид и дейксис [Электронный ресурс] / Б. А. Успенский // Динамические модели : слово, предложение, текст : сб. ст. в честь Е. В. Падучевой. – М. , 2008. – С. 825–866.

Успенский, Б. А. Ego Loquens. Язык и коммуникационное пространство / Б. А. Успенский. – М. : РГГУ, 2007. – 320 с.

Устин, А. К. Текстообразовательный дейксис / А. К. Устин. – СПб. : SuperMax, 1995. – 107 с.

Уфимцева, А. А. Языковая номинация / А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1977. – 358 с.

Ухтомский, А. А. Доминанта / А. А. Ухтомский. – СПб. : Питер, 2002. – 448 с.

Федоровская, И. А. Функционирование дейктических единиц в газетных текстах разных типов : дис. … канд. филол. наук : 10.02.05 / И. А. Федоровская. – М., 1985. – 227 л.

Хайруллина, Р. Х. Картина мира в русской фразеологии (в сопоставлении с башкирскими параллелями) / Р. Х. Хайруллина. – М. : Прометей, 1996. – 146 с.

Харитонова, Б. Национальная специфика семантики русского слова : автореф. дис… канд. филол. наук : 10.02.01 / Б. Харитонова ; Воронеж. гос. ун-т. - Воронеж, 1987. - 21 с.

Хидекель, С. С. Природа и характер языков оценок / С. С. Хидекель, Г. Г. Кошель // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1983. – С. 11–16.

Химик, В. В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке / В. В. Химик. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 184 с.

Ходоренко, А. В. Лингвистический гештальт: проблема дефиниции, принципы конструирования / А. В. Ходоренко // Ученые зап. Тавр. нац. ун-та.

Сер. Филология. Социальные коммуникации. – 2011. – Т. 24 (63), № 1. – Ч. 1. – С. 192–198.

Чалабян, С. А. Особенности категории временного дейксиса : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / С. А. Чалабян. – Ереван, 1991. – 192 л.

Чейф, У. Л. Память и вербализация прошлого опыта / У. Л. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. / сост.: В. А. Звегинцев, Б. Ю. Городецкий. – М., 1983. – Вып. XII : Прикладная лингвистика. – С. 35–73.

Черникова, Ю. Н. Функционально-семантическое поле определенности-неопределенности в современном английском языке : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Ю. Н. Черникова. – Ростов н/Д , 1993. – 230 л.

Чубур, Т. А. Национальная специфика семантики слова и проблемы ее лексикографической фиксации: на материале языковых наименований незанятости трудовой деятельностью в русском и английском языках : дис. … канд. наук : 10.02.19 / Т. А. Чубур. – Воронеж, 2005. – 241 л.

Шамова, Г. А. К типологии функционирования дейктических средств : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Г. А. Шамова ; Перм. гос. ун- т. – Пермь, 1992. – 19 с.

Шанский, Н. М. Лексикографическая разработка русской фразеологии в учебных целях / Н. М. Шанский, Е. А. Быстрова // Теория и практика составления учебных словарей : сб. науч. тр. / Акад. пед. наук СССР, Науч.-исслед. ин-т содерж. и методов обучения ; отв. ред.: Н. М. Шанский, Е. А. Быстрова. – М., 1978. – С. 16–43.

Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.

Шаховский, В. И. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности / В. И. Шаховский, В. В. Жура // Вопр. языкознания. – 2002. – № 5. – С. 38–56.

Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1987. – 190 с.

Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер ; отв. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : URSS : Либроком, 2009. – 214 с.

Шейгал, Е. И. Градация в лексической семантике : учеб. пособие по спецкурсу / Е. И. Шейгал. – Куйбышев : Куйбышев. гос. пед. ин-т, 1990. – 96 с.

Шелякин, М. А. Функциональная грамматика русского языка / М. А. Шелякин. – М. : Рус. яз., 2001. – 288 с.

Штелинг, Д. А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке : учеб. пособие / Д. А. Штелинг. – М. : МГИМО : ЧеРо, 1996. – 254 с.

Щерба, Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба // Изв. Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз. – 1940. – № 3. – С. 89–117.

Эмирова, А. М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте / А. М. Эмирова. – Ташкент : Фан, 1988. – 89 с.

Эмирова, А. М. Семантические основы фразеологической идиоматичности / А. М. Эмирова // Тр. Самарканд. гос. ун-та. Новая сер. – Вып. 217 : Вопр. фразеологии, т. IV. – 1971. – С. 45–49.

Юлдашева, Р. Ж. Принципы составления и пути использования учебного двуязычного фразеологического словаря идеографического характера : автореф. дис. … канд. пед. наук : 13.00.02 / Р. Ж. Юлдашева ; Акад. пед. наук СССР, Науч.-исслед. ин-т преподавания рус. яз. в нац. шк. – М., 1985. – 16 с.

Юнаш, М. У. Саматычныя фразеалагізмы ў мастацкім маўленні: семантычныя і функцыянальна-стылістычны аспекты (на матэрыяле беларускай драматургіі) : аўтарэф. дыс. … канд. філал. навук : 10.02.01 / М. У. Юнаш ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2005. – 21 с.

Якобсон, Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р. О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972. – С. 95–113.

Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени и восприятия / Е. С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 343 с.

Янко-Триницкая, Н. А. Русская морфология / Н. А. Янко-Триницкая. – М. : Рус. яз., 1982. – 275 с.

Ardrey, R. The Territorial Imperative: a Personal Inquiry into the Animal Origins of Property and Nations / R. Ardrey. – N. Y. : Atheneum, 1966. – 350 p.

Auer, P. On Deixis and Displacement / P. Auer // Folia Linguistica. – 1988. – Vol. 22, № 3–4. – P. 263–293.

Bache, C. Another Look at the Distinction Between Aspect and Action / C. Bache // Temporal Reference, Aspect, and Actionality / P. M. Bertinetto, V. Bianchi, O. Dahl, M. Squartini (eds.). – Torino, 1995. – Vol. 2. – P. 65–78.

Bache, C. Aspect and Aktionsart: towards a semantic distinction / C. Bache // Linguistics. – 1982. – Vol. 18, № 1. – P. 36–38.

Bache, C. Verbal Aspect : a General Theory and its Application to present-day English / C. Bach. – Cambridge Univ. Press, 1985. – 324 p.

Baker, M. In Other Words : a Course book in Translation / M. Baker. – London : Routledge, 1992. – 300 p.

Bally, Ch. L'expression des idées de sphère personnelle et de solidaritè dans les langues indoeuropéennes / Ch. Bally // Festschrift Louis Gauchat. – Aarau : sauerlander, 1926. – P. 68 – 78.

Bar-Hillel, Y. Indexical Expressions / Y. Bar-Hillel // Mind. – 1954. – Vol. 63, № 251. – P. 359–379.

Barwise, J. Situations and Attitudes / J. Barwise, J. Perry // The Journal of Philosophy. – 1981. – Vol. 78, № 11. – P. 668–691.

Bennett, D. C. Spatial and Temporal Uses of English Prepositions : An Essay in Stratificational Semantics / D. C. Bennett. – London : Longman, 1975. – 235 p.

Boissiere, P. Dictionnaire analogique de la langue francaise / P. Boissiere. – Paris : Larousse, 1862. – 1439 p.

Bourdin, Ph. On Goal-Bias Across Languages: Modal, Configurational and Orientational Parameters / Ph. Bourdin // LP'96: Typology – Prototypes, Item Orderings and Universals : proc. of the conf., Prague, 20–22 Aug. 1996 / Charles Univ. Press ; ed. B. Palek. – Prague, 1997. – P. 185–218.

Braroe, E. The Syntax and Semantics of English Tense Markers / E. Braroe ; ed. : I. Abe, T. Kanekiyo. – Stockholm : Univ. of Stockholm, 1974. – 201 p.

Brewer, W. F. Memory for deictic elements in sentences / W. F. Brewer, R. J. Harris // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. – 1974. – Vol. 13. – P. 321–327.

Brown, P. Politeness : Some Universals in Language Usage / P. Brown, St. Levison. – N. Y. : Cambridge Univ. Press, 1987. – 345 p.

Brown, P. The Pronouns of Power and Solidarity / P. Brown, A. Gilman // Communication in Face-to-Face Interaction. – Harmondsworth, 1972. – P. 103–127.

Brugman, K. Die Demonstrativ pronomina der indogermanischen Verben / K. Brugman. – Leipzig : Gruyter, 1904. – 144 p.

Catford, J. C. A Linguistic Theory of Translation: an Essay on Applied Linguistics / J. C. Catford. – London : Oxford Univ. Press, 1965. – 103 p.

Chomsky, N. Syntax in generativen Grammatik / N. Chomsky, H. Lasnik // Syntax: An International Handbook of Contemporary Research / J. Jacobs, A. von Stechow, W. Stermfeld, T. Venneman (eds). – Berlin ; N. Y. : Walter de Gryuter, 1993. – P. 506–569.

Clark, E. V. From Gesture to Word: on the Natural History of Deixis in Language Acquisition / E. V. Clark // Human growth and development: Wolfson college lectures, 1976 / ed.: J. S. Bruner, A. Garton. – Oxford, 1978. – P. 85–120.

Clark, E. V. Is He Coming or Going? On the Acquisition of Deictic Verbs / E. V. Clark, O. K. Garnica // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. – 1974. – № 13. – P. 560.

Clark, E. V. Strategies in the Acquisition of Deixis / E. V. Clark, C. J. Sengul // Journal of child language. – 1978. – Vol. 5, № 3. – P. 457–475.

Collinson, W. E. Indication. A Study of Demonstratives, Articles, and Other «Indicaters» / W. E. Collinson // Linguistic Society of America. – 1937. – № 17. – 128 p.

Comrie, B. Aspect / B. Comrie. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1976. – 142 p.

Denny, P. Semantics of the Inuktitut (Eskimo) spatial deictics / P. Denny // Intern. Journal of American Linguistics. – 1982. – № 48. – P. 359–384.

Diccionario ideográfico polígloto / red.: N. Backhausen, O. Adaptation, G. M. Zapater. – Madrid : Aguilar, 1960. – 590 p.

Diessel, H. Demonstratives: Form, Function and Grammaticalization / H. Diessel. – Amsterdam : John Benjamins, 1999. – 205 p.

Dirven, R. Cognitive Exploration of Language and Linguistics / R. Dirven, M. Verspoor. – Philadelphia : J. Benjamins Comp., 1998. – 277 p.

Dobrovol'skij, D. O. Figurative Language: Cross-Cultural and Cross-Linguistic Perspectives / D. O. Dobrovol'skij, E. Piirainen. – Amsterdam : Elsevier, 2005. – 452 p.

Donnellan, K. Reference and Definite Descriptions / K. Donnellan // Naming, necessity, and natural kinds / ed. S. P. Schwartz. – London ; Ithaca, Cornell Univ. Press, 1977. – P. 66–101.

Dostal, A. Studie o vidovem systemu v staroslovenstin / A. Dostal. – Praha : Statni ped. nakl., 1954. – 681 s.

Ducrot, O. Dictionnaire encyclopedique des sciences du langage / O. Ducrot, T. Todorov. – Paris : Le Seuil, 1972. – 470 p.

Duden español: Diccionario ilustrado de la lengua castellana / Adaptación española del «Bildwörterbuch de Duden» por Th. Scheppelmann. – Leipzig : Bibliogr. Inst., 1940. – 868 p.

Dushan, J. F. Deixis in Narrative : A Cognitive Science Perspective / J. Dushan, G. A. Bruder, L. E. Hewitt. – Mahway ; New Jersey : Lawrence Erlbaum Assoc., 1995. – 522 p.

Ehlich, K. Anaphora and Deixis: Same, Similar or Different / K. Ehlich // Speech, Place and Action : Studies in Deixis and Related Topics. – N. Y., 1982. – P. 315–338.

Ehrich, V. Da and the System of Spatial Deixis in German / V. Ehrich // Here and There. Cross-linguistic Studies on Deixis and Demonstration. – Amsterdam, 1982. – P. 43–63.

Fillmore, Ch. Deictic Categories in the Semantics of «Come» / Ch. Fillmore // Foundations of Language : Intern. Journal of Language and Philosophy. – 1966. – Vol. 2, № 3. – P. 219–232.

Fillmore, Ch. Santa Cruz Lectures on Deixis / Ch. Fillmore. – Bloomington : Ind. Univ. Linguistic Club, 1985. – 88 p.

Flaherty, M. Cognition, Perception and Deixis: the Expression of Spatial Relationships in Spanish and English [Electronic Resource] / M. Flaherty, W. Richardson. – 2003. – Mode of access : http://citeseer.ifi.unizh.ch/178013.html. – Date of access : 23.04.2016.

Forchheimer, P. The Category of Person in Language / P. Forchheimer. – Berlin : Gruyter, 1953. – 142 p.

Fraser, B. Conversational mitigation / B. Fraser // Journal of Pragmatics. – 1980. − Vol. 4, iss. 4. – P. 341–350.

Fraser, B. Perspectives on Politeness / B. Fraser // Journal of Dramatics. – 1990. – Vol. 14. – P. 219–236.

Friedrich, P. Structural Implications of Russian Pronominal usage / P. Friedrich // Sociolinguistics : proc. of the UCLA Sociolinguistics conf., 1964. – The Hague ; Paris : Mouton & Co, 1966. – P. 214–253.

Galbraith, M. Deictic Shift Theory and the Poetics of Involvement in Narrative / M. Galbraith // Deixis in Narrative: A Cognitive Science Perspective / ed.: J. F. Duchan, G. Bruder, L. Hewitt. – Hillsdale ; New Jersey, 1995. – P. 19–61.

Goddard, C. Semantic Analysis : A Practical Introduction / C. Goddard. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1998. – 411 p.

Goddard, C. The Semantics of Coming and going / C. Goddard // Pragmatics. – 1997. – Vol. 7.2. – P. 147–162.

Goffman, E. On face-work: an analysis of ritual elements in social interaction / E. Goffman // The Discourse Reader / ed. by A. Jaworsky, N. Coupland. – London ; N. Y. : Routledge, 1999. – P. 306–320.

Goodenough, W. H. Componentical Analysis and the Study of Meaning / W. H. Goodenough // Language. – 1956. – Vol. 32, № 1. – P. 195–216.

Grenoble, L. A. Deixis and Information Packaging in Russian Discourse / L. A. Grenoble. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publ. Co., 1998. – 338 p.
Grice, H. P. Logic and Conversation / H. P. Grice // Syntax and semantics / ed. S. Davis. – 1991. – Vol. 3 : Speech Acts. – P. 305–315.
Grice, H. P. Presupposition and Conversational Implicature / H. P. Grice // Radical Pragmatics / ed. P. Cole. – N. Y., 1981. – P. 83–198.
Hall, E. The Hidden Dimension / E. Hall. – N. Y. : Doubleday, 1966. – 211 p.
Hallsteinsdóttir, E. A. Bilingual Electronic Dictionary of Idioms / E. A. Hallsteinsdóttir // Dictionary Visions, Research and Practice / ed.: H. Gottlieb, J. E. Mogensen. – Copengagen, 2004. – P. 97–106.
Hanks, W. F. Deixis and Indexicality / W. F. Hanks // Foundations of Pragmatics; W. Bublitz, N. R. Norrick (ed.). – Berlin : Mouton de Gruyter, 2011. – P. 316–346.
Harada, S. I. Honorifics / S. I. Harada // Syntax and Semantics. – 1976. – Vol. 5 : Japanese Relative Grammar. – P. 140–165.
Haspelmath, M. Indefinite Pronouns / M. Haspelmath. – Oxford : Oxford Clarendon Press, 1997. – 384 p.
Hatcher, A. G. The Use of the Progressive Form in English : A New Approach / A. G. Hatcher // Language. – 1951. – Vol. 27, № 3. – P. 254–280.
Hauenschild, Chr. Demonstrative Pronouns in Russia and Czech Deixis and Anaphora / Chr. Hauenschild // Here and There : Cross-linguistic Studies in Deixis and Demonstration / ed.: J. Weissenborn, W. Klein. – Amsterdam ; Philadelphia, 1982. – P. 167–186.
Hayduk, L. A. The Shape of Personal Space: An Experimental Investigation / L. A. Hayduk // Canadian Journal of Behavioral Science. – 1981. – Vol. 13, № l. – P. 87–93.
Hill, C. A. Up/Down, Front/Back, Left/Right : A Contrastive Study of Hausa and English / C. A. Hill // Here and There : Cross-linguistic Studies on Deixis and Demonstration / ed.: J. Weissenborn, W. Klein. – Amsterdam ; Philadelphia, 1982. – P. 13–42.
Huddleston, R. Introduction to the Grammar of English / R. Huddleston. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1984. – 483 p.
Huszcza, R. Honoryfikatywność: gramatyka, pragmatyka, typologia / R. Huszcza. – Warszawa : PWN, 2006. – 228 s.
Icegami, Y. «Source» vs «Goal»: a Case of Linguistic Dissymmetry / Y. Icegami // Concepts of Case / ed.: R. Dirven, G. Radden. – Tübingen, 1987. – P. 122.
Janney, R. W. Intracultural Tact Versus Intercultural Tact: Studies in its history, theory and practice / R. W. Janney, H. Arndt // Politeness in Language / ed.: Richard, J. Watts [et al.]. – Berlin, 1992. – P. 21–42.
Jespersen, O. Language: Its Nature, Development and Origin / O. Jespersen. – London : Allen & Unwin, 1951. – 358 p.
Jespersen, O. The Philosophy of Grammar / O. Jespersen. – London : Allen & Unwin, 1924. – 358 p.
Kasper, G. Linguistic Politeness : Current Research Issues / J. Kasper // Journal of Pragmatics. – 1990. – № 14 (2). – P. 193–218.

Keenan, E. The Logical Diversity of Natural Languages / E. Keenan // Origins and Evolution of Language and Speech; Harnad, S., Steklis, H. & Lancaster, J. (eds.). – N. Y. : The New York Acad. of Sciences, 1976. – P. 73–91.

Kellermann, K. Communication: Inherently Strategic and Primarily Automatic / K. Kellermann // Communication Monographs. – 1992. – Vol. 59. – P. 288–300.

Kemmerer, D. «Near» and «Far» in Language and Perception / D. Kemmerer // Cognition. – 1999. – Vol. 73. – P. 35–63.

Kopečný, F. Základy české skladby / F. Kopečný. – Praha : Státní ped. nakl, 1958. – 336 s.

Kryk, B. On Deixis in English and Polish / B. Kryk. – Frankfurt : Peter Lang Verl., 1987. – 113 p.

Lakoff, G. Conceptual Metaphor in Everyday Language / G. Lakoff, M. Johnson / Journal on Philosophy. – 1980. – Vol. 77, № 8. – P. 453–487.

Lakoff, R. Remarks on 'This' and 'That' / R. Lakoff // Chicago Linguistic Society. Papers from the 10th regional meeting. – Chicago ; Illinois, 1974. – P. 345–356.

Landau, S. I. Dictionary Making / S. I. Landau // Lexicography : Critical Concepts / S. I. Landau. – London ; N. Y., 2003. – P. 83–89.

Langacker, R. W. Mouvement abstrait / R. W. Langacker // Lang. Fr. – 1987. – Vol. 76. – P. 59–76.

Leech, G. Communicative Grammar of English / G. Leech, J. Svartvik. – Longman, 1975. – 304 p.

Leech, G. Meaning and the English Verb / G. Leech. – London : Longman, 1974. – 131 p.

Leech, G. N. Principles of pragmatics / G. N. Leech. – London ; N. Y. : Longman, 1983. – 250 p.

Lounsbury, F. A. Semantic Analysis of the Pawnee Kinship Usage / F. A. Lounsbury // Language. – 1956. – Vol. 32, № 1. – P. 120–128.

Leitner, C. Reporting the 'Events of the Day': Uses and Function of Reported Speech / C. Leitner // Studia Anglica Posnaniensia. – 1986. – Vol. 18. – P. 189–204.

Levinson, S. Pragmatics / S. Levinson. – London ; N. Y. : Longman, 1983. – 420 p.

Libert, A. R. Adpositions, Deixis, and Anti-Deixis [Electronic resource] / A. R. Libert // Interdisciplinary Studies in Pragmatics, Culture and Society. – 2015. – Mode of access : https://books.google.by/books?id=sdRJCgAAQBAJ&pg=PA488&lpg=PA488&dq=Libert,+A.R.+Adpositions,+Deixis,+and+Anti-Deixis&source=bl&ots=zoOMemBapw&sig=ACfU3U0zKtD4Swxcl8YiFjGBjMZX4s27pg&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwiStPL2_vXjAhXywosKHRUDAdQQ6AEwDXoECAkQAQ#v=onepage&q=Libert%2C%20A.R.%20Adpositions%2C%20Deixis%2C%20and%20Anti-Deixis&f=false. – Date of access : 10.05.2016.

Lounsbury, F. A. Semantic Analysis of the Pawnee Kinship Usage / F. A. Lounsbury // Language. – 1956. – Vol. 32, № 1. – P. 120–128.

Lyman, S. M. Territoriality: A neglected social dimension / S. M. Lyman, M. B. Scott // Social Problems. – 1966. – Vol. 15. – P. 236–249.

Lyons, C. Definiteness / C. Lyons. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1999. – 380 p.

Lyons, J. Introduction to Theoretical Linguistics / J. Lyons. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1995. – 519 p.

Lyons, J. Semantics : in 2 vol. / J. Lyons. – London : Cambridge Univ. Press, 1977. – Vol. 2. – 897 p.

Manning, P. On Social Deixis / P. Manning // Antropological linguistics. – 2001. – № 1. – P. 53–95.

Marchand, H. On a question of aspect: A comparison between the progressive form in English and that in Italian and Spanish / H. Marchand // Studia Linguistica. – 1955. – Vol. 9, № 1. – P. 45–52.

Mclntyre, D. Point of view in dramatic texts with special reference to Alan Bennett's The Lady in the Van / D. Mclntyre. – Lancaster, 2003. – 326 p.

McFarland, C. D. Deictic Pronouns in Philippine Languages [Electronic resource] / C. D. McFarland. – Mode of access : https://www.sil.org/system/files/ reapdata/ 12/86/64/128664069886013526662671874066252333729/McFarland_Deictic_ Pronouns_phil_lang.pdf. – Date of access : 12.05.2016.

Minugh, D. «Why People Use Such Weird Expressions»: The Frequency of Idioms in Newspaper CDs as Corpora / D. Minugh // Corpora Galore: Analysis and Techniques in Describing English / ed. J. M. Kirk. – Amsterdam, 1999. – P. 57–71.

Mitsurahu, M. Cohesion and Discourse Deixis on English Articles / M. Mitsurahu // Paper presented at the British Counsil Applied Linguistics Conference (Tokio, Japan, 14-15 Nov., 1992) / M. Mitsurahu. Microform, Ohio State Univ., Columbus, 1993 (Reproduced from Kanagawa Un. Studies in Languages). - 23 p.

Moon, R. R. Fixed Expressions and Idioms in English : a Corpus-Based Approach / R. R. Moon. – Oxford : Clarendon Press ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 1998. – 338 p.

Needham, P. Temporal Perspective : A Logical Analysis of Temporal Reference in English / P. Needham. – Uppsala : Univ. of Uppsala. – 1975. – 112 p.

Nida, E. A. The Theory and Practice of Translation / E. A. Nida, C. R. Tiber. – Leiden ; Boston : Brill, 2003. – 218 p.

Nunberg, G. Indexicality and Deixis / G. Nunberg // Linguistics and Philosophy. Dep. of Linguistics, Stanford University. – 1993. – № 1. – P. 49–73.

Opalka, H. Representations of Local Ni-Deixis in Swahili in Relation to Bühler's «Origo des Zeigfelds» / H. Opalka // Here and There. Cross-Linguistic studies on Deixis and Demonstration / ed.: J. Weissenborn, W. Klein. – Amsterdam ; Philadelphia, 1982. – P. 65–79.

Perkins, R. D. Deixis, Grammar and Culture. Typological Studies in Language / R. D. Perkins. – Amsterdam : Philadelphia : John Benjamin Publ. Co, 1992. – 245 p.

Pierce, C. S. Collected Papers of C. S. Pierce / C. S. Pierce. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1960. – 244 p.

Porzig, W. Wesennafte Bedeutungsbeziehungen / W. Porzig // Beitrage zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. – 1934. – Bd. 58. – S. 70–97.

Quine, W. The Inscrutability of Reference / W. Quine // Semantic : An Interdisciplinary Reader. – Cambridge, 1971. – P. 142–154.

Rauh, G. Aspects of Deixis / G. Rauh // Essays on Deixis / ed. G. Rauh. – Tübingen, 1983. – P. 9–60.

Rauh, G. On Coming and Going in English and German / G. Rauh // Papers and Studies in Contrastive Linguistics. – 1981. – № 13. – P. 53–68.

Reichenbach, H. Elements of Symbolic Logic / H. Reichenbach. – N. Y. : Macmillan, 1947. – 444 p.

Reuning, K. J. A Comparative Study of the Linguistic Field of Pleasarable Emotions in English and German / K. J. Reuning, J. Freude. – Pennsylvania : Swarthmore, 1941. – 141 p.

Robert, P. Le nouveau Petit Robert : dict. alph. et analogique de la lang. fr. / P. Robert. – Paris : Dict. Le Robert, 2004. – 2949 p.

Roget, P. M. Thesaurus of English Words and Phrases / P. M. Roget. – N. Y. : Martin's Press, 1964. – 1309 p.

Sacks, H. Two Preferences in the Organization Reference to Persons in Conversation and Their Interaction / H. Sacks, E. A. Schegloff // Everyday Language : Studies in Ethnomethodology. – N. Y., 1979. – P. 15–21.

Schopf, A. The Past Tense in English / A. Schopf // Essays on Tensing in English / ed. A. Schopf. – 1987. – Vol. 1 : Reference Time, Tense and Adverbs Tubingen. – P. 177–220.

Searle, J. The Background of Meaning / J. Searle // Speech Act Theory and Pragmatics. – Dordrecht, 1980. – P. 221–232.

Searle, J. R. The Foundations of Illocutionary Logic / J. Searle, D. Vanderveken. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1985. – 230 p.

Searle, J. Intentionality / J. Searle. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1982. – 277 p.

Searle, J. R. On Conversation / J. R. Searle. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 1992. – 154 p.

Searle, J. R. Speech Acts : An Essay on the Philosophy of Language / J. R. Searle. – N. Y. : Cambridge Press, 1970. – 352 p.

Segal, E. Narrative Comprehension and the Role of Deictic Shift Theory / E. Segal // Deixis in Narrative: A Cognitive Science Perspective / ed.: J. F. Duchan, G. Bruder, L. Hewitt. – Hillsdale ; New Jersey, 1995. – P. 3–19.

Siepmann, D. Phraseology in Learner's Dictionaries : What, Where and How? / D. Siepmann // Phraseology in Foreign Language Learning and Teaching. – Amsterdam ; Philadelphia, 2008. – P. 185–221.

Simon, H. J. From Pragmatics to Grammar. Tracing the Development of Respect in the History of the German Pronouns of Address / H. J. Simon // Diachronic Perspectives on Address Term Systems / ed.: I. Taavitsainen, A. H. Jucker. – Amsterdam ; Philadelphia, 2003. – P. 85–123.

Slane, S. Personal Space Measurement: A Validational comparison / S. Slane, R. Petruska, Sh. Cheyfitz // Psychological Record. – 1981. – Vol. 31, № 2. – P. 145–151.

Slobin, D. I. Linguistic Representations of Motion Events: What is Signifier and What is Signified / D. Slobin // Outside-in, Inside-out: Iconicity in Language and Literature / C. Maedor [et al.]. – Amsterdam ; Philadelphia, 2005. – P. 307–322.

Sommer, R. Personal Space: The Behavioral Basis of Design / R. Sommer. – Englewood Cliffs : Prentice-Hall, 1969. – 177 p.

Stockwell, P. Cognitive Poetics. An Introduction / P. Stockwell. – London ; N. Y. : Routledge, 2002. – 193 p.

Svensen, B. Dictionary Project / B. Svensen // Lexicography : Dictionaries, Critics, and Users / B. Svensen. – London ; N. Y., 2003. – P. 97–123.

Talmy, L. Toward a Cognitive Semantics : in 2 vol. / L. Talmy. – Cambridge : MIT Press, 2000. – Vol. 2 : Toward a Cognitive Semantics: Typology and Process in Concept Structuring. – 2000. – 482 p.

Tanz, Ch. Studies in the Acquisition of Deictic Terms / Ch. Tanz. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1980. –184 p.

Vinay, J.-P. Comparative Stylistics of French and English : a Methodology for Translation / J.-P. Vinay, J. Darbelnet. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 1995. – 358 p.

Wiesemann, U. Pronominal Systems / U. Wiesemann. – Tüebingen : Gunter Narr, 1986. – 481 p.

Yuhan, A. Computational Representation of Space / A. Yuhan, S. Shapiro // Deixis in Narrative : A Cognitive Science Perspective / ed. by J. F. Duchan, G. Bruder, L. Hewitt. - Hillsdale, New Jersey ; Hove, UK : Lawrence Erlbaum Assoc., inc, 1995. - P. 191-227.

Zgysta, L. Planning and Organization of Lexicographic Work / L. Zgusta // Lexicography : Dictionaries, Critics, and Users / R. R. K. Hartman [et al.]. – London ; N. Y., 2003. – P. 70–82.

ИСТОЧНИКИ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Адам, М. Мястэчка [Электронны рэсурс] / М. Адам. – Рэжым доступу : https://books. google.by/books?isbn=5040909357. – Дата доступу : 10.09.2016.

Аксамітаў, А. С. Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Я. Коласа / А. С. Аксамітаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 655 с.

Арабей, Л. Маё і тваё [Электронны рэсурс] / Л. Арабей. – Рэжым доступу : http://www.karotkizmest.by/.../лідзія.../лідзія-арабей-маё-і-тваё.html. – Дата доступу : 17.10.2017.

Бензярук, Р. Вадой не разліць [Электронны рэсурс] / Р. Бензярук // Беларуская Палічка : Беларуская электронная бібліятэка. – Рэжым доступу : http://www.knihi.com/Rascislau_Bienziaruk/Vadoj_nie_razlic.html. – Дата доступу : 04.12.2017.

Брыль, Я. Палескія рабінзоны [Электронны рэсурс] / Я. Брыль // Беларуская Палічка : Беларуская электронная бібліятэка. – Рэжым доступу : http://www.knihi.com/Janka_Maur/Paleskija_rabinzony.html. – Дата доступу : 04.09.2017.

БЧ са жніўня адмяняе «турыстычны» цягнік у Варну [Электронны рэсурс] // Sputnik. – Рэжым доступу : https://www.bel.sputnik.by/tourism/20150625/1015877147.html. – Дата доступу : 06.06.2014.

Быкаў, В. Яго батальён [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://www.rv-blr.com/literature/charter/21783. – Дата доступу : 04.09.2017.

Вада брудная, у ёй купацца нельга. Як працуюць гродзенскія фантаны [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : https://www.hrodna.life/2018/08/01/vada-brudnaya-u-yoy-kupacca-nelga-yak-pracuyuc-grodzenskiya-fantanyi/. – Дата доступу : 24.10.2017.

Віншаванні біскупа Антонія Дзям'янкі вернікам Пінскай дыяцэзіі на свята Нараджэння Пана і Новы 2013 год [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : https://www.catholic.by/3/lib/documents/appeals/4052-vinshavanni-biskupa-antoniya-dzyam-yanki-vernikam-pinskaj-dyyatsezii-na-svyata-naradzhennya-pana-i-novy-2013-god. – Дата доступу : 24.10.2017.

Вялікая хмара ідзе на Мінск з паўночнага захаду. У Ратамцы ўжо грымае [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : https://www.m.nn.by/articles/131814. – Дата доступу : 24.04.2018.

Гісторыя Касцёла: 100-годдзе закліку «Каралева супакою, маліся за нас» [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://www.https://catholic.by/3/pub/auth/7165-100-goddze-zakliku-karaleva-supakoyu-malisya-za-nas. – Дата доступу : 07.05.2016.

Дзіцячыя творчыя майстэрні [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://www.ygallery.by/projects/majsterni/0010157/. – Дата доступу : 03.12.2017.

Ён прыходзіў з дажджом [Электронны рэсурс] / уклад. Г. Янкута. – Мінск : Янушкевіч, 2015. – 292 с. – Рэжым доступу : https://www.books. google.by/books?id=DDl8DwAAQBAJ&pg=PT261&lpg=PT261&d. – Дата доступу : 23.05.2017.

Кабан, А. Сборник стихов [Электронный ресурс] / А. Кабан. – Режим доступа : http://www.vk.com/topic-11885508_21849867?post=29. – Дата доступа : 12.05.2016.

Казько, В. Выратуй і памілуй нас, чорны бусел [Электронны рэсурс] / В. Казько. – Рэжым доступу : http://www.pdf.kamunikat.org/23452-1.pdf. – Дата доступу : 04.04.2016.

Калі жонка кажа… [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : https://www.m.nn.by/ articles/152313. – Дата доступу : 03.02.2016.

Клышка, А. Роднае [Электронны рэсурс] / А. Клышка. – Рэжым доступу : http://www.pdf.kamunikat.org/15477-1.pdf. – Дата доступу : 24.09.2015

Колас, Я. Зб. тв. : у 2 т. [Электронны рэсурс] / Я. Колас. – Рэжым доступу : https://www.be.wikisource.org/wiki/Якуб_Колас_(Тарас_Гушча)_Збор_твораў. – Дата доступу: 03.04.2015.

Колас, Я. На рэчцы зімою [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http//www.yakubkolas.ru/na-rechtsy-zimoyu. – Дата доступу : 25.10.2017.

Колас, Я. Песьні-жальбы [Электронны рэсурс] / Я. Колас // Родныя вобразы. – Рэжым доступу : http://www.rv-blr.com/literature/3023. – Дата доступу : 25.10.2017.

Куды ідзе 59-ы аўтобус? [Электронны рэсурс] // LiveJournal. – Рэжым доступу : http://www.wroblewska.livejournal.com/7070.html. – Дата доступу : 04.12.2016.

Ларын, М. Прышлы [Электронны рэсурс] / М. Ларын. – Рэжым доступу : http://www.knihi.com/Michas_Laryn/Prysly.html. – Дата доступу : 15.08.2017.

Ліпка, П. Рунец [Электронны рэсурс] / П. Ліпка. – Рэжым доступу : http://www.chitaemdetyam.com/images/books/Runec_P._Lipka.docx. – Дата доступу : 02.02.2016.

Маленькі блоХ: «395 знакаў пра каханне, не лічыўшы прабелаў» [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://www.dzietki.by/forum/weblog_entry.php?e=608. – Дата доступу : 04.04.2017.

Мележ, І. Завеі [Электронны рэсурс] / І. Мележ. – Рэжым доступу : http//:www.4itaem.com›book/420079/reader?page=7. – Дата доступу : 10.06.2016.

Метэоры, каметы ляцяць! Сутыкаюцца і паміраюць! [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : https://www.vk.com/topic-11885508_21849867?post=29. – Дата доступу : 25.10.2015.

Мова неба [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://www.b17.ru. – Дата доступу : 05.09.2017.

Наваградак: рыцарскі фэст, дзень першы, частка першая [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://www.dzen.by/navagradak-rycarski-fest-dzen-pershy-chastka-pershaya. – Дата доступу : 03.04.2015.

Наша газета [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://www.bstu.by/uploads/attachments/rio/nsp_2010_06.pdf. – Дата доступу : 04.02.2017.

Нашы паездкі і мерапрыемствы [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : https://vk.com/ topic-5047544_21762597. – Дата доступу : 05.12.2016.

Нашыя дзеткі : партал для бацькоў-беларусаў [Электронный ресурс] / Спіс форумаў. – Рэжым доступу : http://www.dzietki.org/forum/weblog_entry.php?e=608. – Дата доступу : 12.03.2017.

Нікіфарава, С. У размове пра «гэта» галоўнае – давер : інтэрв'ю з В. М. Шукан [Электронны рэсурс] / С. Нікіфарава // Настаўн. газ. –

2014. – 19 мая. – Рэжым доступу : https://www.nastgaz.by/u-razmove-prageta-galounae-dave/. – Дата доступу : 25.11.2015.

Рабіновіч, У. Жыдзянё [Электронны рэсурс] / У. Рабіновіч. – Рэжым доступу : https://www.proza.ru/2015/05/22/1808. – Дата доступу : 25.11.2015.

Разумны казачнік [Электронны рэсурс] / Беларуская Палічка : Беларуская электронная бібліятэка. – Рэжым доступу : http//:www. knihi.com/Kazki_ insych_narodau/Razumny_kazacnik.html. – Дата доступу : 10.09.2016.

Рушыцца ўсё, прападае край : нататкі Кастуся Шыталя з кароткай дарогі [Электронны рэсурс] / К. Шыталь // WESTKI.info. Навіны Паўночнай Беларусі і Вільні. – Рэжым доступу : http://www.westki.info/artykuly/20188/ rushycca-usyo-prapadae-kray-natatki-kastusya-shytalya-z-karotkay-darogi. – Дата доступу : 3.04.2016.

Сартр, Ж.-П. Пакой [Электронны рэсурс] / Ж.-П. Сартр // Беларуская Палічка : Беларуская электронная бібліятэка. – Рэжым доступу : http://www.knihi.com/Zan-Pol_Sartr/. – Дата доступу : 23.09.2015.

Серыкаў, Р. Верш пра тэлевізар [Электронны рэсурс] / Р. Серыкаў. – Рэжым доступу : http://www.nn.by/?c=ar&i=73405. – Дата доступу : 23.09.2015.

Скарнік : русско-белорусский словарь [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : https://www.skarnik.by/tsbm/81820. – Дата доступу : 02.09.2017.

Соломоник, Т. Г. Словарь современных английских идиом / Т. Г. Соломоник. – СПб. : Золотой век, 2003. – 416 с.

Тапанімічны слоўнік Кармянскага раёна [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://www.ostrovets.by/news/istoriya/news4697.html. – Дата доступу : 05.09.2017.

У нашых сэрцах – памяць аб кожным чацвёртым [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://сцэнарый.дамен.бел/scenaryi/peramoga/u-nashyh-sercah-pamjac-ab-kognym-chacvjortym.html. – Дата доступу : 25.11.2015.

У сваёй хаце і дзіркі грэюць // Звязда [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://www.zviazda.by/be/news/20140221/1392933328-u-svayoy-hace-i-dzirki-greyuc. – Дата доступу : 05.09.2017.

Худніцкая, А. В. Віртуальная культурная прастора ў сучасным навуковым дыскурсе [Электронны рэсурс] / А. В. Худніцкая // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Е, Педагогические науки. – 2017. – № 7. – Рэжым доступу : http://www.elib.psu.by/handle/123456789/20541. – Дата доступу : 05.09.2017.

Чыгрынаў, І. У ціхім тумане [Электронны рэсурс] / І. Чыгрынаў // Беларуская палічка : Беларуская электронная бібліятэка. – Рэжым доступу : http://knihi.com/Ivan_Cyhrynau/U_cichim_tumanie.html. – Дата доступу : 15.10.2016.

Шамякін, І. Сэрца на далоні [Электронны рэсурс] / І. Шамякін // Беларуская палічка : Беларуская электронная бібліятэка. – Рэжым доступу : http://knihi.com/Ivan_Samiakin/Serca_na_daloni.html. – Дата доступу : 15.10.2016.

Шэляговіч, В. У адным кроку ад цуда / В. Шэляговіч // Маладосць. – 2013. – № 1. – С. 4.

Якімовіч, А. Сем гісторый пра воўка і вожыка [Электронный ресурс] / А. Якімовіч // Газета Слонімская. – 2015. – 20 мая. – Рэжым доступу : http://www.gs.by/2015/05/20/sem-gistoryj-pra-vouka-i-vozhyka-5. – Дата доступу : 14.02.2017.

Янкоўскі, Ф. М. Беларускія народныя параўнанні : кароткі слоўн. / Ф. М. Янкоўскі. – Мінск : Выш. шк., 1973. – 237 с.

Янкоўскі, Ф. М. Фразеалагічны слоўнік / Ф. М. Янкоўскі. – Мінск : Нар. асвета, 1973. – 352 с.

Яновіч, С. Самасей [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : https://www.rulit.me/books/samasej-read-431084-36.html. – Дата доступу : 23.05.2016.

Arbogast, C. Hobnail [Electronic resource] / C. Arbogast. – Mode of access : https://www.genius.com/Jd-salinger-the-catcher-in-the-rye-chap-22-annotated. – Date of access : 11.04.2017.

Balancing India's Foreign Policy in the Regional Rivalry [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.forion.livejournal.com›100730.html. – Date of access : 02.02.2016.

Bally, Ch. L'expression des idées de sphère personnelle et de solidaritè dans les langues indoeuropéennes / Ch. Bally // Festschrift Louis Gauchat. – Aarau: Sauerländer, 1926. – P. 68–78.

Behr, R. David Cameron speech at Tory conference: what he said – and what he meant [Electronic resource] / R. Behr // The Guardian. – 2015. – 7 oct. – Mode of access : http://www.theguardian.com/politics/ng-interactive/2015/oct/07/david-cameron-speech-at-tory-conference-what-he-said-and-what-he-meant. – Date of access : 17.06.2017.

British Prime Minister Margaret Thatcher, addressing reporters outside 10 Downing Street, 1989 [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.grammar.about.com/od/rs/fl/royal-we.htm. – Date of access : 18.03.2016.

Cambridge Idioms Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : http://idioms.thefreedictionary.com. – Date of access : 12.04.2010.

Caplan, B. On Sense and Direct Reference / B. Caplan // Readings in the Philosophy of Language. – Matthew Davidson : McGraw-Hill Education, 2007. – 1104 p.

Clark, H. H. Space, time, semantics, and thechild / H. H. Clark // Cognitive development and the acquisition of language; (ed.) T. E. Moore. – N. Y. ; London : Acad. Press, 1973. – P. 27–63.

Fairclough, N. Critical Discourse Analysis : The Critical Study of Language [Electronic resource] / N. Fairclough. – Mode of access : http//www. books.google.by/books/about/Critical_Discourse_Analysis.html?id=3djbAAAAQBAJ&redir_esc=y. – Date of access : 05.12.2017.

Idioms Dictionary [Electronic resource] – Mode of access : http://www.dictionary reference.com/idioms. – Date of access : 03.03.2010.
Longman Dictionary of Contemporary English. – London : Longman, 1995. – 1668 p.
Obama's state of the Union transcript 2010 : Full text [Electronic resource] / B. Obama. – Mode of access : https://www.politico.com/story/2010/01/obamas-state-of-the-union-address-032111. – Date of access : 18.03.2016.
Open-mouthed. Meaning of open-mouthed in Longman Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.ldoceonline.com/dictionary/open-mouthed. – Date of access : 13.03.2015.
Participate in our research [Electronic resource]. – Mode of access : http://www. psych.auckland.ac.nz/en/about/our-research/participate-in-our-research.html. – Date of access : 25.04.2017.
Pratchett, T. Good Omens [Electronic resource] / T. Pratchtt. – Mode of access : http://www.google.books. – Date of access : 05.10.2015.
Random House Unabridged Dictionary [Electronic resource] – Electronic text data and program. – N. Y. : Random House ; Auckland : WordPerfect, 1993. – 1 electron. opt. disc (CD-ROM).
RiversoContext [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.context. reverso.net. – Date of access : 18.03.2016.
Sallinger, S. D. Catcher in the Rye [Electronic resource] / S. D. Sallinger. – Mode of access : https://genius.com/Jd-salinger-the-catcher-in-the-rye-chap-22-annotated. – Date of access : 11.04.2017.
Similes Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.thefre edictionary.com/trasnsience. – Date of access : 20.03.2011.
Sometimes I look into the sky, Why? What is up there? [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.poemhunter.com. – Date of access : 04.05.2016.
State of the Union Addresses [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.books.google.by/books?isbn=1681240009. – Date of access : 15.01.2017.
The British National Corpus [Electronic resource]. – Oxford, 2010–2012. – Mode of access : http://www.natcorp.ox.ac.uk. – Date of access : 14.05.2010.
Translating demonstrative pronouns [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.lektsii.com/3-110035.html. – Date of access : 23.07.2015.
WordReference [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.forum. wordreference.com/threads/car-she-or-it.2880360/. – Date of access : 23.07.2017.

СОДЕРЖАНИЕ

Список условных сокращений 3

Введение 8

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕЙКСИСА 10
1.1. Онтологические концепции дейксиса 10
1.2. Лингвистический статус дейксиса 11
1.3. Семантико-прагматические параметры дейктических единиц 19
1.4. Структура значения дейктической единицы 25
1.5. Поле как лингвистическая модель дейктической семантики 29
1.6. Соотношение дейксиса и анафоры 32
1.7. Методика сопоставительного исследования дейктических единиц ...34

Глава 2. ТИПОЛОГИЯ ДЕЙКСИСА В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД 41
2.1. Микрополя личного дейксиса 41
2.1.1. Личные местоимения 41
2.1.2. Притяжательные местоимения 47
2.1.3. Возвратные местоимения 49
2.2. Микрополя пространственного дейксиса 50
2.2.1. Местонахождение 50
2.2.1.1. Указательные местоимения 50
2.2.1.2. Указательные частицы 57
2.2.1.3. Наречия и прилагательные 62
2.2.1.4. Фразеологизмы 67
2.2.2. Перемещение 76
2.2.2.1. Глаголы перемещения 76
2.2.2.2. Наречия 80
2.2.2.3. Фразеологизмы 81
2.3. Микрополя темпорального дейксиса 88
2.3.1. Наречия 89
2.3.2. Частицы 90
2.3.3. Прилагательные 91
2.3.4. Существительные 91
2.3.5. Фразеологизмы 92
2.3.6. Глаголы 96
2.3.6.1. Глагольное время 96
2.3.6.2. Вид и аспект 103

2.4. Синкретизм пространственного
и темпорального типов дейксиса 107

2.5. Роль дейксиса в коммуникативно-прагматической организации
дискурса 108
2.5.1. Дейксис в реализации коммуникативных тактик
и стратегий 108
2.5.2. Дейксис и коммуникативные неудачи 118

Глава 3. БЕЛОРУССКО-АНГЛИЙСКИЙ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ
ДЕЙКТИЧЕСКИЙ ИЗОМОРФИЗМ И АЛЛОМОРФИЗМ
В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ И ПРИКЛАДНОМ АСПЕКТАХ 122

3.1. Межъязыковая дейктическая эквивалентность и ее типы 122
3.1.1. Полные дейктические эквиваленты 124
3.1.2. Дейктические соответствия 127
3.1.3. Белорусские безэквивалентные дейктические единицы 128

3.2. Формы проявления национальной специфики белорусских
дейктических единиц 131

3.3. Современное состояние двуязычной лексикографии
в отечественном языкознании и теоретические основы
составления «Беларуска-англійскага ідэаграфічнага слоўніка
дэйксісу» 133

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 139

ЛИТЕРАТУРА 143

Научное издание

Артёмова Ольга Александровна

ТИПОЛОГИЯ ДЕЙКСИСА В СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (на материале белорусского и английского языков)

Ответственный за выпуск *О. А. Артёмова*

Редактор *О. С. Забродская*, *Е. И. Ковалёва*
Компьютерная верстка *Н. В. Мельник*

Подписано в печать 15.10.2019. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 11,44. Тираж 100 экз. Заказ 41.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г.
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.